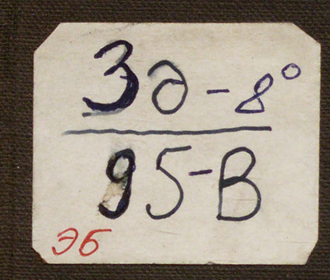
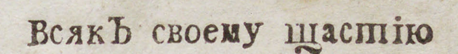

Зд-8°
95-В
Эб

Всякъ своему щастію

есть

КУЗНЕЦЪ

или

НЕПРЕОБОРИМАЯ ВѢРНОСТЬ

МОНЕСА и МАРІИ.

Переводъ съ Французскаго.

Перевелъ частнаго Арба каго народнаг. Училища, учитель Михайла Меморской.

Съ Указнаго Дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ

Въ Типографіи Исаака И: Зедербана,

1795 года.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧУ, КОКОШКИНУ

Милостивому моему государю усерднѣйшее приношеніе.

ВАШЕ ВЫСОКОБЛАГОРОДІЕ!

Милостивѣйшій государь!

Знаменитыя качества, отличающія великую душу вашу и благодѣянія, коими многіе пользуются, производя истинное во мнѣ къ вашей особѣ почитаніе, внушили купно и живѣйшую благодарность, которая, не будучи въ состояніи скрываться въ нутри самаго сердца, и принуждена была излиться симъ посильнымъ трудовъ моихъ упражненіемъ.

И такЪ, милостивѣйшій Государь! сЪ роднымЪ вамЪ великодушіемЪ, сей слабый опытЪ трудовЪ моихЪ удостойте благосклоннаго вниманія вашего, и позвольте именоваться

ВАШЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЯ

Милостивѣйшій государь!

усерднѣйшимЪ слугою

У. Михайло Меморской.

ВСЯКЪ СВОЕМУ ЩАСТІЮ есть КУЗНЕЦЪ.

Любезный другъ!

Вы просите меня, чтобъ я вамъ сообщилъ жизни моей описаніе, которое и посылаю. Только прошу васъ, такъ, какъ искренняго моего друга, не критиковать моего слога, которой весьма простъ. Ибо признаюсь вамъ, что я ни когда не бывалъ сочинителемъ.

Я не стану вамъ описывать младенческія мои лѣта, почитая то за излишнее; но только скажу вамъ то, что я произошелъ отъ знатной фамиліи. Отечество мое Франція; городъ, въ которомъ я рожденъ, есть Парижъ. Родитель мой имѣя несщетныя богатства, котораго я

былъ одинъ наслѣдникомъ, великое прилагалъ старанiе о моемъ воспитанiи. И въ томъ все свое удовольствiе поставлялъ, дабы видѣть меня на верьку славы. Онъ ни мало не жалѣлъ своего капитала для просвѣщенiя моего разума. Признаюсь вамъ безъ всякаго хвастовства, что я столько былъ понятенъ чему меня обучали, что многихъ превосходилъ товарищей равныхъ мнѣ лѣтами.

Родитель мой примѣтя во мнѣ остроту разума и отличность отъ другихъ желалъ счастливаго окончанiя моихъ наукъ, которыя я и окончилъ съ великою отъ всѣхъ похвалою. Лишъ только мнѣ исполнилось пятнатцать лѣтъ, и лишъ началъ выходить на Театръ свѣта, то слухъ мой наполняли всѣми совершенствами, какiя только приличны просвѣщенному человѣку; а особливо нежный женскiй полъ находилъ во мнѣ великую красоту, которою меня природа одарила, и каждая молодая особа, казалось, желала посвятить мнѣ свое сердце, кое еще ни чего тогда не чувствовало, и было не преклонно.

Наступило то время, въ которое мнѣ надлежало явиться въ полкъ. Родитель мой приготовя все нужное къ моему отъѣзду отпустилъ меня, давши мнѣ многiя наставленiя до войны касающiяся ибо въ то время была война между Францiею и Англiею. Вступя въ службу былъ я любимъ моими начальниками не потому только, что я произшелъ

отъ знатной фамилїи. но поревности моей къ службѣ, въ которой я отли·чался отъ другихъ; но я не долго при армїи находился, будучи весьма тяжело раненъ и къ томужъ пристала ко мнѣ сильная горячка, принужденъ на нѣсколько времени онуя оставить. Увѣдомивши о моей болѣзни своихъ родителей, получилъ отъ нихъ письмо, чтобъ я выпрося отставку немедленно, къ нимъ ѣхалъ, ежели то мнѣ моя болѣзнь позволяетъ. Повинуясь приказанїю столь знаменитыхъ для меня особъ, выпросивши отставку, отправился въ путь. Въ дорогѣ со мной не случилось ни чего такого, чтобъ было достойно примѣчанїя и въ короткое время прибылъ въ Парижъ.

О! съ какою радостїю и съ какимъ восхищенїемъ бросился я въ объятїя моихъ родителей, сего описать перо мое не можетъ. Но и они не менѣе моего радуясь моему прїезду прижимали меня съ сердоболїемъ родительскимъ къ своимъ грудямъ, называя меня разными отъ горячей ихъ любви происходящими именами: а какъ я не совершенно еще отъ моей болѣзни освободился, то и совѣтовали лѣкари, дабы мы на нѣсколько времени оставили Парижъ и ѣхали бы въ загородной нашъ домъ, гдѣ отъ чистаго воздуха я скорей могу получить прежнее мое здравїе.

Любящїе меня родители лѣкарской совѣтъ охотно исполнили, и мы на другой же день отправились въ замокъ отъ

отъ Парижа на двѣ только мили отстоящій. Сей замокъ украшенъ былъ прекрасными алеями изъ кедровыхъ деревъ состоящими, мимо коего протекала хрусталю подобная чистая рѣка. Въ семъ то прекрасномъ замкѣ прожили мы двѣ недѣли, и я отъ чистаго воздуха совершенно отъ болѣзни освободился, и сталъ чувствовать въ себѣ прежнюю бодрость и силу.

Не вдальнемъ отъ насъ растояніи былъ замокъ Г. Опіано, родители мои разсудили его навѣстить такъ же и меня приглася съ собою, дабы мнѣ одному не было въ замкѣ скучно, хотя мнѣ и крайне не хотѣлось съ ними ѣхать; однако опасаясь, дабы чрезъ то не прогнѣвать горячо любящихъ меня родителей, согласился быть съ ними у Опіано. Гдѣ приняты мы были весьма ласково, и просидѣли около трехъ часовъ. Время клонилось уже къ вечеру, и надлежало намъ ѣхать домой; но Опіано усильно просилъ насъ остаться къ вечернему столу, на что мы и согласились. И такъ когда накрытъ былъ столъ, за которой сѣвши разговаривали о разныхъ матеріяхъ, въ которыхъ и я бралъ участіе разговаривать, меня за сіе весьма хвалили; но я учтиво защищался отъ похвалъ.

Вдругъ двери залы отворились и вошла дочь Опіано, которая сѣвши возлѣ своего родителя, взоръ испущенный изъ глазъ моихъ встрѣтился съ ея глазами. Сія пріятная незапность смѣшенная

смѣшенная съ удивленіемъ, покрыла лице мое нѣжнымъ румянцомъ. Я остановилъ на ней зрѣніе мое, и не возмогъ его отъ нее отвратить: столькожъ смущенная какъ и я, Марія (такъ называлась дочь Оніанова) покрыта была живымъ румянцемъ, и сидѣла потупивъ глаза, немогши болѣе на меня смотрѣть. Опасаясь я моихъ родителей, дабы краски въ лицѣ моемъ не примѣтили, отвернулся на сторону, и приказалъ служителю подать стаканъ холодной воды; но сія моя невинная хитрость ни мало не помогла, и я такъ тяжело вздохнулъ, что родитель мой спросилъ меня, не приключилось ли мнѣ чего? я ему отвѣчалъ, что чувствую въ себѣ жаръ; но сей жаръ больше происходилъ отъ любви, которою я пылалъ къ несравненной Мірїи, нежели отъ чего другаго. Сидящіе за столомъ, начали рѣчь о войнѣ, ибо всегда таковые старики, каковъ былъ мой родитель и Оніано, болѣе всего разговариваютъ о войнахъ, выхваляютъ старинныя обряды, уважаютъ свою службу, съ какою ревностію они тогда сражались, и защищали свое отечество. Я во время ихъ разговора неспускалъ глазъ своихъ съ любезной Маріи, осматривая черты лица ея, и находилъ въ оныхъ всѣ прелести, какую только красавица имѣть можетъ. Ея рѣчи столько меня плѣнили, когда она что нибудь говорила, что я почиталъ ее богинею, тихо, важно и скромно говорящею, однимъ словомъ, мало такихъ было во всемъ Пари-

Парижѣ дѣвицъ, которая бы могла въ чемъ либо съ ней сравниться.

По окончаніи стола, за которымъ я почти ни чего не употреблялъ, принуждены мы, оставя замокъ Опіано, ѣхать домой; ибо въ то время было уже двенатцать часовъ ночи; но мнѣ казалось, что я не болѣе находился въ семъ лабиринтѣ, гдѣ несравненная красавица обитаетъ, какъ одной минуты. И такъ поблагодаря Опіано, отправились мы въ свой замокъ, попрося учтивымъ образомъ его на другой день къ себѣ.

Во время нашего пути спрашивалъ меня здоровъ ли я? что мнѣ было на сей вопросъ отвѣчать? я сказалъ ему, что ни какой болезни не чуствую, и головной жаръ претерпеваемый мною за столомъ у Опіано со всемъ миновался.

По пріѣздѣ въ замокъ раздевшись я бросился на постелю немогши сомкнуть глазъ своихъ ни на одну минуту, воображая несравненную красоту пленившей меня особы. Признаться; что я въ то время былъ самъ не свой. Въ таковыхъ находясь мысляхъ, протекла не примѣтно ночь, и ясный день начиналъ показываться, я кликнулъ моего камердинера приказалъ ему подавать одеваться. Одевшись сколько можно лучше, дабы показать себя предъ Маріею, ибо я надѣялся, что и она къ намъ будетъ, пошелъ по обыкновенію поздравить моихъ родителей съ утромъ и пожелать имъ добраго здоровья. Они крайне удивились, что я такъ рано всталъ и одетъ вели-

великолѣпно, и о семъ немедленно меня спросили. Я имъ отвѣчалъ, что какъ нынѣшней день обѣщался насъ посѣтить Опіано, то заблагоразсудилъ одѣться по порядочнѣе: что жъ касается до того, что такъ рано всталъ, то намѣренъ итти прогуливаться въ близъ лежащую рощу, что и въ самомъ дѣлѣ учинилъ. Разставшиеь съ ними, пошелъ изъ замка не взявъ съ собою ни кого. При входѣ моемъ въ рощу предался я любовнымъ размышленіямъ, и слушалъ пѣсенки маленкихъ птичекъ, которые своимъ пѣніемъ прославляли всея природы Создателя. Они перелѣтывая съ одного кусточка на другой попарно, казалось, что не хотѣли ни на одну минуту разлучиться. Завидуя состоянію сихъ маленькихъ птичекъ больше нежели своему, говорилъ самъ себѣ: ахъ! для чего я не паду предъ ногами моихъ родителей, и для чего не прошу отъ нихъ согласія вступить въ супружество! съ кѣмъ же? любезная Марія! ты одна только можешъ обладать моимъ сердцемъ! ахъ несравненная Марія! ты, можетъ быть, меня не любишъ! нѣтъ, возможно ли тебѣ не любить меня! я, увидя тебя только въ первой разъ, замѣтилъ изъ прекрасныхъ твоихъ очей расположенное ко мнѣ сердце. Въ таковыхъ находясь размышленіяхъ, примѣтилъ я идущаго ко мнѣ человѣка, это мой былъ камердинеръ. Я спрашивалъ его: нѣтъ ли у насъ кого нибудь изъ гостей? а какъ получилъ въ отвѣтъ, что пріѣхалъ Опіано

Опіано съ своею дочерью; то бросился къ замку какъ изъ лука пущенная стрѣла. При входѣ моемъ въ пріемную залу, первой предметъ представился очамъ моимъ, это была Марія, увидя ее не зналъ, что мнѣ начать говорить, и стоялъ, какъ изумленной.

Родитель мой видя во мнѣ перемѣну спрашивалъ причины оныя, и укорялъ меня медленіемъ. Я извинившись предъ нимъ; сказалъ: что расхаживался по прекрасному лугу испещренному цвѣтами, и при пѣніи птицъ легъ на траву, и заснулъ. Въ сіе самое время, когда я приносилъ оправданіе предъ моимъ родителемъ, Марія смотрѣла на меня съ наполненными слезъ глазами, и уже какъ бы предчувствовала, что родитель мой не будетъ согласенъ на нашъ бракъ, по причинѣ бѣдности Опіано; ибо родитель мой великое имѣлъ пристрастіе къ сребролюбію. И сіе то самое было причиною моего несчастія. Что вы увидите, любезный другъ, изъ продолженія моей исторіи. И такъ когда накрыли столъ и за оной сѣли, то родитель мой началъ разговаривать съ Опіано. Что принадлежитъ до меня, я не видалъ ни чего кромѣ Маріи, ежели я смотрѣлъ на нее, то она потупляла глаза; а иногда принуждена была взглянуть и на меня, для того только, чтобъ сказать мнѣ своими взорами, дабы насъ не примѣтили, и ябъ поступалъ осторожнѣе.

По окончаніи стола, пошли всѣ въ гостинную, гдѣ сидѣлъ я возлѣ возлюблен-

возлюбленнаго для меня предмета, хотѣлъ было съ ней говорить; но опасался своихъ родителей; дабы чрезъ то не подать подозрѣнія. Къ великому моему огорченію, Опіано оставивъ и по благодаря моихъ родителей за ласковое ихъ съ нимъ обхожденіе, простясь поѣхалъ въ свой домъ, похитя отъ меня свѣтъ очей моихъ, дражайшую Марію. Съ сихъ самыхъ поръ предался я великому размышленію, и все, что я прежде ни находилъ пріятнымъ, мнѣ стало несносно, и почти ни куда не выходилъ изъ своихъ покоевъ, развѣ только для прогулки въ близъ лежащій лѣсъ, въ которомъ оплакивалъ свое состояніе, воображая себѣ, что ни какъ не могу увѣнчать свою любовь наилучшимъ концемъ. Съ одной стороны я не сумнѣвался, чтобъ Опіано согласился вступить въ сродство съ толь знаменитою фамиліею, какова наша; но съ другой стороны не могъ ни какъ надѣятся, чтобъ родитель мой на нашъ бракъ когда либо склониться могъ. Ибо я многократно самъ отъ него слыхалъ, что онъ выбрать мнѣ намѣренъ невѣсту знатной фамиліи и при томъ съ великимъ богатствомъ. Сіе его мнѣніе меня крайне огорчило и тревожило такъ что я иногда цѣлой день просиживалъ въ задумчивости не примѣчая, какъ оной проходялъ.

Въ одинъ день родители мои примѣтя во мнѣ не обыкновенную задумчивость, спросили меня, чтобъ было тому причиною, когда мы не видимъ въ

въ тебѣ прежней веселости, въ какой мы тебя почти всегда находили? я имъ отвѣтствовалъ, что ни какой перемѣны въ себѣ не чувствую, Но они поговоря нѣчто между собою, чего я не могъ слышать, приказали готовиться въ Парижъ. Надѣясь, что моя страсть пропадетъ, когда болѣе не увижу Марїи, ибо они уже примѣчали, что мое сердце расположено къ сей любви достойной дѣвицѣ. Сїе ихъ приказанїе поразило меня какъ громовымъ ударомъ. Я усильно ихъ просилъ, чтобъ они лѣтнее время прожили въ семъ увеселительномъ замкѣ: но они совсемъ въ моей прозьбѣ отказали тутъ то я отчаялся болѣе не видѣть поразившаго мое сердце предмета.

И такъ наступилъ тотъ плачевной для меня день, въ которой надлежало мнѣ оставить прїятныя для мѣста, гдѣ не подалеку обитала Владычица моего сердца. Уже подвезена была дорожная коляска; надлежало въ оною садиться, я обратя мои очи въ ту сторону гдѣ находился замокъ Отїано; сказалъ, прости дражайшая Марїя! прости, можетъ быть, въ послѣднїй разъ я тебя видѣлъ. На писавши къ ней письмо хотѣлъ оставить оное у дворника, дабы онъ по нашемъ отъѣздѣ вручилъ оное Марїѣ; но онъ отъ сего отказался, ибо уже наистрожайше отъ родителей моихъ приказано было всѣмъ служителямъ, чтобъ никакихъ писемъ отъ меня не принимать безъ ихъ на то приказанїя

приказанія. И такъ оставя замокъ прибыли благополучно въ Парижъ. Но можно ли исцѣлить ту язву, которая глубоко вкоренилась въ мое сердце? Всѣ увеселенія, всѣ зрѣлища, на которыя я принужденъ былъ ѣздить, были для меня ни что иное какъ только одна скука и печаль. Что мнѣ было дѣлать, самъ того не зналъ.

Въ одинъ день примѣтилъ я въ родителяхъ моихъ веселость, не упустилъ сего случая, чтобъ не пасть къ ихъ ногамъ; а какъ скоро сіе учинилъ, то они спрашивали у меня, чего я отъ нихъ требую, но я былъ нѣсколько безгласенъ и стоялъ предъ ними какъ изумленной, по томъ опамятовшись, началъ говорить слѣдующимъ образомъ: дражайшіе родители! простите мою смѣлость, что я дерзаю предъ вами говорить, можетъ быть, вамъ и не пріятное. Съ перваго взгляду, когда я увидѣлъ достойную Марію, почувствовалъ къ ней великую страсть въ моемъ сердцѣ, которую ни какъ искоренить не можно, и ежели вы меня любите, въ чемъ я и не сумнѣваюсь, то сжальтесь надо мною, не откажите въ моей прозьбѣ, позвольте вступить съ нею въ законный бракъ, иначе моя жизнь будетъ мнѣ въ тягость, и вы ни когда не увидите меня въ прежнемъ положеніи. При семъ словѣ у отца моего со всемъ перемѣнилось лице, и поднявши меня говорилъ мнѣ: любезный сынъ! не ужели ты сумнѣваешся въ моей къ тебѣ любви? и не ужели ты

тый осмѣлиться преслушивать тому, кто тебя произвелъ на свѣтъ, и прилагалъ о тебѣ всякія старанія, дабы твое щастіе усовершенствовать. Послушай меня! и узнай, кто я, и кто Отіано: его фамілія самая послѣдняя во дворянствѣ, и ты по тому прельстился красотою его дочери, что еще мало видалъ лучшихъ ее во всѣхъ совершенствахъ. Открываюсь тебѣ, что уже назначена для тебя невѣста наисовершеннѣйшая какъ красотою такъ и богатствомъ, и отмѣнную въ своемъ происхожденіи изъ фамилиї Маркиза Ду. Размышляй, говорю, и не вдавайся столь для тебя позорной любви. По семъ они оба вышли изъ того покоя, въ которомъ мы находились, не говоря ни слова.

Я пошелъ въ свой покой, легъ на постелю, не вставая цѣлой день, хотя меня и призывали къ столу, однако я отказался. Послѣ окончанія дня призвалъ меня къ себѣ родитель мой и спрашивалъ перемѣнилъ ли я свои негодныя мысли? ни какъ нѣтъ, дражайшій родитель! я въ семъ пребуду до гроба, и ни что искоренить сего изъ моего сердца не можетъ. Не достойный сынъ! вскричалъ онъ съ великимъ сердцемъ, ты ли осмѣливаешся преслушать мои совѣты? не надѣйся! ни когда не получишъ ту, которой фамилію всегда я презираю. Я бросился къ его ногамъ; но онъ оттолкнулъ меня отъ себя столь сильно, что изъ ноздрей моихъ полилась ручьями кровь, и не сказавъ ни слова, вышелъ

вышелъ вонъ. Я сжимая лице, пошелъ оплакивать нещастіе свое въ мои покои. Спустя часъ времени вошелъ ко мнѣ мой камердинеръ, говоря, что родитель мой приказалъ мнѣ одѣваться. Не могши преслушать приказанія отца моего, причесалъ волосы, и одѣлся, сколько надобно было лучшее пошелъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ уже меня дожидался. Онъ мнѣ сказалъ, что намѣренъ меня взять съ собою къ Маркизу Д. и приказывалъ, что бъ я тамъ обходился весьма учтиво. И такъ сѣвши въ карету поѣхали въ домъ Маркиза, гдѣ приняты были съ великимъ великолѣпіемъ. Тутъ увидѣлъ я назначенную мнѣ родителемъ невесту, признаюсь, любезный другъ, отдалъ бы ей свое сердце; ежели бы оно не посвящено было дражайшей Маріи, ибо и сія любви достойная дѣвица ни въ чемъ не уступала Маріѣ какъ красотою, такъ и разумомъ и всѣми совершенствами. Когда мы находились всѣ вмѣстѣ; то родитель мой съ Маркизомъ вышли въ другой покой, оставя насъ съ Ангеликою) такъ называлась, сія дѣвица. Что мнѣ было начать говорить съ нею? я спрашивалъ ее о Парижскихъ веселостяхъ; на что она мнѣ отвѣчала съ скромною стыдливостію, что весьма мало выѣзжаетъ въ публичные маскерады и оперы, развѣ тогда, когда родитель ея или мать съ нею пожелаетъ. При чемъ я ни мало изъ нее не замѣтилъ, хотя бы она имѣла малѣйшую искру любви ко мнѣ, чему я чрезмѣрно былъ радъ, ибо

ибо, какъ уже я послѣ навѣдался, она отдала сердце свое давно другому. И такъ когда родитель мой и Маркизъ вышли къ намъ, то начали говорить между собою. Отецъ мой первой началъ говорить Маркизу, такъ: любезный другъ! ты давно желалъ видѣть моего сына, котораго я къ вамъ сей день представилъ, и ежели вамъ не противно будетъ вступить со мною въ сродство, отдавъ вашу дочь за него, то я сїе сочту за великое щастїе; равномѣрно и сынъ мой будетъ считать то великимъ награжденїемъ. Маркизъ выслушавъ слова моего родителя отвѣчалъ, любезный прїятель! ежели только не противна будетъ моя дочь вашему сыну, то я готовъ согласиться на ваше предложенїе, что жъ касается до согласїя моей дочери; то она ни когда изъ границъ ко мнѣ послушанїя не выходитъ. Я въ сїи ихъ разговоры, сидѣлъ какъ изумленной, и ни мало не хотѣлъ вступить въ противной мнѣ бракъ, хотя бы то мнѣ стоило и самой жизни.

И такъ разпрощавшись поѣхали мы домой: сидя въ каретѣ разсуждалъ я, какъ бы мнѣ свое намѣренїе привести въ дѣйство, и расположился на другой день подъ видомъ выѣзда къ моему прїятелю съѣздить въ замокъ Опїано, и увидѣть любезную мою Марїю, и ей объясниться въ горячей къ ней любви. Разсуждая такимъ образомъ, прибыли мы домой, гдѣ отецъ мой въ присудствїи моей матери, началъ мнѣ говорить; что

что любезный сынъ! можешъ ли ты сравнить Ангелику будущую твою невесту съ Марїею? что мнѣ было отвѣчать? я сказалъ; конечно и Ангелика ни въ чемъ Марїѣ не уступаетъ, но какъ я той прежде отдалъ сердце свое; и слѣдовательно того перемѣнить ни какъ не могу. Безпутной! вскричалъ тогда отецъ мой, хочешъ ли ты того, чтобъ я тебя лишилъ наслѣдства, отдавъ другому, нежели тебѣ родительской власти не покоряющемуся! поди и размышляй и избирай то, что тебѣ лучше, день уже назначенъ къ сочетанїю васъ съ Ангеликою чрезъ пять дней; а я тебѣ даю сроку только на два; послѣ сего ежели ты останешся въ томъ же намѣренїи какъ и теперь; то бѣги съ моихъ глазъ, и не называй меня болѣе своимъ отцомъ.

Послѣ сихъ горестныхъ для меня словъ оставшись я одинъ, вскричалъ о Боже! ту ли ты власть далъ родителямъ, чтобы принуждать дѣтей къ ненавистному ихъ браку! положимъ такъ; хотя бы я и исполнилъ приказанїе моихъ родителей; но послѣ не сталъ ли бы я ненавидѣть, ту, къ которой сердце мое ни когда не было расположено; а можетъ быть преступилъ бы чрезъ то клятву, данную предъ олтаремъ; какъ согрѣшаютъ родители отнимая отъ дѣтей ту власть, которая однимъ только имъ принадлежитъ! между сими моими разсужденїями наступила ночь требующая отъ всякаго успокоенїя. Я легъ

лег на постелю, ни на одну минуту не могши сомкнуть глаз своих; безпрестанно мнѣ мечталось, будто бы я лишаюсь дражайшей Маріи. И так твердое положил намѣреніе на другой день ѣхать туда, куда привлекала меня любовь, и с тѣм заснул.

На другой день вставши по утру очень рано и одѣвшись поспѣшно приказал осѣдлать лошадь, и как скоро все было готово, то я велѣл моему камердинеру, естьли меня спросят, сказать, что я поѣхал навѣстить одного моего пріятеля служившаго со мной в одном полку, и которой не давно из арміи пріѣхал. По том сѣвши на лошадь, поскакал во весь опор к замку Онтано. Во всю дорогу размышлял я, каким образом изъяснить ту страстную любовь, которою к Маріѣ пылал; но для горячо любящаго любовника все не трудно: любовь бывает учителем к открытію своей страсти. Колеблем бурными разными мыслями, прибыл к замку, гдѣ обитала роза распускающаяся при утренней зарѣ. Я спросил у предстоящаго караульнаго, дома ли его господин? которой мнѣ отвѣчал, что нѣт; а поѣхал осматривать вспаханныя поля. Сіе мнѣ весьма было пріятно, ибо я надѣялся, что найду Марію одну, что и в самом дѣлѣ мнѣ удалось. При входѣ моем в гостиную первая представилась очам моим плачущая Марія, я бросился пред нею на колѣни, и говорил: жизнь души моея! дражайшая Ма-

Марія! познай во мнѣ обожателя красоты твоей! прелести ваши поразили меня до безконечности. Ты молчишь! скажи дражайшая! скажи хотя одно слово, или хочешь, чтобъ я предъ твоими глазами испустилъ духъ мой! нѣтъ, перехватила рѣчь мою Марія, сама обливаясь слезами, письмо—письмо сіе (подавая мнѣ оное) заставляетъ меня проливать ручьи слѣзъ. Я принялъ оное дрожащими руками, и читалъ въ немъ слѣдующее:

МАРКИЗЪ М: Г: ОПІАНО здравія желаетъ!

Другъ мой! ежели ты меня любишъ; то не откажи въ моей прозьбѣ, которая состоитъ въ слѣдующемъ: извѣстно вамъ, что имѣю сына, котораго страстно люблю; и уже давно далъ вѣрое мое слово Маркизу Д: женить сына моего на его дочери, и даннаго мною слова ни какъ перемѣнить не могу. Ибо ты самъ знаешъ, кто нынѣ Маркизъ при дворѣ. А какъ сынъ мой признался мнѣ въ любви къ вашей дочери; то постарайся прозьбы его отвергнуть, ежели онъ будетъ требовать руки вашей дочери. Въ притивномъ же случаѣ ежели вы мнѣ въ семъ откажете,

и позволите тайно ему обвѣнчаться; то какъ я, такъ и Маркизъ Д: мстить вамъ непремѣненъ. А сынъ мой будетъ лишенъ наслѣдства всего моего имѣнія

Маркизъ М:

Прочитавши сіе письмо я весь оцѣпенелъ, и не помнилъ самъ себя; а какъ очувствовался, то увидѣлъ предъ собою Отіано. Отдавъ ему достодолжнее почтеніе, извиняся ему, что можетъ быть обезпокоилъ его своимъ пріѣздомъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, что очень радъ, видя меня въ своемъ домѣ; но я не съ тѣмъ пріѣхалъ къ вамъ, говорилъ онъ, чтобъ только отдать вамъ мое почтеніе, но важная причина принудила меня нынѣшній день увасъ быть, позвольте, прошу васъ, объяснить вамъ оную. А какъ получилъ на то позволеніе; то и началъ говорить такъ: милостивѣйшій государь! осмѣливаюсь васъ просить о томъ, что для васъ пріятно и для меня драгоцѣнно; а имянно, руки вашей дочери, ежели я только того достоинъ, то не откажите покорному и преданному вамъ Монесу. Онъ нѣсколько помолчавши, а по томъ сказалъ: любезный Монесъ! я не могу васъ почитать чтобъ вы были не достойны моей дочери, а напротивъ того почитаю васъ еще достойнѣе ее и наинечувствительнѣйшимъ бы остался, ежели бы отказалъ въ вашей прозьбѣ; но извините меня, что

что вашего требованія никакъ исполнить не могу; ибо того требуетъ собственная ваша и моя польза, и не иначе вы получите руку моей дочери, какъ съ согласія вашего родителя; и совѣтую вамъ себя болѣе не обезпокоивать и мнѣ о семъ не предлагать. И такъ государь мой! говорилъ онъ мнѣ, нѣкоторыя дѣла заставляютъ меня васъ оставить: и извините, что съ вами пробыть болѣе времени не имѣю, и прошу васъ забыть такъ же и мою дочь, которая вашею супругою быть не можетъ.

И такъ я поклонясь, вышелъ вонъ; и сѣвши на лошадь, поѣхалъ обратно въ Парижъ проклиная свою участь; какъ вдругъ увидѣлъ за собою весьма шибко скачущаго человѣка, я принужденъ былъ остановиться и подождать; и какъ скоро онъ ко мнѣ приближился, отдалъ мнѣ письмо, и ни чего не говоря обратно уѣхалъ. Я посмотря на надпись того письма, увидѣлъ, что оно было написано на мое имя. Удивясь сему приключенію, думалъ, не солюбовникъ ли въ разсужденіи Маріи ко мнѣ оное прислалъ, дабы пощекотаться на шпагахъ; однако въ ономъ я ошибся, и къ крайнему моему удивленію читалъ въ немъ слѣдующее:

ДРАЖАШІЙ МОНЕСЪ!

Безъ сомнѣнія я думаю, ты ропщешъ на злой свой рокъ; но и не менѣе проклинаю тотъ часъ

въ которой васъ увидѣла. Признаюсь, что безъ васъ жизнь моя будетъ мнѣ въ тягость; и ежели вы меня прямо любите, то избирайте случай со мною отсюда удалиться; я къ отъѣзду буду готова, только назначте время. Ожидающая отъ васъ на сіе письмо отвѣта вѣрная вамъ Марія.

По прочтеніи сего письма, въ великое пришелъ восхищеніе: многократно цѣлуя оное прочитывалъ, и поспѣшалъ скорѣе ѣхать въ Парижъ, дабы приготовить все нужное къ нашему отъѣзду, надѣясь, что любовь всему научитъ. Пріѣхавши домой былъ позванъ предъ моего родителя, онъ меня спрашивалъ, гдѣ я столько времени былъ. Я сказалъ ему, что посѣщалъ одного моего товарища, которой не давно пріѣхалъ изъ арміи. По томъ бросился къ ногамъ его, прося прощенія во всѣхъ ему мною причиненныхъ озлобленіяхъ. Онъ былъ моимъ разскаяніемъ не сказанно обрадованъ; и спрашивалъ, отъ чего я такъ вдругъ перемѣнилъ свои мысли? я отвѣчалъ, что мой пріятель, у котораго я былъ, убѣдилъ меня вамъ повиноваться, и потому принужденнымъ себя нашелъ просить у васъ прощенія, и дать на ваше предложеніе мое согласіе. Достойный сынъ! вскричалъ родитель мой съ восхищені-

емъ, завтрешній день ты долженъ ѣхать къ твоей невѣстѣ, и постарайся какъ можно ей понравиться. Въ прочемъ уговоры съ твоимъ тестемъ совершенно заключены, и ты въ томъ положись на меня. Тогда я просилъ у моего родителя денегъ для покупки подарковъ для принесенія въ жертву моей невѣстѣ, въ чемъ онъ и не отказалъ давши триста луйдоровъ. По томъ пошелъ въ свои покои, и написалъ къ любезной Маріи письмо слѣдующаго содержанія:

НЕСРАВНЕННАЯ МАРІЯ!

Въ какомъ я былъ восхищеніи получа дражайшею твоею рукою писанное письмо, которое нѣсколько разъ прочитывалъ, дабы уразумѣть истинну словъ твоихъ! Ахъ дражайшая Марія! свѣтъ очей моихъ! спѣши, спѣши, избѣгнуть отъ гонящаго насъ рока! Оставимъ на нѣсколько времени родителей; свяжемся не разрывными цѣпьми брака! не здѣсь, но вдругой странѣ, гдѣ судьба намъ повелитъ; прощай! прощай, будьте готовы нынѣшнюю ночь и ожидайте меня при выходѣ задней калитки вашего сада. Я буду въ три часа по полуночи въ готовности къ отъѣзду. Прощай.

Запечатавъ сіе письмо, подговорилъ моего камердинера, давши ему нѣсколько денегъ, отнести оное въ замокъ Опіано, и приказалъ ему крайне остерегаться дабы оно не попалось въ руки ея родителя: но какъ онъ былъ парень проворной и хитрой; то и не сумнѣвался я, чтобъ онъ не доставилъ въ руки самой Маріи.

Отпустя его, пошелъ я на постоялой дворъ, гдѣ подрядя коляску съ двумя лошадьми, приказалъ извощику ожидать меня въ 2 часа ночи на томъ же дворѣ, гдѣ я его порядилъ. По томъ пошелъ обратно домой и заперішись въ своемъ кабинетѣ написалъ письмо моимъ родителямъ, и положилъ оное на столѣ. Оно было слѣдующщаго содержанія:

ДРАЖАЙШІЕ РОДИТЕЛИ!

Простите мою дерзость, что я учинился преступникомъ предъ священными особами, и здѣлался извергомъ всей нашей фамиліи. Знаю, что лишаюсь васъ, можетъ быть, уже на вѣки, и думаю, что въ послѣдній разъ лобызалъ руки ваши. Простите, и вспомните иногда обо мнѣ, что я осталъся бы на всегда въ вашихъ объятіяхъ, ежели бы вы не препятствовали нашему браку съ достойною Маріею. Прощайте! я

ѣду туда, куда меня ведетъ любовь, и не ищите меня болѣе: я буду тамъ, гдѣ вы совсемъ и не думаете М. М.

Вскорѣ по томъ пришелъ мой и камердинеръ, и принесъ отъ Маріи отвѣтъ. Онъ вотъ въ чемъ заключался:

ЛЮБЕЗНЫЙ МОНЕСЪ!

Письмо ваше читала съ запекшимися устами, и неоднократно разскаивалась на данное вамъ мною согласіе, воображая: кого я оставляю? родителя, которой, можетъ быть, съ печали окончитъ дни свои. Но чтожъ дѣлать? любовь ослѣпила глаза мои. Бѣгу! бѣгу оставя родителя, отечество; и предаюсь во власть судьбы, и надѣюсь на твою чистѣйшую любовь! Прощай! и ожидай меня въ назначенномъ тобою мѣстѣ.

Марія.

Уже наступила мрачная ночь, я старался запастись, какъ можно было, лучше, взявъ съ собою всѣ мои драгоцѣнныя вещи и триста луйдоровъ, данные мнѣ родителемъ на подарки нѣвестѣ, которую я оставилъ для другаго. Уже пробило часъ ночи, въ

длежало растаться съ домомъ отца моего. Оделся, сошелъ тихими но трепещущими стопами со двора; такъ что видѣть меня ни кто не могъ. Пошелъ прямо въ трактиръ, гдѣ уже ожидалъ меня извощикъ гнать лошадей; ибо было тогда уже два часа, мы весьма скоро доѣхали до замка Опіано. Я приказалъ извощику остановить лошадей не въ дальномъ разстояніи отъ сада; а самъ пошелъ къ калиткѣ: отворивъ оную и не видя возлюбленнаго для меня предмета пришелъ въ великой страхъ и отчаяніе, пошедъ въ даль по алеѣ примѣтилъ нѣчто чернѣющееся, поспѣшалъ къ тому мѣсту: это была Марія, Марія не могущая сойти съ одного мѣста. Она меня узнала, а по томъ вскричала: это ты любезный Монесъ! ты ли это? Я, я божественная Марія! Бросившись къ ней цѣловалъ, обливая слезами ея руки подавая помощь ей итти къ калиткѣ; но она была не въ силахъ; я взявши ее какъ двухлѣтняго младенца понесъ къ стоящей коляскѣ, и посадилъ во оную; но она тутъ такъ громко закричала, Ахъ, что я пришелъ въ робость, дабы въ замкѣ не услышали; а по томъ тихо говорила: прости дражайшій родитель! я, которую ты любилъ какъ самаго себя, тебя оставляю, слѣдую въ неизвѣстную мнѣ дорогу, и упала въ обморокъ. О жалкое состояніе! и теперь, любезный другъ не могу, вспомнить безъ содроганія сердца, сѣлъ возлѣ ее, утѣшая сколько можно; она мало по малу приходила въ

въ себя; а на конецъ перестала уже проливать слѣзы, которыми уже и такъ довольно омочила свое платье.

Я приказалъ извощику ѣхать, сколько можно, скорѣе, направляя нашъ путь въ Лїонъ, откуда я намѣренъ былъ ѣхать наораблѣ въ Римъ. И такимъ образомъ ѣдучи мы болѣе четырехъ часовъ по большой части малыми дорогами, были отъ погони совсемъ въ безопасности и отъѣхали отъ замка болѣе дватцати миль. Тутъ къ нещастїю нашему передняя ось у коляски переломилась, и мы должны были простоять на семъ мѣстѣ около двухъ часовъ, пока извощикъ не сходилъ въ близъ лѣжащую деревню для покупки оси. Исправивши, какъ надлежало, коляску, пустились мы опять въ путь: а какъ желудки наши были пусты, и требовали подкрѣпленїя силъ, то мы должны были остановиться въ одной деревнѣ, называемой Потасъ. Въѣхавши въ трактиръ приказали хозяину изготовить для себя хорошїй обѣдъ: и такъ подкрѣпя свои силы, а извощикъ накормя лошадей, и расплатившись съ хозяиномъ отправились въ путь. Въ дорогѣ съ нами ни чего не случилось, только мы ежеминутно опасались погони отъ нашихъ родителей; но страхъ нашъ былъ ничто иное, какъ одно воображенїе. На конецъ мы прибыли благополучно въ Лїонъ расплатившись съ извощикомъ, заблагоразсудилъ переодѣть Марїю въ мужское платье, и оставя ее на постоялом дворѣ, гдѣ для насъ была

была очищена особливая горница, а самъ пошелъ на пристань искать, нѣтъ ли корабля отправляющагося въ Римъ. Къ щастїю нашелъ корабль со всемъ готовый къ выходу въ море, ожидалъ только благополучнаго вѣтра. Уговорившись съ хозяиномъ о цѣнѣ, которой съ охотою согласился насъ отвезти въ надлежащее намъ мѣсто. Я поспѣшалъ увѣдомить о семъ Марїю. И пришедши къ ней разсказалъ все случившееся со мною.

По томъ пошли мы на корабль, гдѣ отведена намъ была особливая каюта; вшедши во оную возсылали къ Богу теплѣйшїя молитвы о сохраненїи нашей жизни въ толь опасномъ пути. А какъ повѣялъ попутный вѣтръ; то подняли на кораблѣ всѣ парусы и пустились въ море. Мы находясь съ Марїею болѣе ни очемъ не помышляли, какъ толькобъ скорѣе прибыть въ Римъ и сочетаться бракомъ. Но о праведные небеса! прости государь мой, что я пролью на семъ словѣ слезъ!.. Въ третей день благополучнаго нашего плаванїя, востала сильная буря, громъ, молнїя, градъ и дождь, какъ будто бы согласясь вмѣстѣ для устроенїя нашего нещастїя, все бросились на колѣни произнося усердныя молитвы къ небесамъ о утоленїи толь страшныя стихїи. Въ сїе самое время дражайшая Марїя была безчувственна: я бѣгалъ по кораблю какъ сумасшедшїй, спрашивалъ крѣпкаго спирта; но ни кто не внималъ словамъ моимъ, всѣ старались о спасенїи своея жизни

жизни. Я бросился на ея тѣло, омывая оное своими слезами; къ щастїю моему вспомнилъ я, что видѣлъ у нее скляночку, будучи еще въ Лїонѣ наполненную спиртомъ, сыскавъ оную въ ея карманѣ, натиралъ симъ спиртомъ виски ея, отъ чего они пришли въ чувство. Лишъ только успѣла опамятоваться, то бросилась ко мнѣ на шею, проливая источники слезъ и говорила: ахъ дражайшїй Монесъ! для того ли насъ судьба соединила, что бы погубить? Но о! какъ мы счастливы, что умремъ вмѣстѣ, и погребены будемъ въ одномъ гробѣ, глубокаго моря.

Вдругъ солнце возсїяло, бурливые вѣтры утихли, море стало спокойно и непоколебимо. Всѣ объяты будучи радостнымъ восторгомъ, благодарили Бога за спасенїе своея жизни. Одинъ толькоясъ Марїею не ощущалъ онаго; и какъ бы уже предчувствовали себѣ неизбежимую погибель. Погода во весь тотъ день была весьма благополучна, и всѣ другъ друга увѣряли, что вскорѣ увидятъ свое отечество; хотя того еще и не знали, сколько далеко отъ онаго находились. Въ таковыхъ находясь восхищенїяхъ воспѣвали радостныя пѣнїя; какъ вдругъ къ великому всѣхъ удивленїю, увидѣли разбойничей корабль, за ними гнавшїйся Какъ быстро парящїй орелъ разверзаетъ свои кохти и разныя дѣлаетъ на воздухѣ обороты, дабы поимать себѣ жертву: такъ и сей разбойникъ развернувъ всѣ свои парусы, морскими носимъ

будучи волнами къ нашему кораблю стремился. Разбойникъ приказалъ своему канонниру выстрѣлить изъ всѣхъ своихъ пушекъ, что было и съ нашей стороны учинено. О! въ какомъ мы тогда состоянiи находились, сего перо мое изъяснить не можетъ! Марiя, дражайшая моя Марiя упала въ обморокъ и была безчувственна. Я готовъ былъ жизнь нашу защищать до пролитiя своей крови; однако корабль нашъ былъ не военной но купеческой, начали уже другiе сомнѣваться о защищенiи, и всѣ хотѣли добровольно здаться, одинъ только я желалъ до самой капли крови защищать мою Марiю. Сраженiе съ обоихъ сторонъ было кровопролитное, наконецъ разбойники за нашъ корабль зацѣпились, и взошло къ намъ болѣе семидесяти человѣкъ. Я бросился нанихъ какъ разъяренный левъ, многихъ повергъ къ моимъ ногамъ; однако болѣе противиться силѣ ихъ не могши, упалъ весь израненъ. Марiя очувствовавшись и видя меня лежащаго за мертво, бросилась на мое тѣло. Кричала, плакала, рвала на себѣ волосы, призывала небо, дабы оно спасло мою жизнь. Слова ея всякаго бы тронуть могли кромѣ сихъ кровожаждущихъ людей. Они почитая Марiю за мущину, оковавъ ее въ желѣза отвели въ нижнюю каюту корабля; а по томъ и мои перевязавъ раны потащили туда же. О! небо! но когда я увидѣлъ мою возлюбленную Марiю возлѣ меня сидящую и проливающую горчайшiя слѣзы, тогда силился подня-

пться и пасть къ ногамъ ея прося у ней прощенія о нанесенномъ мною ей безчестіи, ибо одинъ я былъ сему причиною. Марія, дражайшая Марія орошала слѣзами болѣе мои раны, нежели меня обвиняли. О злощастны рокъ! я и тутъ еще почиталъ себя счастливымъ, что нахожусь въ одномъ мѣстѣ съ Маріею; но сіе продолжалось не долго. Какъ скоро корабль прибылъ въ Алжиръ; то разбойники выведя изъ онаго повели въ городъ, гдѣ намѣрены были снять съ насъ одежды и облещи въ невольническія рубищи. О праведное небо! въ какомъ я тогда находился состояніи! стократно лучше желалъ умереть, нежели видѣть Марію предъ всѣми обезчещенную; ибо уже зналъ, что разлучусь съ Маріею на вѣки. А какъ дошла очередь снимать платье съ Маріи, хотя она и сильно тому противилась: однако не смотря на ея усиліе совлекли съ нее верьхнюю одежду и узнали, что она болѣе не мущина, и посадили ее въ другое мѣсто. Тщетно я тогда просилъ сихъ взрваровъ не разлучать насъ съ Маріею, называя ее моею женою, тщетно проливалъ горчайшія слезы. Я ее лишился. Сіи варвары не внимая моимъ словамъ и слезамъ, Марію отъ глазъ моихъ скрыли. Разсуди, государь мой! каково тогда было мое состояніе, многократно покушался я на жизнь свою, но всевышняя десница меня отъ того удерживала. По томъ какъ совсѣхъ сняли одежды, то и повели на продажу; а какъ мои раны

не совсемъ еще зажили, то разбойники тщательно пеклись о моемъ излѣченіи, дабы болѣе за меня цѣны взять; по не усыпному сихъ злодѣевъ о исцѣленіи моихъ ранъ попеченію, я совершенно выздоровелъ; то и повели меня съ другими оставшимися еще продавать. Въ варварскихъ странахъ; а особливо въ Тунискомъ и Алжирскомъ государствахъ разбой на морѣ производится какъ позволенная торговля. Правительство каждому позволяетъ по своему достатку корабли вооружать для выходу на разбой. Симъ морскимъ разбойникамъ естьли попадется Христіанской корабль, то всѣ на ономъ морскіе служители съ посажирами становятся ихъ невольниками и продаются отъ нихъ послѣ за наличныя деньги. Дей или владѣлецъ разбираетъ плѣнныхъ, естьли отыщутся изъ нихъ молодые люди, то производятъ ихъ въ Пажи. Они весьма порядочно содержатся. Богатое платье, и при томъ много доходу получаютъ отъ посторонних.

Съ другими же плѣнными на противъ того весьма тихо ихъ солдаты обходятся, прочіе употребляютея въ балье (публичные домы) зависящіе отъ правительства. Тѣ сожалѣнія достойны, которые попадаются въ руки Тагариновъ, произшедшихъ отъ Испанскихъ Мавровъ, которые покупаютъ невольниковъ для продажи и выигрышу. Сіи корыстолюбивые тираны налагаютъ на нихъ тяжкія работы, кормя ихъ худо,

худо, поступаютъ жестоко, съ тѣмъ только намѣренїемъ, что бъ заних заплаченные деньги больше и скорѣе выручить. И всего больше сожалѣнїя достойно то, что попадаются знатные особы во власть сихъ тирановъ которые до чрезвычайности искусны сыскивать сихъ невольниковъ, отъ которыхъ они великую получаютъ прибыль. Знатнаго состоянїя въ плѣнъ попавшїеся не могутъ остеречься отъ разспросовъ сихъ лихоимцовъ.

Меня купилъ одинъ безчеловѣчный Тугаринъ, которой въ томъ только и удовольствїе свое поставлялъ, чтобъ мучить людей и возлагать на нихъ наи труднѣйшїя работы. Какъ скоро меня къ нему привели; то наложили тяжкїе оковы, и заставили перевозить съ одного мѣста на другое каменья, ибо въ то время у него другой работы не случилось, на каждой день выдаемо намъ было для укрѣпленїя силъ по пяти небольшихъ сухарей; а прихлѣбка къ онымъ была чистая и прозрачная вода. Въ одинъ день, призвавъ меня мой тиранъ предъ себя, спрашивалъ: кто мои родители, и въ состоянїи ли дать за себя выкупъ къ полученїю вольности. Я ему отвѣчалъ: что я бѣдной Французъ лишенный во младенчествѣ своихъ родителей, пришедшїй въ совершенный возрастъ женился на одной пригожей дѣвушкѣ, и по нѣкоторому необходимому дѣлу долженъ былъ ѣхать въ Римъ. Плавая нѣсколько времени по пространству моря, были погодою занесены весьма далеко; а на ко-

нецъ достались въ добычу Алжирцамъ. Что жъ касается до моего выкупу; то отнято у меня все то, что только я ни имѣлъ, болѣе же всего возлюбленую мою Марїю, которую люблю болѣе моея жизни. При сихъ мною произнесенныхъ со слѣзами словахъ какъ ни казался онъ грубымъ и безчеловѣчнымъ; однако, какъ я примѣтилъ въ немъ, нѣкоторое сожалѣнїе о моемъ нещастїи, и приказалъ надзирателю не такъ строго со мною поступать, какъ съ другими невольниками, и съ тѣмъ меня отъ себя отпустилъ.

Послѣ сего такая ко мнѣ пристала сильная горячка, что уже со всемъ отчаялись видѣть меня живымъ, въ семъ нещастномъ моемъ положенїи, крайнее имѣлъ попеченїе одинъ невольникъ помнящїй оказанную мною, ему услугу, когда онъ подымалъ болшой камень и не въ силахъ онаго поднять, принуждаемъ былъ къ сему отъ жестокихъ приставниковъ палочными ударами. Я сожалѣя о немъ помогъ ему положить камень на тележку и за сїе то самое онъ имѣлъ обо мнѣ старанїе. А какъ скоро я началъ оправляться отъ моей болѣзни; то и заставили меня съ прочими сотоварищами работать; хотя еще и мало имѣлъ силъ, однако чтобъ избѣгнуть наказанїе, исправлялъ возложенную на меня работу съ великимъ трудомъ.

Съ сихъ поръ мы съ моимъ товарищемъ начали жить весьма дружелюбно и помогали другъ другу въ работѣ, дабы

по окончанiи оной насладиться дружескими разговорами. Много разъ мы покушались оставить сiи проклятыя мѣста; однако и то разсуждали, что можемъ быть пойманы, и за то будемъ болѣе пить чашу горестей нежели теперь. И притомъ изъ глазъ надзирателей скрыться было весьма трудно; къ томужъ тяжкiе оковы; которыми мы были опутаны, заставляли насъ перемѣнить наши намѣренiя. Въ одинъ день послѣ окончанiя работы пошли съ Аметомъ (такъ назывался мой товарищь) для отдохновенiя къ одному источнику гдѣ сѣвши начали говорить о нашихъ общихъ нещастiяхъ. Разговаривая такимъ образомъ, Аметъ просилъ меня чтобъ я разсказалъ свою исторiю. Любя Амета не могъ его провьбы не исполнить, разсказалъ ему всѣ мои нещастiя. Онъ слушая оныя пролилъ не мало слезъ и былъ такъ же участникомъ въ моей печали. Послѣ окончанiя моей повѣсти, принудили насъ итти на работу палочными ударами: ибо мы во слезахъ и забыли время, въ которое намъ надлежало явиться на оную. На другой день, въ который все невольники въ Алжирѣ освобождаются отъ работы, ибо они въ то время празнуютъ Магометанову гробу, мы съ Аметомъ пошли на тоже мѣсто, гдѣ оплакивали злую нашу участь. Я просилъ его такъ же разсказать свои нещастiя; въ чемъ онъ мнѣ не отказалъ, а началъ свою исторiю слѣдующимъ образомъ.

Любезный другъ! я родомъ Англичанинъ, отецъ мой былъ Баронъ, служилъ при дворѣ, и былъ первымъ любимцомъ Королевскимъ, такъ что Король любя его, выдалъ за него свою двоюродную сестру по имени Елизавету. Сїя любви достойная чета жила весьма согласно, отъ коихъ и я произошелъ на свѣтъ. Родители мои всякое обо мнѣ прилагали старанїе въ малыхъ моихъ лѣтахъ, дабы видѣть во мнѣ отрасль достойную ихъ имени и не было ни чего такого, чѣмъ бы они не пожертвовали для моего благополучїя. Лишъ только мнѣ исполнилось одиннатцать лѣтъ, какъ мать къ великому отца моего и моему огорченїю скончалась. Родитель соболѣзнуя о столь великой потерѣ вскоре послѣдовалъ за нею во гробъ.

Я отданъ былъ подъ опеку Маркизу Ш: нрава звѣрскаго и къ сребролюбїю приверженнаго. Онъ всячески старался меня погубить и завладѣть моимъ имѣнїемъ. Въ одинъ день прислалъ онъ ко мнѣ булку, въ которой скрывался ядъ. Служительница, съ которою онъ прислалъ сей смертоносный ядъ, была женщина честная и Богобоязливая, отдавая оной моему дядькѣ открыла тайну Маркизомъ ей ввѣренную. Дядька любя меня какъ роднаго своего сына, поблагодаря ту женщину за ея добродушїе и подарилъ ей нѣсколько денегъ; а самъ тотъ часъ не говоря ни слова пошелъ къ Королю, которому разсказалъ

разсказалъ все бывшее, и отдалъ ту самую булку, которая была мнѣ приготовлена. Разгнѣванный Король тотъ же часъ приказалъ позвать Маркиза; а какъ онъ предъ него предсталъ, то Король взглянувъ на него грознымъ видомъ, вскричалъ: извергъ! говори! или ты хочешъ оправдаться? —но Маркизъ стоялъ на колѣняхъ какъ изумленной, не могши произнести ни одного слова. Потомъ Король подалъ ту самую булку, которую онъ самъ растворилъ ядомъ, приказалъ ему въ присудствіи всѣхъ сѣесть; а какъ скоро онъ сіе учинилъ, чрезъ часъ испустилъ духъ свой. Меня послѣ сего Король опредѣлилъ при дворѣ давши мнѣ не малой чинъ по моимъ лѣтамъ, и любилъ меня какъ роднаго своего сына. Лишъ только мнѣ минуло двачцять два года, то и заступилъ при дворѣ первое мѣсто. Чему многіе весьма завидовали; а чрезъ зависть нажилъ я себѣ довольно враговъ: но какъ судьбѣ было угодно, чтобъ меня изъ щастливаго здѣлать злощастнымъ, что въ скорѣ и совершилось.

Придворные ненавидящіе меня вздумали меня оклеветать предъ Королемъ, будтобы я ихъ подговаривалъ умертвить его и самому послѣ завладѣть престоломъ. Король повѣря симъ коварнымъ льстецамъ, приказалъ мнѣ сказать чрезъ одного Пажа чтобъ я болѣе во дворцѣ и къ Королю на глаза не являлся. Я спрашивалъ у него сему причины; но онъ мнѣ на сіе ни чего не отвѣ-

отвѣчалъ; а только сказалъ, что онъ присланъ съ имяннымъ повелѣнїемъ сказать мнѣ то, что я уже слышалъ. Симъ и былъ пораженъ какъ низпадшимъ съ небеси громомъ, и хотѣлъ было итти къ Королю оправдаться; но меня болѣе къ нему не впускали. Что было въ такомъ случаѣ начать? принужденъ былъ выпти изъ дворца съ безчестїемъ въ домъ моего родителя: и лишъ приближился къ оному, то увидѣлъ у воротъ приставленной караулъ, хотѣлъ въ оные войти, но меня остановили. О Боже! въ какое я тогда пришелъ бѣшенство! проклиналъ тотъ часъ въ которой родился и рвалъ на себѣ волосы; но ни что мнѣ не помогло, по томъ увидѣлъ вышедшаго ко мнѣ со двора Офицера, онъ подошедши ко мнѣ съ учтивостїю отдалъ три ста тысячь Фунтовъ стерлинговъ за мой дворъ, и вручилъ мнѣ имянное повелѣнїе Короля, въ которомъ запрещалось мнѣ подъ смертною казнїю являться когда либо въ городѣ, и велѣно мнѣ было тотъ же день оной оставить. Принявши отъ него деньги приказалъ людямъ моимъ, которые еще жили во дворѣ, что бы въ чрезъ два дни явились въ замкѣ Клевелло: а самъ сѣвши въ карету поѣхалъ въ означенной замокъ отстоящїй отъ Лондона за сорокъ миль въ которомъ покойной родитель мой жилъ все лѣтнѣе время, куда прибывъ, здѣлалъ всѣмъ распоряженїе, и жилъ въ ономъ въ совершенномъ удовольствїи, со всемъ не завидуя тѣмъ

тѣмъ, которые находятся при дворѣ: Упражненїе мое по большой части состояло въ томъ, что безпрестанно читалъ нравственныя книги, а временемъ выѣзжалъ на охоту, гонясь за дикими звѣрками.

Въ одинъ прекрасный лѣтнїй день, выѣхалъ я на охоту, увидѣлъ въ дали весьма шибко скачущую коляску; а какъ приближилась ко мнѣ, то примѣтилъ, что кучеръ сидящїй на козлахъ весьма наполненъ былъ винными парами, такъ что не могъ болѣе и управлять лошадьми, лошади увидя моихъ собакъ поворотили въ сторону, и наѣхавъ на косогоръ уронили коляску. Я поспѣшалъ къ тому мѣсту, гдѣ такое нещастїе учинилось; но о Боже мой! тутъ увидѣлъ я замертво лежащую несравненной красоты женщину, сталъ ей натирать виски бальзамомъ, которой со мною тогда случился, отъ чего она опомнилась; а потомъ вскричала; гдѣ я? увѣдомивши о ея нещастїи, просилъ, чтобъ она встала. Она приподнявши нѣсколько голову и увидя меня, что я ей не знакомъ, учтиво благодарила за мое о ней попеченїе, потомъ просила меня, чтобъ проводилъ до замка ея родителя Барона Б: Я съ великимъ удовольствїемъ на то согласился посадя ее на свою лошадь; а самъ взявши у служителя, поѣхали къ замку. Куда прибывъ хотѣлъ было обратно ѣхать; но Емилїя (такъ называлась сїя любви и уваженїя достойная дѣвица) просила меня

меня взойти въ покой и принять благодарность отъ ея родителей за сохраненіе жизни. Не могши быть преслушнымъ вошелъ въ покой, и увидя Барона отдалъ ему достодолжное почтеніе, которой крайне удивился, увидѣвъ меня съ своею дочерью пріѣхавшихъ верьхами. А какъ Емилія разсказала ему причину своего нещастія; то Баронъ вмѣсто удивленія бросился ко мнѣ на шею и обнявши меня, стократно благодарилъ за мое стараніе оказанное его дочери, и въ тотъ день я у нихъ обѣдалъ. А какъ вышли изъ за стола, то поблагодаря Барона за ласковой пріемъ, поѣхалъ домой, прося у нихъ позволенія, ежели то имъ не противно будетъ, посѣщать ихъ чаще, чего и они съ охотою желали. Прибывши домой, и взявши книгу, хотѣлъ было читать, но Емилія безпрестанно мнѣ мечталась, и для того оную закрылъ, потому что не могъ ни чего понимать: ахъ любезный Монесъ! я въ то время не зналъ, что есть на свѣтѣ за любовь, и потому о ней судить не могъ. И съ сихъ поръ все, что мнѣ прежде ни было пріятно, здѣлалось противно, и тогда только былъ веселъ и спокоенъ, когда былъ вмѣстѣ съ Емиліею; а когда лишался ея зрѣнія; то приходилъ въ уныніе и задумчивость, и не зналъ, къ чемубъ приписать такую во мнѣ случившуюся перемѣну, Въ одинъ день поѣхалъ я навѣстить мою дражайшую Емилію, къ щастію засталъ ее одну читающую книгу. Любопытствуя

любопытствуя узнать содержанїе оной просилъ у Емилїи посмотрѣть; но какъ оную разкрылъ, то перьво представилось взорамъ моимъ, (Любовь Токаса и Орнесъ.) Изъ чего и заключилъ, что любовь не состоитъ между однимъ человѣкомъ. Положа книгу спросилъ у Емилїи причину моей болѣзни, сказавъ: дражайшая Емилїя! скажите мнѣ, ежели только смѣю васъ спросить, какъ скоро васъ увижу, то чувствую содроганїе сердца; и любовной пламень разливается по всемъ моимъ членамъ; а ежели съ вами разлучаюсь; то нахожусь въ противномъ положенїи. Все мнѣ кажется, скучно, все презираю ; и кажется , бутто бы потерялъ что нибудь драгоцѣнное, и сїе самое съ того времени со мною случилось, какъ я васъ въ первый только разъ удостоился видѣть. На сей мой вопросъ Емилїя отвѣтствовала нѣсколько покраснѣвши: вы, я дуумаю, знаете, любезный Аметъ, что я не лѣкарь и слѣдовательно болѣзни другихъ знать и лѣчить нс умѣю. Но хотѣла было и я такъ же васъ спросить о томъ, въ чемъ вы меня предупредили, ибо я и сама сею же бо‹лѣ›знїю заражена, какую и вы претерпѣваете. Лишъ только мы сей, разговоръ окончали , то и вошелъ Баронъ, которой лишъ только прїѣхалъ изъ Лондона. Я увидя его всталъ и отдалъ ему свое почтенїе, поздравя съ благополучнымъ поїѣздомъ. Но онъ вмѣсто отвѣта, сказалъ мнѣ суровымъ видомъ смѣшеннымъ нѣсколько съ почте-

нїемъ: Государь мой! покорно васъ благодарю за ваше старанїе, которое вы оказали моей дочерѣ, и за ласковое со мною обхожденїе; но извините меня, что вы впредь дочери моей видѣть не можете, причиною тому, что я отдаю ее за достойнаго жениха, которой нынѣ въ великой милости у Государя, онъ обѣщался насъ часто посѣщать. Ибо его замокъ не въ дальномъ отсюда разстоянїи, и ежели онъ васъ здѣсь часто будетъ видѣть; то изъ сего подумаетъ что либо для него противное.

Сїи Барономъ произнесенныя слова были для меня весьма чувствительны, и сказалъ ему въ отвѣтъ: милостивый Государь! можетъ быть, вы презираете меня за пустой слухъ пронесшїйся обо мнѣ при дворѣ, и для того запрещаете видѣть вашу дочь, которую я люблю больше нежели самаго себя: и вы не думайте того, чтобъ моя фамилїя уступала въ чемъ либо вашей. Сїи последнїя слова произнесъ я съ такимъ жаромъ, что Баронъ перемѣнившись въ лицѣ отвѣтствовалъ мнѣ весьма сухо. Другъ мой! говорилъ онъ мнѣ, ссориться съ вами я ни когда не хотѣлъ и не хочу; а только говорю вамъ въ последнїй разъ, что вороты мои для васъ всегда будутъ затворены. Выговоря сїе кликнулъ Емилїю, и вышелъ въ другой покой. Я оставшись одинъ вынулъ изъ кармана карандашъ, и взявши ту книгу которую Емилїя читала; написалъ на бѣломъ мѣстѣ, слѣдующїя строки:

Емилія, дражайшая Емилія! признаюсь тебѣ, что тебя люблю, такъ что лишась твоихъ прелестей, которыми вы поразили мое сердце, лишу себя жизни. Прошу васъ написать хотя одну строчку въ отвѣтъ. По томъ сѣвши на лошадь прибылъ домой и бросясь на постелю предался размышленіямъ, проклиная нещастное свое состояніе и тѣхъ завистниковъ, которые отлуча меня отъ двора, не преставали о мнѣ еще разглашать пустыхъ словъ, чего и на мысль мнѣ ни когда не приходило.

И такъ протекло уже три дни, какъ разстался съ Емиліею, но ни строчки отъ нее не получилъ, полагая тому причиною, или она со всемъ меня не любитъ, или не видала строкъ написанныхъ въ книгѣ, или не имѣетъ вѣрнаго человѣка, съ которымъ бы могла переслать ко мнѣ письмо, и тѣмъ меня утѣшить. Къ крайнему моему удивленію докладываютъ мнѣ, что одна госпожа желаетъ меня видѣть, имѣя нѣчто важное со мною говорить. Не зналъ я впускать ли къ себѣ или нѣтъ, ибо глаза мои были заплаканы; однако и то пришло мнѣ на мысль, что можетъ быть Емилія кого нибудь изъ своихъ пріятельницъ прислала ко мнѣ съ письмомъ. И такъ подумавъ нѣсколько

нѣсколько, приказалъ ее къ себѣ ввести. Но о небо! кого я увидѣлъ? дражайшую Емилїю, которую отчаялся болѣе ни когда видѣть, бросился предъ нею на колѣни, и говорилъ: обладательница сердца моего! дражайшая Емилїя! тебя ли я вижу? не привидѣнїе ли представилось очамъ моимъ? но Емилїя поднимая меня говорила: встань любезный Аметъ, я прїѣхала тебя утѣшить и увѣдомить о своемъ нещастїи, ежели вы меня отъ сего не избавите, то буду на вѣки злощастна, чрезъ три дня послѣдуетъ мой бракъ съ ненавистнымъ мнѣ человѣкомъ. Желая Емилїю избавить отъ толь ненавистнаго ей жениха, предложилъ ей, что иначе освободиться отъ него ни какъ нельзя, какъ оставя родителей ѣхать со мною во Францїю, и тамъ наши сердца связать священными узами. Емилїя на мое предложенїе охотно согласилась, только мы не знали, какимъ образомъ приступить къ нашему предпрїятїю. Хотя родители ея и не подозрѣвали насъ въ любви, однако весьма трудно мнѣ было увезти Емилїю изъ замка, около котораго ежеминутно находилась стража, по причинѣ тогда бывшихъ великихъ разбоевъ. И такъ Емилїя подумавъ нѣсколько сказала мнѣ; ежели нужное къ побѣгу чрезъ два дни будетъ готово; то безъ всякой опасности намѣренїе наше привести въ дѣйство можно будетъ, и что бы я въ моемъ замкѣ дожидался ее

въ назначенное время; по томъ обнявши друг друга увѣряли въ вѣчной любви. Время было коротко; и такъ надлежало Емиліи отправиться. Она распрощавшись со мною поѣхала. Оставшись одинъ, позвалъ къ себѣ вѣрнаго моего дядьку, и открылъ ему мое предпріятіе: но онъ сперва мнѣ отговаривалъ оставить свое отечество, но видя меня непреклонна его совѣтамъ, положился совсемъ на мою волю. Ему ввѣрено отъ меня было все мое имѣніе и всѣми маятностями управлять до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь. По томъ приказалъ ему собрать со всѣхъ откупщиковъ за годъ впередъ деньги и всѣ драгоцѣнныя вещи, которыхъ оставлено было моими родителями весьма много, принести ко мнѣ.

А какъ все было готово, то ожидалъ только того часа, въ которой Емилія ко мнѣ обѣщалась быть. На конецъ наступило то для меня щастливое время: въ которое я увидѣлъ любезный для меня предмѣтъ. Она переодѣта была въ охотническое платье. О! какъ я симъ зрѣлищемъ былъ обрадованъ, сего изъяснить, любезный другъ, не въ силахъ. Мы обоймя другъ друга молили небеса, дабы наше предпріятіе окончали наилучшимъ концемъ. И долго бы въ такихъ восхищеніяхъ находились, ежели бы Емилія не напамятовала мнѣ, что время наши намѣренія совершить; а иначе родитель мой не преминетъ меня искать, ибо я сказалась, что поѣхала на охоту

охоту. Удалясь отъ людей своихъ, пріѣхала къ вамъ, дражайшій Аметъ.

Выслушавъ Емилію приказалъ немедленно, заложить дорожную коляску, и взявши все нужное къ нашему пути отправились въ путь къ пристанѣ Буврѣ приказавши моему кучеру, чтобъ, какъ можно, ѣхать поспѣшнѣе, дабы скорѣе прибыть въ надлежащее мѣсто. Ѣдучи густымъ лѣсомъ увидѣлъ я Емилиныхъ охотниковъ ищущихъ свою госпожу. Мы отъ сего зрѣлища пришли въ необычайный страхъ: я велѣлъ кучеру имъ сказать: ежели они будутъ спрашивать чья коляска? то бы сказалъ: Барона Н: и что ѣдетъ за своимъ господиномъ въ мѣстечко С: а сами закрывшись въ колякѣ не знали, что возпослѣдуетъ. Одинъ охотникъ, прискакавъ къ нашей коляскѣ, спрашивалъ кучера, не видалъ ли онъ одного охотника отъ нихъ отставшаго? а какъ получилъ въ отвѣтъ, что онъ ни кого не видалъ, то и поскакалъ обратно въ лѣсъ. Освободившись такимъ образомъ отъ опасности, поспѣшали ѣхать далѣе. И такъ избѣгнувши одной опасности попались въ другую и едва было не лишился я возлюбленнаго для меня предмѣта.

Проѣзжая большой густой лѣсъ вдругъ выскочило изъ онаго четыре человѣка вооруженные саблями и пистолетами. Они остановя нашу коляску, повелѣвали намъ изъ оной выходить, ежели не хотимъ быть умерщвлены. Емилія испугавшись упала въ обморокъ; а я

выхватя мою саблю, бросился на разбойниковъ въ томъ намѣренiи, или прогнать сихъ бездѣльниковъ, или самому отъ ихъ рукъ погибнуть, нежели разлучиться съ Емилiею. Одного изъ нихъ новергъ къ моимъ ногамъ; а отъ прочихъ и самъ получилъ двѣ раны; но не преставалъ защищаться. Еще одинъ изъ разбойниковъ выстрѣлилъ по мнѣ изъ пистолета, къ щастiю моему пуля пролетѣла мимо, и попала въ моего кучера, которой упалъ бездушенъ; но сей извергъ и самъ былъ лишенъ жизни той же минуты моею саблею. Съ другими же двумя съ часъ я боролся; къ щастiю удалось мнѣ одного изъ нихъ умертвить, что видя другой ударился бѣжать въ лѣсъ; я не хотѣлъ его догонять, а взошедши въ коляску увидѣлъ Емилiю не освободившуюся еще отъ обморока. Всякое о ней въ то время прилагалъ старанiе, натирая ея виски крѣпкимъ спиртомъ, отъ чего она опамятовалась, и видя меня въ крови и всего израненнаго, вторично упала въ обморокъ. Я за благоразсудилъ себѣ перевязать раны, ибо чувствовалъ великую въ себѣ слабость отъ истеченiя множества крови. Во время моей перевязки Емилiя опамятовалась и бросилась въ мои объятiя, оплакивая собственное свое и мое нещастiе и стократно благодарила Бога за сохраненiе моей жизни. И какъ она нѣсколько успокоилась, то я принужденъ былъ занять мѣсто кучера и управлять лошадьми. По выѣздѣ и

изъ лѣсу представилась взорамъ нашимъ въ правой сторонѣ маленькая деревушка. Мы разсудили въ оную заѣхать какъ для утоленія жажды, которая какъ насъ, такъ и лошадей, принуждала въ томъ мѣстѣ остановиться; а особливо болѣе для того, не найдется ли тутъ какой лѣкарь потребный къ излѣченію ранъ моихъ, потому что я болѣе не въ силахъ уже былъ и сидѣть.

Пріѣхавши въ ту деревню, просили одного крестьянина, чтобъ онъ насъ впустилъ къ себѣ на дворъ. Сей старикъ видя меня помертвевшаго въ лицѣ, просилъ, дабы я не терпя времени вошелъ въ его покой; а о присмотрѣ лошадей взялъ попеченіе на себя. Я не могъ вылезти изъ коляски; но дражайшая моя Емилія помогала мнѣ изъ оной выходить; а какъ мы вошли въ покой, то я просилъ своего хозяина сыскать мнѣ лѣкаря. Сей добродушной старикъ, не взирая на свою слабость бросился за лѣкаремъ; а между тѣмъ приказалъ большему своему сыну выпречь лошадей. Я ожидалъ лѣкаря какъ нѣкотораго божества; потому что не могъ болѣе терпѣть чрезвычайной боли въ правой рукѣ, на которой была глубокая и опасная рана. И какъ лѣкарь пришелъ; то принужденъ былъ рукавъ разрѣзать; ибо рука моя чрезвычайно распухла; то лѣкарь обмывши мою рану привязалъ къ оной пластырю обнадеживая меня скоримъ исцѣленіемъ, что и въ самомъ дѣ-

дѣлѣ сбылось, такъ что я чрезъ три дни получилъ себѣ не малое облегченїе, и началъ уже мало по малу приходить въ силы; но дражайшая моя Емилїя не осушала глазъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не выздоровѣлъ. А какъ я пришелъ въ первое состоянїе здоровья; то просилъ хозяина, дабы онъ насъ дозволилъ проводить большему своему сыну до пристани; куда прибывъ обѣщался ему отдать своихъ лошадей за всѣ оказанныя имъ мнѣ услуги. Онъ на сїе охотно согласился: и такъ мы благополучно отправились въ Дувръ. Прибывъ туда чрезъ нѣсколько дней, и нанявши корабль отправляющїся во Францїю, сѣвши въ оной при благополучномъ вѣтрѣ пустились въ море, не забывъ притомъ благодѣянїя оказаннаго намъ старикомъ, жителемъ той деревни, въ которой мы препроводили нѣсколько дней, отдавши сыну его весь экипажъ. Во все то время, когда мы находились на кораблѣ, дулъ такой вѣтеръ, которой нашему плаванїю весьма способствовалъ. И чрезъ четыре дни прибыли благополучно въ Лїонъ. Гдѣ нанявши особливой домъ и перешедъ во оной, началъ я уговаривать дражайшую мою Емилїю вступить со мною въ супружество, что мнѣ не великаго труда стоило. А какъ мы въ семъ согласились; то я просилъ хозяина того дома, чтобъ онъ сходилъ къ пастору того прихода и отъ моего имени попросилъ его, сочетать бракомъ двухъ особъ прїѣхавшихъ не давно изъ

изъ Англіи. Онъ не медля ни мало пошелъ; а я изготовившы все нужное къ нашему браку, ожидалъ того щастливаго часа, въ которой буду называть возлюбленную мою Емилію своей супругой. Находясь въ таковыхъ мысляхъ, увидѣлъ пастора идущаго въ мою комнату. Вставши поспѣшалъ встрѣтить сію священную особу; и послѣ многихъ сбоихъ сторонъ привѣтствій, пошелъ въ Емилину комнату, гдѣ нашелъ ее сидящую весьма въ глубокомъ размышленіи. Началъ ей говорить: обладательница сердца моего! возлюбленная Емилія! наступилъ тотъ часъ, въ которой надлежитъ намъ связаться не разрывными узами супружества. И такъ поспѣшимъ къ ожидающему насъ пастору. Тутъ Емилія тяжело вздохнувъ, подала мнѣ руку, и мы пошли въ тотъ покой, гдѣ надлежало совершать таинство. При входѣ во оной, пасторъ обручивши насъ перстнями, а по томъ приступалъ къ совершенію таинства, поздравилъ насъ съ окончаніемъ брака. Я просилъ его къ столу, такъ же пригласилъ и хозяина дому со всею его фамиліею. Послѣ церемоніи когда всѣ разошлись; то я бросился въ Емилины объятія, стократно цѣловалъ ея руки; увѣрялъ ее въ горячей къ ней любви, и клялся оную сохранить до гроба. По томъ пошли въ ту комнату, гдѣ приготовлена была для насъ брачная ложа; какъ вдругъ услышали мы не обычайной стукъ у дверей. Я бросив-

шись съ обнаженною шпагою къ дверямъ спрашивалъ, ктобъ такъ сильно смѣлъ стучать? Въ отвѣтъ получилъ слѣдующія слова: я здѣшній хозяинъ, пришелъ васъ увѣдомить о вашей опасности, которая вамъ предстоитъ, спасайтесь! еще ли не хотите быть въ рукахъ ищущихъ васъ не извѣстными мнѣ людьми, потому что не далеко отсюда полицейская команда обыскиваетъ во всякомъ домѣ не давно прибывшаго сюда Англичанина, подхватившаго дѣвицу изъ обьятій родительскихъ; и я догадываюсь, что это вы.

Отъ сихъ словъ я весь оцѣпенѣлъ, и отопря дверь просилъ усердно хозяина чтобъ онъ спасъ насъ отъ поисковъ; ибо я уже зналъ, что сіе происходитъ отъ моего тестя. Добродушной хозяинъ велѣлъ мнѣ, чтобъ я скорѣе одѣлся а самъ пошелъ закладывать свою коляску, и написавши письмо къ одному откупщику не далеко живущему, чтобъ насъ принялъ какъ его друзей, давши мнѣ провожатаго, которой отвелъ меня къ оному откупщику, которой насъ принялъ весьма ласково и отвелъ намъ особливую комнату, гдѣ мы благополучно препроводили ночь, наслаждаясь пріятностями любви. На другой день лишъ только мы успѣли встать; то и вошелъ нашъ благодѣтель, избавившій насъ отъ поисковъ: онъ намъ совѣтовалъ, чтобъ мы, какъ можно, неоткладывая вдаль времени искали себѣ убѣжища въ другой странѣ; ибо говорилъ онъ: вамъ

весьма здѣсь трудно укрыться отъ поисковъ; и что онъ самъ тамъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ господинъ въ совершенныхъ уже лѣтахъ старается провѣдать о нашемъ пребываніи, во что бы то ему ни стало, и клялся, какъ скоро меня увидитъ, то принести въ жертву своему самолюбію. Я не зналъ въ то время, что мнѣ предпріять; многократно покушался ѣхать самъ къ моему тестю просить у него прощенія; но зная характеръ сего неумолимаго старика, опасался предъ него явиться, и при томъ же Емилія меня отъ того удерживала. И такъ расположился я ѣхать въ Италію, и тамъ то хотѣлъ окончить мою жизнь, и отписать оттуда къ моему дядькѣ, чтобъ продавши все мое имѣніе, пріѣхалъ ко мнѣ, или бы переслалъ деньги, въ которыхъ уже начиналъ у меня быть недостатокъ. И такъ сіе мое намѣреніе открылъ моей супругѣ. Она любя меня, всюду слѣдовать за мною была готова, и ни мало въ семъ мнѣ не противорѣчила. Продавши нѣсколько драгоцѣнныхъ каменьевъ тому откупщику, у котораго мы ночевали, нанялъ я почтовую коляску въ Тулонъ. Ибо опасался искать корабля въ Ліонѣ, дабы не попасться въ руки всюду насъ ищущихъ.

И такъ отправились мы благополучно въ путь; прибыли на конецъ къ пристани, гдѣ за благоразсудилъ мою Емилію переодѣть въ мужское платье, дабы не быть узнанымъ. На-

шедши корабль отправляющїйся въ Италїю и уговорившись съ хозяиномъ, при благополучномъ вѣтрѣ пустились въ пространство моря. Во все время нашего плаванїя погода была самая благополучнѣйшая, и мы больше ни о чемъ не помышляли, какъ о взаимныхъ другъ другу утожденїяхъ. Но сего ни когда намъ и на мысль не приходило, чтобъ мы были когда либо разлучены.

Вдругъ къ крайнему всѣхъ огорченїю, вѣтръ перемѣнилъ свое теченїе, и столько усилился, что не взирая на искусство кормчаго и труды матрозовъ, несло насъ въ неизвѣстное мѣсто. Всѣ простирали руки свои на небо, и стоя на колѣняхъ, просили небеса о утишенїи бури: вопль и молитвы были услышаны, и море утихло и казалось неколеблющимся для того только чтобъ нанести всѣмъ нещастїе. Кормчїй увидѣлъ въ дальномъ разстоянїи Алжирское весьмъ вооруженное большое судно за нами гнавшееся, и чрезъ то возвѣщалъ намъ неминуемую гибель. Мы сколько ни прилагали старанїя къ скорѣйшему бѣгу корабля, но всѣ силы наши были тщетны, и уже разбойническое судно было у насъ въ виду и пушечныя ядры, какъ градъ ударялись о нашъ корабль, на которомъ мачты были всѣ позбиты, и такъ всѣ расположились добровольно сдаться. Тутъ то я познаълъ все мое нещастїе, и отчаялся болѣе обладать дражайшею моею супругою; однако не преставалъ уговаривать любезную мою Емилїю, про-

проливающую горчайшія слезы, что бы успокоилась, ибо говорилъ я ей; хотя мы и будемъ въ плѣну, однако еще не совсемъ должны почитать себя разлученными, и будемъ сносить великодушно вмѣстѣ иго рабства.

Разбойники сцѣпившись съ нашимъ судномъ, взбѣжало ихъ болѣе ста человѣкъ и оковавъ всѣхъ въ железа, таскали на свое судно; а какъ дошла очередь до меня; то Емилія бросившись на меня произнесла сіи пагубныя слова. О рокъ! жестокій рокъ! съ тѣмъ ли мы связались цѣпьми супружества съ возлюбленнымъ Аметомъ, чтобъ видѣть себя разлученными и сносить бѣдствія? и съ тѣмъ ли оставили свое отечество, чтобъ быть въ рукахъ сихъ варваровъ? И такъ когда Емилія сіе говорила, то одинъ изъ разбойниковъ знавшій Аглинской языкъ, догадался, что Емилія не та, въ какомъ они платьѣ ее видятъ, и для того доложили о семъ начальнику корабля, которой тотчасъ приказалъ, не налагая оковъ, предъ себя Емилію представить. И такъ когда ее отъ меня скрыли, то упалъ безчувственъ и не помню, сколько я въ такомъ состояніи находился; но только лишъ очувствовался, то и увидѣлъ себя въ низу корабля безъ возлюбленнаго предмѣта, проклиналъ злую свою участь, проливая ручьи слезъ: съ сихъ то самыхъ поръ никогда я болѣе не видалъ своей супруги. Въ сей проклятой городъ, вы-

высадя насъ, повели на продажу. А Емилія, дражайшая Емилія, осталась въ рукахъ злаго хищника. Сколько я ни просилъ, и сколько ни умолялъ, чтобъ позволили мнѣ проститься съ нею, но меня не слушали, и понуждали итти въ городъ палочными ударами. О Боже мой! и теперь сердце мое обливается кровью, когда вспомню тотъ часъ, въ которой разстался съ возлюбленнымъ для меня предмѣтомъ. Х тя уже и другой годъ нахожусь въ семъ проклятомъ невольничествѣ, но ни на одну минуту не забуду того часа, въ которой разлученъ былъ съ супругою. Вотъ, любезный другъ, моя плачевная исторія, которую вы желали отъ меня слышать.

Ахъ любезный Моисеъ! я вамъ и забылъ сказать про то, чего я ежеминутно ожидаю. Попавшись къ сему злому Татарину, писалъ къ моему дядькѣ, дабы поспѣшалъ меня освободить изъ плѣна; однако шесть уже прошло тому мѣсяцовъ, какъ не получаю ни какого отвѣта. Щастливыми мы себя почесть можемъ, ежели получимъ вольность. Въ семъ мѣстѣ прервалъ я его рѣчь, говоривъ: любезный Аметъ! ты по крайней мѣрѣ льстишъ себя хотя тою надеждою, что, можетъ быть, посредствомъ вашего имѣнія получишъ вольность; но я, я злощастный, долженъ терпѣть мою неволю до тѣхъ поръ пока не сжалится надо мнбю праведное небо, и не изхититъ изъ рукъ сихъ варваровъ. Такимъ же образомъ какъ и вы

ви хотѣлъ было и я увѣдомить о моемъ нещастіи своего родителя, но и то мнѣ на мысль пришло, что на вѣки потеряю любезную Марію: ибо родитель мой непремѣнно принудитъ меня, взять Ангелику. Выговоря сіи слова пролилъ я не мало слезъ, что видя Аметъ говорилъ мнѣ: ахъ любезный другъ, ты мало думаешъ о моемъ дружествѣ. Не уже ли я столько безчеловѣченъ, что оставлю моего друга? гдѣжъ? въ томъ мѣстѣ, гдѣ обитаютъ изверги рода человѣческаго! нѣтъ Монесъ! оставь сіи мысли, и знай, хотя я и получу вольность, но не буду въ состояніи тебя выкупить; то останусь самопроизвольно съ тобою, и буду сносить всѣ нещастія, всѣ тиранства, каковыя и теперь мы претерпѣваемъ.

Въ одинъ день мы принуждены были опять итти на роботу, и какъ только за оную принялись; то и примѣтили къ намъ идущаго человѣка, которой спрашивалъ насъ: не знаемъ ли мы одного невольника по имени Амета? при словѣ Амета. мой другъ бросился къ сему не знаемому мнѣ человѣку, и узналъ въ немъ своего дядьку, съ наполненными слезъ глазами говорилъ ему: избавитель мой! ты не смотря на свою старость, и откинувши страхъ преплыть непостоянство стихій, прибылъ искупить меня! ахъ! чѣмъ я могу за сіе возблагодарить тебѣ? не знаю; извини, что не могу изъяснить тѣхъ чувствій благодарности, какія] сердце мое чувству-

чувствуетъ, я тебя буду съ сихъ поръ называть моимъ отцомъ и избавителемъ. Сей почтенный старецъ, видя своего господина обремененнаго оковами, проливалъ горькія слезы, и спѣшилъ къ нашему злому лихоимцу вручить за него деньги; но Аметъ еще симъ былъ не доволенъ и просилъ своего избавителя, выкупить и меня, на что онъ съ великою охотою и согласился.

И такъ мы были на другой же день освобождены за двѣ тысячи Англинскихъ піастровъ. И какъ скоро получили вольность; то ни о чемъ болѣе не старались, какъ о томъ какъ бы провѣдать, о любезныхъ особахъ, на конецъ нашли тѣхъ самыхъ людей которые насъ плѣнили, и отъ нихъ то узнали, что Марія и Емилія проданы въ Мароккъ и находятся въ Сералѣ; сія вѣдомость насъ чрезвычайно опечалила; однако расположились, во что бы то ни стало, достать обладательницъ нашихъ сердецъ, и положили твердое намѣреніе отправиться въ скоромъ времени въ Мароккъ. И такъ нанявши судно, при благополучномъ вѣтрѣ пустились въ море.

Аметъ просилъ своего благодѣтеля разсказать ему, что происходило въ его замкѣ послѣ отъѣзда, на что онъ охотно согласился, и началъ рѣчь свою такъ: когда вы, милостивый государь! оставили замокъ, то на другой день къ крайнему всѣхъ удивленію увидѣли мы великое число народа, которой оступя кругъ замка, и одинъ изъ нихъ, которой каза-

казался повелителемъ такого множества, спрашивалъ: дома ли вы? А какъ ему ответствовано было, что вы три уже дни тому назадъ какъ скрылись, не извѣстно никому, куда; то онъ повелѣлъ обыскать весь замокъ, и ненайдя васъ уѣхали.

Спустя три дни послѣ осмотра, прiѣхалъ ко мнѣ одинъ прiятель, съ которымъ я съ давнаго времени велъ дружбу. Онъ мнѣ совѣтовалъ, чтобъ я выбралъ все изъ замка, ибо говорилъ онъ что оной имѣетъ быть опечатанъ на другой же день, и что дано повелѣнiе Барону Б: ежели онъ васъ сыщетъ съ его дочерью, то имѣетъ власть лишить васъ жизни. Я видя неизбѣжимое нещастiе, выбралъ все драгоцѣнное изъ вашего замка; и отдалъ оное подъ сохраненiе до времени моему другу. И такъ на другой день вашъ замокъ былъ опечатанъ, и люди всѣ отпущены, выключая меня, ибо подозрѣвали, что я былъ участникомъ дѣлъ вашихъ, и потому заключенъ былъ въ темницу. Однако наконецъ небо меня оправдало и я былъ выпущенъ: только съ тѣмъ, ежели узнаю, гдѣ вы будете находиться немедленно о семъ донести правительству, въ противномъ случаѣ претерплю всѣ строгости законовъ. По выходѣ моемъ изъ тюрьмы, всячески я старался, о васъ провѣдать, и уведомить, дабы вы не зная, что вездѣ васъ ищутъ, не попались въ руки тѣхъ, которые желаютъ вашей смерти, но сколько старанiя ни

прилагалЪ, однако не могЪ узнать о вашемЪ пребыванiи, и потому находился вЪ великомЪ безпокойствiи до тѢхЪ порЪ, пока не получилЪ отЪ васЪ письма. По прочтенiи котораго полились у меня ручьями слѢзы и я на другой же день, распродавши собственное мое и ваше имѢнiе, нанялЪ корабль, и прибылЪ сЪ то самое мѢсто, гдѢ вы находились вЪ плѢну. ВотЪ любезный АметЪ все то, что вы отЪ меня знать хотѢли.

Спустя двѢ недѢли нашего плаванiя увидѢли мы высокiя башни Марокской столицы, гдѢ скрывались наши предмѢты, одного любовница; а другаго супруга. По прiѢздѢ кЪ гавань, сошли мы сЪ корабля, и пошли мы вЪ городЪ, гдѢ наняли для себя особливой домЪ. Я спрашивалЪ Амета: какiе бы намЪ предпрiять мѢры, кЪ достиженiю нашихЪ желанiй? однако не находили средства, кЪ освобожденiю нашихЪ обладательницЪ. НаконецЪ вздумалось мнѢ принять магометанской законЪ, подЪ тѢмЪ только видомЪ, дабы избавить изЪ неволи возлюбленную Марiю и Емилiю, и сiе мое намѢренiе открылЪ Амету: онЪ оное похваля положился во всемЪ на мою волю.

И такЪ на другой же день содѢлался я МагометаниномЪ. Сiе названiе и теперь, любезный другЪ, меня крайне мучитЪ и былЪ представленЪ самому Королю, которой такЪ меня полюбилЪ, что подарилЪ сЪ руки своей золотое кольцо, что за великую милость щитае-

тся. И такимъ образомъ я часъ отъ часу получалъ достоинства при государѣ. Онъ меня пожаловалъ своимъ секретаремъ, и во всемъ отъ меня совѣта требовалъ. Я государеву милость не приминулъ употребить въ свою пользу. Любовь сдѣлала меня замысловатымъ Я обратилъ въ городѣ на свою сторону изрядную красавицу, Ругда называемую, сїя женщина была вдова и часто ко мнѣ ѣзжала,

Въ одинъ день сидя я на софѣ, и увидя Ругду въ задумчивости погруженную, такъ говорилъ: о чѣмъ вы сокрушаетесь, гусударыня моя? Прелѣстныя ваши прїятности, вѣ то вамъ изобрѣсти могутъ, чего только ни пожелаете, и самая фортуна рада бы къ вамъ въ рабы записаться: что же вамъ печалиться и тщетными прискорбностями вамъ угнетать сердце? я не могу въ мысляхъ своихъ сыскать причины, которая бы васъ могла тщетно безпокоить. Ежели мнѣ спросить васъ о томъ дозволите; то я всенижайше прошу увѣдомить меня о вашихъ безпокойствїяхъ; а я клятвою обѣщаюсь вѣ силы употребить изъ вашего сердца изгнать то тщетное унынїе, которымъ вы сукрушаетесь. Тогда она взглянувъ на меня умильно, такъ отвѣтствовала: милостивый государь! хотя вамъ кажется, что я ни какой не имѣю причины безпокоиться, однако вы ошибаетесь въ семъ своемъ мнѣнїи. Ко-

Когда я была за мужемъ за весьма знатнымъ человѣкомъ, какъ то вамъ самимъ извѣстно, но нынѣ нахожусь сиротою, вдовою и всякой надѣжды лишенною. Цвѣтъ нашей молодости подобенъ садовымъ овощамъ, которые тогда дороже, когда новые; а когда созрѣваютъ, то гораздо весьма меньшей цѣны стоятъ: тожъ дѣлается и съ моею красотою, которую вы прелестной называете. Она ежеминутно созрѣваетъ и приходитъ въ безцѣніе; и опасаюсь, что на конецъ ни чего стоить не будетъ. Тогда я перехватилъ ея рѣчь, Ахъ сударыня! что вы говорить изволите: прелести ваши безсмертны, и всегда будутъ имѣть въ себѣ толико пріятностей, что плѣнятъ всякаго, кто на васъ взглянуть щастіе имѣть будетъ; ежели вы моего совѣта послушаете; то я вамъ представитъ дерзаю то щастіе, котораго совершеннѣе нѣтъ, и красоту вашу буду выхвалять предъ государемъ. Онъ весьма меня жалуетъ, и конечно по моему предложенію, васъ увидѣть похочетъ; а какъ предстанете глазамъ его, то употребите всѣ любовные способы, плѣнить его сердце. король весьма нѣжнаго сердца, и конечно стрѣлы любви почувствуетъ, естьли вы того сами пожелаете. Только вамъ прежде донесу объ одномъ дѣлѣ. Какъ вы въ королевской любви успѣете, въ чемъ и я буду стараться, то надобно вамъ, какъ можно, опорочить, предъ нимъ Марію невольни-

невольницу Французскую, которая нынѣ его обладаетъ сердцемъ. Въ прочемъ положитесь на меня; я васъ совершенно щастливою сдѣлать намѣренъ.

Руга благодарила чувствительнѣйшимъ образомъ меня, и все что здѣлать обѣщалась, что я ей ни прикажу. Тогда простясь съ сею красавицею поѣхалъ во дворецъ и имѣлъ тайной разговоръ съ Государемъ; и нашедши его веселаго, принялъ на себя печальный видъ и часто вздыхалъ. Король примѣтилъ мою печаль, спросилъ: что тебѣ Монесъ сдѣлалось, что часто такъ тяжело вздыхаешъ? тогда я нѣсколько ужитривши съ такъ отвѣчалъ: всемилостивѣйшій государь, я самъ знаю, что печаль моя безразсудна; однако предъ моимъ государемъ утаить того не смѣю и всѣ обращенія моего сердца открыть вамъ не премину. Сего дня была у меня столь прелестная красавица, жалуясь на моего камердинера, что онъ встрѣтясь съ нею на улицѣ не учтивымъ словомъ ее обидѣлъ, и что я увидя ее прелести пришелъ въ восхищеніе, и думалъ, что изъ нашего рая Гурра на землю снизшла. Я наказалъ жестоко моего камердинера при ея глазахъ, и она была довольна моею строгостію. Я ее про[...] со мною отобѣдать, на что [...] кратно моими прозьбами у[...] гласилась, что есть знак[...] честности. Я ее спро[...] кто она такова? и она [...]

уведомила, что она была покойнаго Паша Алія жена. Признаюсь вашему величеству, что я, почитая ея красоту за достойную сделать всякаго государя щастливым, сказал ей, довольна бы она была своим щастіем, ежели бы ваше величество в ваш Сераль ее приняли, тогда она жестоко вздохнувши, такЪ мнѢ отвѢчала: ахЪ МоиесЪ! прелести нашего государя гораздо лучшаго удовольствія требуютЪ, нежели то, котороеб я моею молодостію плѢнить могла; государь молодой, добродушной, и весьма великими качествами отЪ природы одаренЪ, ни чего во мнѢ такого сыскать не можетЪ, что бы ему понравиться могло. Сіи слова подтвердила своими слезами, изЪ чего я легко могЪ догадаться, что она чрезмѢрною страстію кЪ вашему величеству воспламѢнена. Она разсталась со мною вЪ слезахЪ. Я будучи тронутЪ ея прискорбностію вознамѢрился принять дерзость ваше величество увѢдомить о ея слезномЪ состояніи. И притомЪ ваше величество но томЪ просить хотѢлЪ, и думаю что вы любя меня не откажете вЪ моей прозьбѢ. ОдинЪ АнгличанинЪ ежедневно ко мнѢ приходилЪ погруженный вЪ слезахЪ, и проситЪ, дабы я вашему величеству доложилЪ о его плачевной участи, которую онЪ мнѢ разсказалЪ вЪ слѢдующихЪ словахЪ. Сей АнгличанинЪ, ваше величество, будучи плененЪ Алжирцами и сЪ своею супругою, былЪ нЪ

нѣсколько времени въ неволѣ; а какъ оттуда освободился, то и пріѣхалъ у васъ просить, другой жизни; ибо онъ безъ своей супруги болѣе жить не хочетъ, ежели вы откажете въ его прозьбѣ: супруга же его, ваше величество, находится нынѣ въ старомъ Сералѣ. Тогда прервавъ мою рѣчь Султанъ, спросилъ меня: какъ ее зовутъ? Емиліею, отвѣчалъ. О! это та гордая красавица, сказалъ онъ, которая презирала мою къ ней любовь. Видно, что ея ко мнѣ отвращеніе происходило отъ того, что она уже отдала сердце свое другому: признаюсь тебѣ Монесъ, что и я къ ней мало имѣлъ склонности; а есть у меня въ Сералѣ одна Французская дѣвица совершенная красавица Марія называемая, которую я чрезвычайно люблю; но она всегда моей любви противится. Сіи его слова привели меня въ трепетъ, однако принужденъ былъ на себя принять притворной видъ опасаясь, дабы изъ того король чего нибудь не замѣтилъ, сказалъ ему: видно, ваше величество, что противится волѣ вашей. По томъ король приказалъ позвать къ себѣ главнаго Евнуха и велѣлъ Емилію немедленно освободить изъ Сераля и отдать ея мужу.

Какъ Азіатскіе и Африканскіе владѣльцы въ томъ только больше и упражняются, чтобъ удовольствовать тѣлесныя свои пристрастія; то сей король весьма былъ доволенъ моимъ повѣствованіемъ въ разсужденіи красоты

красоты Рутдиной, и кровь начала въ немъ волноваться. Не можно ли, Моисеъ говорилъ онъ мнѣ, привести ту красавицу, красоту которой ты столько выхваляешь, я бы крайне съ нею желалъ переговорить и спросить, для какой она причины съ тобою обо мнѣ говорила и испускала слезы. Пожалуй мой другъ, говорилъ онъ мнѣ, сдѣлай то поскорѣе чтобъ я съ нею повидался; а за твою услугу пять тысячь червонныхъ въ награду ожидай. Естьли вашему величеству угодно, говорилъ я, то сія дама еще сего дня къ вамъ во дворецъ прибудетъ. Да, голубчикъ, вскричалъ Король, сего дня надобно мнѣ ее видѣть. Тогда я отдавши свое почтенїе королю, поѣхалъ прямо къ своему другу Амету, поздравить съ полученїемъ его возлюбленной супруги; но только успѣлъ къ нимъ взойти въ покой, то Аметъ и Емилїя бросились къ моимъ ногамъ, стократно благодарили за мое старанїе. Тогда я поднимая ихъ говорилъ: вы меня симъ обижаете, любезный Аметъ, возможноли благодарить такъ друга, и друга такого, которой радъ за васъ всегда жизнь свою окончить? Послѣ сего разсказалъ я имъ, что между мною и Королемъ происходило, и что намѣренъ я былъ узнать, для полученїя дражайшей моей Марїи, которую мнѣ еще не удавалось видѣть, и она совсемъ не знала того, что я близко ее нахожусь.

По томъ оставилъ я сихъ щастливыхъ супруговъ, поѣхалъ прямо въ Ру

Ругдинъ домъ, и увѣдомилъ ее о всемъ произходившемъ между мною и королемъ во дворцѣ, и совѣтовалъ ей, чтобъ она какъ можно, нарядилась великолѣпнѣе и чтобъ къ королю тотъ день поѣхала. Ругда весьма о своемъ щастіи веселилась, ей весьма хотѣлось быть участницею въ государевой милости, и она нарядилась какъ Магометова нѣвеста (о которыхъ онъ нашелъ въ своемъ Алкоранѣ) поѣхала со мною вмѣстѣ во дворецъ. Куда прибывши я повелъ ее въ королевскую спальню, гдѣ король разъ десять обмывъ свою бороду изряднымъ мыломъ, и надушилъ оную благовонными духами, чтобъ испускала благовоніе, когда онъ съ нею будетъ цѣловаться. Лишъ только я ввелъ въ спальню Ругду; то самъ вышелъ изъ оной нарочно для того, чтобъ мои желанія лучшій успѣхъ возымѣли, и сѣлъ на софѣ въ передней спальнѣ королевской.

Король оставшись наединѣ съ Ругдою подошелъ къ ней и просилъ ее садиться; но она наклоня голову свою до земли въ знакъ рабскаго своего почтенія, такъ извинялась; всемилостивѣйшій государь! есть ли бъ я не должна была повиноваться всѣмъ приказаніямъ вашего величества, тобъ ни какъ не смѣла сѣсть въ присудствіи моего государя и того, котораго жестоко-о Боже мой! выговорить не смѣю. Такія нѣжныя Ругдины слова взволновали еще больше всю кровь въ королѣ. Онъ началъ цѣловать ея руки и

и усильно просилъ, чтобъ она сѣла возлѣ его на софѣ. Ругда видя, что красота ея возымѣла мѣсто въ королевскомъ сердцѣ, сѣла возлѣ его. Государь просилъ ее, чтобъ она здѣлала его щастливымъ. Ругда будто бы не разумѣя такой рѣчи, сказала: ваше величество! извольте мнѣ изъяснить получше; ибо я такъ высокихъ терминовъ не понимаю. Какъ тому статься, чтобъ я васъ могла здѣлать щастливымъ, когда все мое благополучїе отъ вашего величества милостей зависитъ? Тогда государь перевелъ на простой штиль свое краснорѣчїе. Хитрая Ругда узнавъ, до чего дѣло доходило, начала притворное на лицѣ своемъ показывать смущенїе, что примѣтя король, поелику онъ отъ природы былъ мягкосердеченъ, началъ говорить Ругдѣ, что бы она его словами не безпокоилась, которыя чрезмѣрная его любовь принудила выговорить, и что она отъ своихъ произволенїй зависитъ, и можетъ такъ поступать, какъ пожелаетъ. Тогда въ другой видъ переодѣвши свое лице Ругда съ великою скромностїю говорила, всемилостивѣйшїй государь! не достойнабъ была толь великой милости вашего величества, есть ли васъ любить беззаконною любовїю намѣренїе воспрїяла. То правда, что я васъ люблю чрезмѣрно ...жаю, однако сыщется во мнѣ сто... ...обродѣтели, чщо всѣ горестныя ... презрѣнной любви терпѣливо

ексеу, ежели она из благополучія и на честности основана. Тогда поцѣловавъ ея руку сей бѣдной государь такъ говорилъ: матушка! я весьма радуюсь, что мнѣ судьба толь добродѣтельную душу ниспосылаетъ, я все здѣлать для васъ намѣренъ. Я бы радъ и моимъ величествомъ пожертвовать ради той любви, которою чрезмѣрно къ вамъ пылаю. Завтра вы будете моею супругою, а нынѣшній день я прикажу своему Визирю приготовить всѣ потребности къ тому принадлежащія, и буду нетерпѣливо ожидать того часа, въ которой мы соединимся. Тогда низко поклонясь Ругда отдала свое почтеніе королю, и приносила сугубые благодарности за такую милость которой она не достойною быть признавалась. По томъ простясь поѣхала прямо въ домъ, въ которомъ я жилъ; а я чрезъ полчаса туда за нею прибылъ, Она меня увѣдомила о успѣхѣ, которой въ сердцѣ королевскомъ возымѣла. А съ моей стороны поздравлялъ ее моею государынею, и обѣщался быть вѣрнымъ подданнымъ и отъ ея повелѣній зависящимъ, по томъ простясь со мною поѣхала домой.

Я отпустя Ругду поѣхалъ къ Амету, гдѣ нашелъ ихъ во объятіяхъ другъ друга веселящихся, плутъ испустилъ я нѣсколько слезъ завидуя ихъ состоянію и совсемъ не зналъ, какъ бы мнѣ получить мою Марію. Аметъ

мнѣ совѣтовалъ подговорить Евнуха, Марію вывести изъ Сераля, а по томъ уже нетрудно, говоритъ онъ, вашихъ намѣреній привести въ дѣйство.

Между тѣмъ Король приказалъ, чтобъ весь дворъ въ слѣдующей день былъ великолѣпно украшенъ; а самъ весь день препроводилъ во омыванія своего тѣла. Мароккіе жители въ великой чистотѣ содержатъ свое тѣло и не проходитъ того дня, чтобъ они не мылись.

Во время приготовленія къ свадьбѣ, тогда обыкновенно находятся всѣ въ хлопотахъ, надеялся я сыскать способъ и время вручить письмецо дражайшей Маріи, съ которою еще не имѣлъ свиданія, и можетъ статься, что и она совсемъ недумала обомнѣ, чтобъ я былъ живъ и находился въ Мароккѣ; и такъ прибывши домой и заперщись въ кабинетѣ написалъ слѣдующаго содержанія письмо.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Какъ мнѣ несносно, что на хожусь близко васъ, но не могу васъ видѣть; вы можетъ быть забыли о несчастномъ Монесѣ, правда что вы теперь находитесь на степени государыни, имѣя участіе въ любви того, кому я подданнымъ послѣ магометанскаго закона нахожусь; сіе сударыня учинено для того, дабы васъ легче искупить

изъ плену можетъ быть вамъ ненавистнаго. И я не долженъ кажется себѣ жаловаться на судьбу меня и васъ здѣсь счастливыми сдѣлавшую но можетъ ли что нибудь удовольствовать страстную мою любовь, кромѣ собственнаго моего предмѣта? Ахъ, государыня моя! можетъ быть я нарушаю вашъ покой, извините; рвущееся мое сердце заставляетъ меня взять въ руки перо и принуждать васъ увѣдомить о его состоянiи; будьте увѣрены, что я какъ скоро узналъ, что вы находитесь въ Мароккѣ; то получа вольность не преминулъ сыскать способовъ для возвращенiя вамъ вольности, и мнѣ похищеннаго моего благополучiя; я нынѣ первымъ секретаремъ при государѣ нахожусь и великое у него приобрѣсти умѣлъ во всѣхъ дѣлахъ вѣроимство и ежели чистота сердца вашего на первомъ положенiи находится и Монесъ тоже имѣетъ въ немъ мѣсто, что и прежде; то прошу насiе мое письмо удостоить меня от-

вѣтомъ, изъ котораго буду брать мѣры, что мнѣ дѣлать принадлежитъ.

Всегдашній вашъ слуга Монесъ.

По окончаніи и запечатаніи сего письма, взявъ оное съ собою, поѣхалъ во дворецъ, куда прибывши встрѣтился со служанкою Ругдиною, которая меня въ залѣ дожидалась; оно было прислано отъ своей госпожи съ подаркомъ къ королю; тотъ подарокъ приказала Ругда вручить мнѣ, чтобы я оной отнесъ къ королю, ибо обыкновенно король тѣхъ жалуетъ, которые ему приносятъ подарки отъ его невѣсты. Я принялъ подарокъ отъ служанки и понесъ къ королю; А какъ мнѣ дозволено было безъ докладу входить во всѣ покои королевскіе, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ обитаютъ женщины: то думая, что король въ своемъ кабинетѣ обрѣтается вошелъ во оной. Но въ какое я пришелъ замѣшательство, увидя возлѣ его сидящую мою Марію оцѣпенелъ, и незналъ, что мнѣ начать говорить, и въ забвеніи вложилъ подарокъ за пазуху, и смотрѣлъ пристально на Марію; не въ меньшемъ безпокойствіи находилась и Марія увидя меня; однако видя опасность принуждена была притворяться и побѣждать сердца своего робость; она вставши съ софы прибѣжала ко мнѣ и схвативъ въ свои объятія, радостнымъ вскричала голосомъ: Ахъ! братецъ! скажи мнѣ пожалуй, тебя ли я вижу, и что ты сдѣсь дѣлаешъ? Да-

давно ли ты здѣсь? скажи мнѣ живы ли наши дражайшїе родители. Потомъ оставя его бросилась къ королю къ ногамъ, и говорила: всемилостивѣйшiй государь это братъ мой родной теперь прїѣхалъ, пожалуйте примите его подъ ваше покровительство, а я буду охотнѣе здѣсь жить, когда буду имѣть при себѣ роднаго брата, и естьли ваше величество съ нимъ видѣться и разговаривать дозволите; тогда я видя, что Марїя отверзла двери къ храму моихъ желанiй, палъ на колени предъ королемъ и говорилъ: милостивѣйшiй государь, какъ я счастливъ на свѣтѣ, естьли мы съ сестрою не ограниченныхъ милостей вашего величества удостоились. Король повѣрилъ нашимъ притворнымъ восхищенїямъ, думая, что и въ самомъ дѣлѣ Марїя мнѣ сестра. Онъ обѣщалъ меня въ вящщей отличности отъ прочихъ кавалеровъ содержать, и пожаловалъ меня своимъ гофмаршаломъ и скинувъ съ своего пальца перьстень, подарилъ оной мнѣ, говоря: другъ мой! прими сей перьстень въ знакъ моей къ тебѣ благосклонности, и будь вѣрнымъ слугою своего государя; а въ чемъ я тебя болѣе счастливымъ сдѣлать не могъ, тѣмъ тебя наградитъ великiй нашъ Пророкъ. Я сестру твою для того сюда призвалъ, чтобъ ей дать знать о томъ, что принимаю въ супружество ту женщину, которая тебѣ извѣстна, и чтобъ она не досадовала на меня, что съ другою, а не съ нею дѣлиться буду престоломъ.

Она сама тому виновата, продолжалЪ онЪ, статься можетЪ, что была бы она первенствующею моею султаншею, естьли бы православной нашЪ законЪ приняла; но сколько я ей о томЪ ни представлялЪ, всегда она отЪ того отзывалась. Между тѢмЪ какЪ король по покоямЪ разхаживалЪ, такЪ искусно я письмо свое вручилЪ МаріѢ, что онЪ того не примѢтилЪ. ПотомЪ я опамятовавшись вынулЪ подарокЪ отЪ Ругды и подалЪ королю; спрашивалЪ, что онЪ прикажетЪ отвѢтствовать Ругдиной служанкѢ, которая вЪ залѢ дожидается; король принявшій подарокЪ, приказалЪ МаріѢ удалиться вЪ свои покои; а самЪ оставшись одинЪ со мною, написалЪ своеручное письмо кЪ будущей своей супругѢ слѢдующаго содержанія:

ДУША моя!

Сколь великую я получилЪ радость получа присланной тобою мнѢ подарокЪ, за которой васЪ усердно благодарю, и стараться буду заслуживать любовію, которою я кЪ вамЪ пылаю; итакЪ нетерпѢливо ожидаю слѢдующаго дня, вЪ которой будемЪ наслаждаться пріятностію брака. ВЪ прочемЪ желаю вамЪ отЪ всего моего сердца счастливой ночи, пріятнаго сна и радостныхЪ сновидѢній:

МАЛЛА МАГОМЕТЪ.

Сіе письмо приказалЪ запечатать мнѢ и отдать оное Ругдиной служанкѢ и наградить оную за труды шестью стами червонныхЪ. По отданіи своего почтенія королю пошелЪ кЪ казнодарю и сообщилЪ

ему королевское приказанїе, и взявши отъ него деньги отдалъ служанкѣ и съ письмомъ королевскимъ. А самъ поѣхалъ къ Амету и разказалъ ему все произшедшее со мною увѣдомилъ; также его и о томъ, что удостоился видѣть свою возлюбленную Марїю, и чуть было не открылась предъ королемъ наша взаимная любовь. Между нашими дружескими разговорами происходило много такихъ предпрїятїй, которые и теперь сердце мое въ страхъ приводитъ; мы покушались, умертвить короля во время его сна, ибо мнѣ всегда было дозволено къ нему входить; но опасались и того, что и сами подвергнемся еще большей участи; наконецъ отдался я на произволъ судьбы и ожидалъ отвѣта отъ Марїи.

И такимъ образомъ обратимся теперь къ Марїи что съ нею воспослѣдовала когда, она оставила меня съ королемъ и только лишь вошли въ свою спальню; то бросилась на постелю и вскричала: Ахъ, любезный мой Монесъ! ты незнаешъ о моемъ не счастїи, какое я сдѣсь терплю и ежечастно бываю принуждаема разрушить мою честь! Но нѣтъ; онъ варваръ хотя король и имѣетъ надо мною полную власть; но не можетъ у меня отнять то, что любезному моему Монесу принадлежитъ. Ахъ, дражайшїй мой Монесъ! хотѣла бы я знать, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ; ты узналъ, что я соперника твоего наложница. Ахъ, конечно такое воображенїе привело тебя въ забвенїе, что ты когда пришелъ къ

къ королю, и когда взглянулъ; весь оцепенелъ и остался безмолвнымъ; нѣтъ не сумнѣвайся мой возлюбленной! никогда я наложницею не бывала; хотя и заключена въ Сераль. Лучше соглашусь стократно умереть, нежели потерять ту честь, которая принадлежитъ одному тебѣ. Я клялась тебѣ быть вѣрною и оное сохраню догроба. Потомъ взяли мое письмо, которое я ей вручилъ въ государевомъ покоѣ. Она выразумѣла изъ содержанія онаго, что я туже къ ней любовь какъ и прежде въ сердцѣ своемъ питаю и нѣсколько такими пріятными размышленіями дѣлала отраду своему сердцу; потомъ на врученное сею мнѣ письмо такъ отвѣтствовала:

ДРАЖАЙШІИ МОНЕСЪ!

Ты требуешъ моего отвѣта, для принятія дѣлъ въ твоихъ намѣреніяхъ; но не знаю, чтобъ ты что либо могъ сыскать полезное, и чтобъ выразумѣлъ изъ состоянія той, которая и сама ничего не знаетъ. Я только тебѣ сказать могу, что съ того времяни какъ разлучилась съ тобою, проклинаю плачевную мою участь и живу на свѣтѣ принужденно, когда погасла въ сердцѣ моемъ надежда быть сопряженною съ тобою. О небеса! услышите мой гласъ и освободите меня изъ рукъ мучителя съ возлюбленнымъ Монесомъ, и ты любезный Монесъ! знай, что всегда духомъ и сердцемъ живу съ тобою, тебя всегда въ мысляхъ и сердцѣ сохранять буду, проклиная всегда тѣхъ,

которые насъ разлучили, и ты любезной проси небеса, чтобъ намъ помилосердовали и ищи способовъ избавиться отъ неволи.

ВѢРНАЯ ВАМЪ Марія.

Написавъ и запечатавъ сїе письмо положила оное въ карманъ, дожидаясь того времени, въ которое бы можно вручить мнѣ. Начала помышлять, какимъ бы образомъ можно оставя Мароккъ бѣжать со мною въ Христїанскїе земли; но затемненнымъ его мыслямъ все казалось трудно и невозможно; ибо то есть несчастныхъ свойство, что всякая ихъ тѣнь устрашаетъ, и того самаго устрашаются, чтобы могло быть средствомъ ихъ освобожденїя отъ горестнаго состоянїя; но не менѣе Марїи и я прїѣхавши домой внутренно терзался и досадовалъ на короля, что онъ столько многократно покушался овладѣть моимъ сокровищемъ. Потомъ я разсуждалъ и сожалѣвалъ объ нещастїяхъ Марїи, что она не въ состоянїи имѣть желаемую вольность, но еще больше собственное мое злополучїе меня удручало, что не могъ быть счастливъ желаемымъ предметомъ. Упрозорливыхъ моихъ мыслей изыскивалъ разные способы для увезенїя Марїи изъ Марокка; но предпрїятїя такїя опасными мнѣ казались. Такими внутренними безпокойствами будучи колеблемъ, положился вовсемъ на рокъ и отъ него ожидалъ, или счастїя или вѣчнаго злополучїя.

Въ следующїй день прїѣхалъ я весьма рано во дворецъ, украсивши мою новерь-

поверьхность. Государь въ то время уже всталъ и приуготовлялся къ браку; весь его дворъ былъ украшенъ великолѣпіемъ и величественностію По всюду слышно было звучныхъ трубъ эхо и конскія рысканія предуготовлялись. На конецъ пріѣхала будущая его супруга во дворецъ съ отборнѣйшимъ Мароксимъ юношествомъ, разнообразные цвѣты были разбросаны по лесницѣ, чрезъ которую она къ королю шествовала. Государь ее и она цѣловала его руки, по томъ взявши ее государь за руку повелъ во дворцовую мечеть, въ которой онъ съ сею красавицею и обвѣнчался; свадьба ихъ цѣлой мѣсяцъ продолжалась, и во время продолженія оной имѣлъ время я повидаться съ возлюбленною моею Маріею и договорился нашимъ образомъ намъ бѣжать изъ королевство Мароккскаго.

По окончаніи королевской свадьбы началъ я предпріятія мои приводить въ дѣйство; мы съ Аметомъ договорились въ Мароккѣ съ однимъ Шкиперомъ Рагускимъ, котораго корабль товаромъ въ Товалѣ нагружался, чтобъ намъ двоимъ съ женами своими какъ скоро корабль прибудетъ, тотъ же самой день отъ береговъ Мароккскихъ удалиться; но какъ мнѣ было трудно вывесть Марію изъ королевскаго дворца, то я искалъ случая вручить ей письмо, которое было слѣдующаго содержанія

ЛЮБЕЗНАЯ Марія!

Праведное небо начинаетъ намъ мило-

милосердствовать, и злобный рокъ въ скоромъ времени насъ гнать перестанетъ, и ежели вамъ вольность мила, и мое несчастїе къ сожалѣнїю, о несчастномъ любителѣ васъ можетъ подвигнуть, то прошу васъ въ нынѣшнюю ночь выттьти изъ серальскихъ покоевъ въ садъ, и будьте въ готовности къ побѣгу. Корабль уже насъ дожидается, мѣсто же отъ насъ вамъ назначается у задней стѣны къ морю, гдѣ вы насъ можете найти и узнаете чрезъ выстрѣлъ пистолета; а вы дайте намъ знать, что вы тутъ чрезъ перекинутое письмо, которое я вамъ вручаю. МОНЕСЪ.

Прїѣхавши во дворецъ къ счастїю моему увидѣлъ я его служанку, которой отдалъ мое письмо, что бъ она вручила Марїѣ сказавъ притомъ, что оно королевское а самъ побывавши у короля поѣхалъ къ Амету, котораго супруга находилась уже на кораблѣ; мы нетерпѣливо ожидали того часа, въ которой бы итти къ саду было способнѣе; къ счастїю нашему ночь тогда была самая темная, и мы около третьяго часа ночи пошли къ той стѣнѣ, гдѣ надлежало ожидать Марїю; подошедши къ оной выстрѣлилъ я изъ пистолета весьма слабымъ зарядомъ дабы не услышали во дворцѣ; но на сїе въ отвѣтъ ничего не получилъ; тутъ впалъ я въ унынїе и думалъ, что Марїя меня не любитъ но и то мнѣ на мысль не приходило, что времени, въ которое ей надлежало выттьти въ садъ, было отъ меня не назначено; и такъ спустя

нѣсколько времени выстрѣлилъ я и въ другой разъ, но и на сей какъ и на первой въ удовольствіе ничего получить немогъ. Я хотѣлъ себя съ досады застрѣлить тѣмъ же пистолетомъ, которымъ и Марію вызывалъ; но Аметъ меня отъ того удержалъ, говоря мнѣ: что можетъ быть Марія неимѣетъ времени иможетъ быть она не одна въ своихъ покояхъ. Нѣтъ, любезный другъ! прервалъ я рѣчь его, Марія меня не любитъ; иначе бы ей тысячи опасностей казались ничто. Однако къ великому моему счастію услышали мы, что нѣкто въ саду кашляетъ; изъ чего и заключили, что это Марія насъ ожидаетъ. Я долженъ былъ повторить моимъ выстрѣломъ еще въ третей разъ, и какъ скоро сіе учинилъ, то и примѣтили мы нѣчто переброшенное чрезъ стѣну? я побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ упало брошенное и нашелъ самое то письмо, которое отдано было Маріѣ служанкою, и мы узнали точно, что это Марія; мы тотъ часъ перебросили къ ней корзину, привязанную по угламъ веревками, потомъ началъ я ей говорить такъ, чтобъ они могли слышать: сядь дражайшая Марія въ сію корзину, мы тебя исхитимъ изъ сего проклятаго мѣста; и какъ почувствовали тягость, то и потащили къ вершинѣ стѣны, и поставя лѣсницу по которой Марія къ намъ и сошла; я схватилъ ее въ свои обьятія, стократно называлъ своею обладательницею, и долго бы мы находились въ таковыхъ

съ обоихъ сторонъ восхищеніяхъ, естьли бы Аметъ намъ не напамятовалъ времени итти на корабль; и какъ скоро мы на оной вошли, то тойже минуты подняли парусы и пустились въ море. Первое мое было стараніе познакомить Марію съЕмиліею, и какъ она ее узнала, то почти ежеминутно съ нею находилась. Въ одно время сошлись мы все четверо въ одну каюту, гдѣ я и Аметъ просили своихъ предметовъ разказать намъ ихъ несчастія по разлученіи съ нами; и такъ они споривши, о первенствѣ, комубъ начать разсказывать свои приключенія; однако Марія въ угодность Емиліи и нашу начала разказывать такимъ образомъ.

Какъ скоро меня разлучили съ тобою дражайшій Монесъ; то и повели къ хозяину того корабля, на которомъ были привезены въ Алжиръ, которой увидя меня, обошелся со мною очень ласково, и приказалъ для меня очистить особливой покой, гдѣ я находилась немалое время; проливая безпрестанно источники слезъ многократно покушалась лишить себя жизни; но невидимая рука меня отъ того удерживала и представлялось мнѣ, будто бы ты любезный Монесъ просилъ чтобъ, я поберегла мою жизнь для твоей; и такъ хозяинъ мой видя меня всегда утопающую въ слезахъ не рѣдко ко мнѣ прихаживалъ утѣшать въ печали, но его присудствіе наводило мнѣ больше горестей и я всячески ругала сего безчеловѣчнаго тирана

тирана, что онъ насъ разлучилъ; но онъ за то нимало на меня не сердился, а старался только о томъ, дабы мнѣ понравиться. Въ одинъ день пришелъ онъ ко мнѣ, и между прочимъ, сказалъ мнѣ, что я тебя люблю, и люблю такъ, что никто столько мнѣ не милъ, какъ ты. И Богиня любви! говорилъ онъ, согласися со мною раздѣлить брачное ложе, и будь обладательницею моего сердца. Тогда я оберняся къ нему, грубымъ говорила голосомъ: какъ ты смѣешъ меня любить, тиранъ! и какъ ты могъ сказать мнѣ про скотскую любовь свою, извергъ! или ты думаешъ, чтобъ я была столько подла, чтобъ измѣнила тому, съ кѣмъ ты меня разлучилъ! Нѣтъ я не магометанка; а та, которой слово всегда останется вѣрнымъ. Онъ выслушавъ терпѣливо мои ругательныя слова хотѣлъ было поцѣловать мерскими своими губами мою руку: но я такъ его по онымъ щелкнула, что онъ принужденъ былъ нѣсколько отступить прочь. Симъ еще неудовольствовавшись сталъ предо мною на колѣни и говорилъ: Дражайшая полонянка! не уже ли ты надѣешся увидѣть того, кого ты столько любишъ? нѣтъ; не ласкай себя пустою надеждою: онъ погибъ отъ рукъ того, кому былъ проданъ, то позволь, прошу тебя, заступить мнѣ его мѣсто; я тебя столькожъ или еще больше буду обожать, нежели онъ. Нѣтъ тиранъ! вскричала я, необманешъ меня. Монесъ живъ; сердце мое то мнѣ вѣщаетъ. Поди прочь съ глазъ мо-

моихъ и не являйся болѣе предо мною; и такъ онъ болѣе не говоря ни слова вышелъ вонъ, и чрезъ полчаса прислалъ ко мнѣ одну невольницу, чтобъ я перешла въ другой покой, потому что тотъ, въ которомъ я жила, былъ нуженъ для одного недавно пріѣхавшаго гостя; выслушавъ слова служанки перешла я въ назначенную мнѣ комнату, которая гораздо была прежней лучше, но сего и не знала что она была обстену съ спальнею моего злодѣя. Лишъ только Марія сїе выговорила, то у меня совсемъ измѣнилось лице и я покрытъ былъ весь холоднымъ потомъ; но дражайшая моя Марія тотъ часъ оное примѣтила, и сказала мнѣ: не опасайся, любезный Монесъ, я тебѣ не измѣнила; хотя и усильно меня къ тому принуждали; а какъ я получилъ прежней видъ, то Марія начала опять раскзывать свои приключенія такимъ образомъ.

Лишъ только вошла я въ назначенную мнѣ комнату, которая убрана была весьма великолѣпно, но все то нимало меня не прельщало и казалось презреннымъ. А какъ наступила ночь, требующая отъ всякаго успокоенїя, то я легла на богато убранную постелю и лишъ только успѣла сомкнуть свои глаза, то и услышала около постели шорохъ; я принуждена была раскрыть занавесъ и посмотрѣть: но никого попричинѣ темноты не могли примѣтить, и опять легла. Одѣвши голову одѣяломъ, спустя нѣсколько минутъ почувствовала, что

что одѣяло съ меня нѣкто тащитъ; я крайне сего испугавшись закричала во весь голосъ: кто? Мнѣ отвѣтствовано было весьма тихимъ и дрожащимъ голосомъ: Я, дражайшая Марія! я тотъ, которой въ тебя смертельно влюбленъ и котораго ты презираешъ. Прочь безделникъ! вскричала я; ты вздумалъ еще меня обезчестить, немилосердый тиранъ! оставь меня, потомъ кричала, что было у меня силы: помогите несчастной лишенной всякой помощи! но мой тиранъ зажалъ мнѣ ротъ, и хотѣлъ было учинить богомерское дѣло, но во мнѣ на тотъ часъ столько было силы, что я оттолкнула его отъ кровати столь сильно, что онъ упалъ и думаю не разбилъ ли себѣ затылокъ; однако симъ еще не удовольствовавшись сталъ предо мною на колѣни и подавая мнѣ кинжалъ говорилъ: возьми сіе смертоносное орудіе и рази меня; я и то за счастіе себѣ сочту, естьли только лишенъ буду жизни возлюбленнымъ для меня предмѣтомъ. Подай, сказала я ему; мнѣ не трудно будетъ проколоть грудь ненавистнаго мнѣ человѣка. Но онъ вставши угрожалъ, что я буду на другой же день продана въ такое мѣсто, гдѣ буду сожалѣть, что не предалась во власть любви его и съ тѣмъ отъ меня вышелъ.

И такъ сія ночь казалась мнѣ годовымъ временемъ, ибо безпрестанно мечталось что входитъ ко мнѣ мой злодѣй. Но мое безпокойствіе изчезло, когда я уви-

увидѣла, что солнце взошло уже на горизонтѣ и освѣтило сїянїемъ своимъ всю землю; я вставши съ постели поспѣшно одѣлась, и лишъ только успѣла надѣть на себя верхнее платье, то и пришелъ ко мнѣ мой хозяинъ говоря; неблагодарная! когда ты воспротивилась моимъ желанїямъ, то слѣдуй за мною; я поведу тебя на корабль. Повинуясь приказанїю сего изверга пошла за нимъ я до самой пристани и сѣвши въ шлюбку прибыла на корабль, гдѣ онъ уговорившись съ Шкиперомъ, и взявши съ него за меня деньги оставилъ меня на кораблѣ; а самъ обратно поѣхалъ къ берегу. На семъ суднѣ я пробыла около двухъ недѣль не трогаясь съ мѣста, ибо ожидали попутнаго вѣтра; а какъ скоро оной повѣялъ; то подняли парусы и пустились въ глубину моря.

Я думала, что избѣгнула насильства перьваго моего хозяина; но какъ я въ томъ ошиблась! ибо попалась въ руки лютаго безчеловѣчнаго варвара, которой пришедши ко мнѣ, требовалъ отъ меня повелительнымъ образомъ того, что я берегу для возлюбленнаго мнѣ предмета. Ахъ, извергъ! сказала я ему; какую ты имѣешъ надо мною власть, и еще хочешъ обезчестить благородно воспитанную дѣвицу; поди прочь и никогда не смѣй мнѣ о семъ говорить, ежели не хочетъ быть обруганнымъ. Но онъ столько былъ моими словами раздраженъ, что закричалъ своимъ невольникамъ: „свяжите сїю негодную и продерзкую дѣ-

невольницу не покаряющуюся волѣ своего господина!,, и какъ скоро руки мои были связаны, то къ онымъ еще привязали весьма длинную веревку и бросили въ море на цѣлую четверть часа. Тутъ хотя я и готовилась къ смерти, однако вспомнила и тебя, любезный Моисесъ, и говорила въ умѣ моемъ: прости, дражайшій маркизъ! прости; болѣе я тебя никогда не увижу: живи любезной и помни вѣрную тебѣ Марїю. Въ сихъ мысляхъ будучи углублена испускала послѣднее дыханїе, какъ вдругъ опять меня выхватили изъ моря на корабль; я не могши стоять лежала нѣсколько времени безчувственна, однако помощїю матрозовъ была приведена въ чувство. Съ сихъ самыхъ поръ не видала я уже болѣе своего злодѣя, потому что; въ то время производилось сраженїе съ другимъ разбойникомъ. Я молила небеса, дабы мы остались побѣжденными, ибо надѣялась быть въ рукахъ не столь звѣрскаго нраву человѣка. И въ самомъ дѣлѣ небо услыша мою молитву послало побѣду сопернику нашего корабля, и лишъ только я досталась во власть другаго господина; то и была мнѣ отведена особливая каюта, гдѣ и довольствовали меня всемъ тѣмъ, что только ни было лучше; ибо думали чрезъ то соблюсти красоту мою, дабы взять болѣе за меня денегъ. И такъ спустя нѣсколько времени мы увидѣли верьхи башенъ Марокскихъ; приближившись къ пристанѣ хозяинъ сѣлъ на шлюбку и поѣхалъ къ берегу, и

прибылЪ уже обратно на корабль на другой день; и такЪ высадивши всѣхЪ плѣнныхЪ на берегЪ, повели иныхЪ вЪ городЪ; а меня посадили вЪ коляску и повезли. Я спрашивала: куда меня везутЪ? Но никто мнѣ ничего не отвѣчалЪ, и я принуждена была молчать; на конецЪ коляска остановилась и я принуждена была изЪ оной выходить и лишЪ только вышла, то и накинули на меня покрывало и повели по лѣстницѣ; при входѣ вЪ залу приказано было нѣсколько подождать и ожидать приказанія. А тѣ черные люди, которые меня взяли изЪ корабля, пошли вЪ другіе комнаты и спустя часЪ возвратились ко мнѣ, и просили меня учтивымЪ образомЪ, чтобЪ я за ними слѣдовала. Я весьма удивилась украшенію того покоя, вЪ которой меня ввели, посреди коего стоялЪ возвышенной тронЪ сдѣланныя весьма искусно изЪ бѣлаго мрамора, сЪ золотою насѣчкою, по сторонамЪ коего стояли двѣ статуи держащія вЪ рукахЪ надЪ трономЪ золотую корону усыпанную разными драгоцѣнными каменьями; спустя нѣсколько минутЪ вошелЪ туда государь вЪ весьма богатомЪ платьѣ, и сѣвши на тронЪ приказалЪ мнѣ подойти кЪ себѣ поближе и снять сЪ себя покрывало; я сколько вЪ то время ни была вЪ стражѣ, однако могла приказаніе его исполнить и снявши сЪ себя накинутое покрывало пала предЪ нимЪ наколѣни и просила принять меня подЪ покровЪ его милосердія. ОнЪ усмѣхнувшись говорилЪ: вешань красавица! а у моего хозяина

спросилъ, сколько ему надобно за меня взять? Тогда онъ отвѣчалъ: ваше величество! я съ васъ ничего не требую, а только покорно прошу дозволить мнѣ свободно разъѣзжать по всемъ морямъ къ вашему владѣнїю принадлежащимъ. Государь не только на сїе охотно согласился но повелѣлъ еще ему выдать двѣ тысячи червонныхъ. Отпустя его спрашивалъ меня, гдѣ мое отечество, и какъ я попалась въ плѣнъ? А какъ я его желанїе удовольствовала, назвавши себя бѣдною Француженкою; то онъ приказалъ меня отвести въ сераль и очистить для меня богато убранной покой; слово сераль поразило меня до безконечности, и я едва могла итти за евнухомъ, меня провожавшимъ; вошедши въ назначенной мнѣ покой, принимала отъ многихъ поздравленїя, иныя дѣвицы видя меня сожалели омоемъ несчастїи; а иные радовались, что не они одни будутъ терпѣть заключенїе, но какъ бы то ни было я не хотѣла и съ одною изъ нихъ говорить и сидѣла въ великомъ замѣшательствѣ; а какъ всѣ вышли вонъ, то я бросилась на постелю предалась отчаянїю и всю ту ночь препроводила весьма въ безпокойномъ состоянїи.

На другой день лишъ только я успѣла встать съ постели, то и была позвана предъ государя: пришедши къ нему хотѣла было поцѣловать его руку, но онъ оную отдернулъ, и сказалъ: нѣтъ красавица! я не для того сюда тебя призвалъ; а хочу тебѣ открыть ту смертельную

рану, которую ты своею красотою причинила; потомъ говорилъ мнѣ, чтобъ я воспріяла ихъ православную вѣру, а потомъ хотѣлъ на мнѣ жениться. Чтожъ было мнѣ ему на сіе отвѣчать, и сама не знала; однако подумавши нѣсколько такъ ему говорила: ваше величество! покорно благодарю за ваше ко мнѣ благоволеніе; но извините меня, что я откажусь отъ вашего предложенія: ибо никогда перемѣнить моего закона не намѣрена, въ которомъ будучи съ младенчества воспитана, а иначе съ вами жить совсемъ Христіанскому закону противно; а ежели вы меня прямо любите, то рабски васъ прошу отпустить меня въ мое отечество. Тогда онъ перехватилъ мою рѣчь и говорилъ: нѣтъ Марія! не ласкай себя пустою надеждою, я никогда твоей прозьбы исполнить не могу, а только говорю тебѣ, чтобъ ты воспріяла нашъ законъ; по восприняттіи же будешъ первою султаньшею, теперь поди душа моя и размысли хорошенько, кто ты будешъ на свѣтѣ, когда примешъ православную вѣру. И такъ когда я удалилась въ свой покой; бросилась на постелю и размышляла, какъ бы мнѣ избавиться отъ насильствъ государевыхъ, и расположилась упорно стоять въ томъ, что уже ему мною было сказано; спустя часъ времени вошелъ ко мнѣ государь, и спрашивалъ меня, перемѣнилаль я свои мысли? Ни какъ нѣтъ, ваше величество, отвѣтсвовала я ему и весь; мой вѣкъ вольныхъ пребуду, хотябъ къ тому меня

меня какъ ни принуждали: онъ ни говоря болѣе ни слова отъ меня вышелъ, и весьма рѣдко ко мнѣ прихаживалъ, развѣ для того только, чтобъ меня уговорить, чтобъ я предалась на его сторону, чего я и слышать не хотѣла, въ прочемъ вамъ все извѣстно; чтожъ касается до моего медленія, когда вы меня ожидали за стѣною, то я думаю мнѣ простительно будетъ, когда я въ томъ себя оправдаю, ибо въ то время сидѣла у меня султанша, и я ее принуждена была уговаривать, чтобъ она не плакала, потому что она завидовала Ругдѣ, которую государь болѣе всѣхъ любитъ. А какъ скоро она отъ меня ушла, то я не теряя времени вышла изъ своей спальни оставя оную заперши, думая притомъ: хотя кто и будетъ стучаться у моей спальни, но подумаетъ, что я сплю, и потому тревожить болѣе не будетъ; ибо я въ великомъ была у всѣхъ уваженіи. Сошед ши же съ крыльца отворила садовую калитку пошла по дорогѣ къ задней стѣнѣ лежащей весьма медлительными шагами, ибо у меня отъ страху ноги подгибались. Однако кое какъ дошедши до назначеннаго вами мнѣ мѣста, и не слыша выстрѣлу пришла въ великой страхъ думая, что вы не дождавшись меня ушли, или еще не приходили, и для того начала кашлять, дабы узнать чрезъ то, тутъ ли вы находитесь; и такъ къ великому моему щастію желаніе мое исполнилось, теперь только о томъ прошу Бога, дабы намъ скорѣе

скорѣе прибыть въ Христіанскія земли и связать свои сердца неразрывною цѣпью супружества. Послѣ окончанія сея повѣсти я обнявши возлюбленную мою Марію проливалъ горькія слезы, и весьма сожалѣлъ, что не могу отомстить тѣмъ варварамъ, которые хотѣли лишить ее чести. А какъ желали мы знать и исторію Емиліи, то и просили, чтобъ она разсказала свои приключенія; на что она охотно согласилась и начала разсказывать такъ:

Исторія моя, я думаю, вамъ извѣстна до тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ возлюбленнымъ супругомъ; но какъ мы прежде попались въ бездну злощастія, нежели вы, то и претерпѣли другіе коловратности рока. Я была отведена не столько къ свирѣпому начальнику, нежели ты, дражайшая Марія, и довольствовали меня нѣсколько времени всѣмъ тѣмъ, что только благородно воспитанной женщинѣ потребно быть можетъ, и никакихъ грубостей свойственныхъ сему звѣрскому народу примѣтить въ моемъ господинѣ не могла; но все сіе ни мало меня не утѣшало, и я ни на одну минуту не могла быть спокойною. Ежели когда и закрывались мои глаза во время сна, то и тогда мечталось мнѣ, будто бы я вижу Амета обложеннаго тяжкими оковами и ручьи слезъ проливающаго; тотъ часъ опять я просыпалась, и не находя его проливала горчайшія слезы.

Въ одинъ день вошла ко мнѣ одна дѣ-

вица, отъ которой я узнала, что она была дочь моего господина, и видя меня погруженную въ слезахъ, говорила мнѣ чтобъ я не плакала и обѣщалась исходатайствовать мнѣ вольность, ежели то только мнѣ угодноб удетъ. Ябросилась къ ногамъ сея любви достойныя дѣвицы иназывала ее моею избавительницею. Она сѣвши возлѣ меня, просила, чтобъ я разсказала ей свои нещастія, въ чемъ я ее и удовольствовала; во время моей повѣсти она нѣсколько пролила слезъ, а потомъ говорила мнѣ, дабы я больше не сокрушалась и обѣщалась мнѣ принести радостную вѣдомость того же дня, и больше ни говоря ни слова оставила меня погруженную въ уныніи. И такъ когда она отъ меня вышла, то я сама съ собою разсуждала: положимъ, говорила я, что и получу я вольность чрезъ сїю дѣвицу. Но гдѣжъ могу сыскать любезнаго Амета, безъ коего мнѣ и вольность казаться будетъ ненавистною; можетъ быть онъ всегда будетъ здѣсь содержанъ въоковахъ, то какъ отъ оныхъ избавится; а ежели какимъ нибудь случаемъ и получитъ вольность, то гдѣжъ меня обрѣсти можетъ? Онъ подумаетъ, что я отвезена въ дальные стороны, такъ какъ у сихъ народовъ въ обыкновенїи продавать молодыхъ женщинъ Азїатскимъ народамъ; то же будетъ ли онъ искать меня по всей вселенной: а можетъ быть не сыскавъ меня и умретъ съ отчаянїя. Въ таковыхъ находясь мысляхъ не знала я, что мнѣ

мнѣ начать; многократно я покушалась остаться въ Алжирѣ, но и то мнѣ на мысль приходило, что могу быть продана какому нибудь сосѣдственному государю, откуда избѣгнуть весма будетъ трудно. И такъ твердое положила намѣренiе, получа вольность ѣхать въ свое отечество, и сказать о заключенiи Амета его людямъ, дабы кто нибудь изъ нихъ отправился въ Алжиръ для выкупу дражайшаго мнѣ супруга. Находясь въ таковыхъ размышленiяхъ вдругъ двери моей комнаты отворились, и къ крайнему моему удивленiю вошелъ ко мнѣ одинъ молодой мущина, а за нимъ и объявленная хозяйская дочь, которая и начала мнѣ говорить слѣдующимъ образомъ: нещастная плѣнница! насталъ тотъ часъ, въ которой ты должна оставить ненавистную тебѣ землю. Я жалѣя о твоихъ нещастiяхъ искала давно уже случая съ тобою поговорить, и просила моего родителя, дабы онъ мнѣ позволилъ проводить скучные часы съ тобою вмѣстѣ; а какъ получила позволенiе, то и не преминула тебя посѣтить, узнавши же твои нещастiя сыскала случай вамъ доставить вольность, и ежели она вамъ драгоцѣнна, то можете съ симъ человѣкомъ отправиться въ ваше отечество; прошу на него положиться, какъ и на меня; онъ человѣкъ отмѣнныхъ качествъ, и я назначена ему въ не-

невѣсты, въ прочемъ же будьте готовы къ отъѣзду; ибо корабль готовъ пуститься въ море; чтожъ касается до моего родителя; то онъ побѣгу вашего не знаетъ; а когда про васъ спроситъ, то я скажу, что вы не извѣстно куда сей ночи скрылись.

Я столько была симъ человѣколюбїемъ тронута, что обнявши сїю любви достойную дѣвицу, проливала радостныя слезы, и стократно благодарила за ея обо мнѣ попеченїе. И такъ наступилъ тотъ часъ, въ котрой надлежало мнѣ оставить тотъ домъ, въ которомъ я препроводила нѣсколько времени, и была сопровождаема тѣми двумя особами, которыя пеклись о моей вольности. Уже пришли мы къ самой пристани, гдѣ была подвезена намъ шлюбка, и такъ я разпрощавшись съ моею избавительницею, отправились на корабль съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ: и лишъ только мы на оной взошли, то тотъ же часъ подняли парусы, и корабль полетѣлъ быстрѣе птицы разсѣкая морскїя волны. По истеченїи трехъ дней всѣ надѣялись, что чрезъ одни сутки увидятъ пристань. Я благодарила небеса, что нашъ путь оканчивается благополучно. Но вдругъ вѣтръ перемѣнилъ свое теченїе и повѣялъ къ востоку, и чрезъ нѣсколько часовъ погода со всемъ переменилась, пошелъ сильной дождь и море начало колебаться, метая нашъ корабль на всѣ стороны. Всѣ бывшїе на ономъ просили своего Пророка о утишенїи свирѣпой бу-

бури, но ни прозьбы ихъ ни молитвы ни мало не помогали, и буря начинали еще больше увеличиваться. Всѣ готовились къ смерьти, даже и самой кормчїй перестал҃ъ править рулемъ, и спустя шлюбку сѣли съ хозяиномъ въ оную, предались стремленїю моря. Я видя неизбѣжимую гибель, упала въ обморокъ; а какъ чрезъ нѣсколько времени опамятовалась то и начала просить небеса, дабы спасли мою жизнь, для возлюбленнаго мнѣ супруга, но мои прозьбы остались втунѣ, и корабль чрезъ нѣсколько времени разрушился Не находя ни какого спасенїя своей жизни предалась на власть рока, къ счастїю моему увидѣла я плавущїй обломокъ отъ разбитаго корабля ухватившись за оной, плыла туда, куда меня несло вѣтромъ, въ такомъ состоянїи находилась цѣлыя сутки. А какъ лучезарное свѣтило начинало освѣщать своимъ сїянїемъ всѣ поверхности земныя, то и вѣтръ перемѣнился и на непостоянномъ морѣ погода утихла. Я осматриваясь на всѣ стороны, примѣтила въ правой сторонѣ нѣчто чернѣющееся, направляла въ ту сторону мое небольшее судно, или лучше сказать нѣсколько сбитыхъ досокъ. Подъѣзжая къ тому мѣсту узнала, что это былъ берегъ: благополучно приплывъ къ оному нашла на ономъ человѣческїе слѣды; то и думала что сїя земля населена какими нибудь людьми. Радуясь сему, благодарила судьбу, что спасла мою жизнь. Ходя не малое время по тѣмъ слѣдамъ не могла

ни кого примѣтить; а только казалось мнѣ, что слѣды были накладены въ недавномъ времени, однако не теряя оныхъ шла нѣсколько часовъ по нимъ, вдругъ представилась моимъ взорамъ не въ дальномъ разстояніи не большая хижина обросшая мохомъ, изъ которой виденъ былъ исходящій дымъ. Надѣясь, что непремѣнно въ семъ уединенномъ мѣстѣ кого нибудь найду, шла дрожащими ногами къ тому мѣсту. Приближившись къ дверямъ увидѣла изъ оныхъ исходящаго сѣдинами украшеннаго старика, онъ какъ скоро меня увидѣлъ, то бросился изъ всѣхъ силъ бѣжать въ близко находящійся лѣсъ, я-жъ не отставая отъ него слѣдовала за нимъ и кричала: „ сжалься честный старецъ надъ несчастной „женщиной скитавшейся по сей пустынѣ, и не знающей дороги слѣдовать къ „жилищу населенному людьми. Сей старецъ не опасаясь найти во мнѣ врага, остановился и ожидалъ меня къ себѣ. Я радуясь, что нашла такого человѣка, которой языкъ мой совершенно понимаетъ, спѣшила къ нему. А какъ къ нему приближилась, то и бросилась къ его ногамъ прося, чтобъ подалъ помощь къ подкрѣпленію моихъ силъ, ибо я два дни не употребляла ни какой пищи, и отъ студеной морской воды вся издрогла. Онъ выслушавъ меня, приказалъ мнѣ за собою слѣдовать въ его хижину. Когда мы пришли въ оную; то первой былъ его поврос, откуда я? и какимъ обра-

зомъ въ сїе мѣсто скрытое отъ взоровъ человѣческихъ могла попасться? я разсказала все со мною случившееся, не утаивъ ни одного обстоятельства. Во время разсказыванїя моей повѣсти онъ испускалъ трогательные вздохи и проливалъ слезы. Я не зная причины такой его печали, приписывала его человѣколюбїю и сострадательному сердцу. А какъ пересказала ему всѣ мои бѣдствїя; то онъ обнявши меня называлъ своею племянницею, и спрашивалъ меня: не сдѣлалось ли какой перемѣны въ нашемъ отечествѣ? и кто нынѣ владѣетъ Англїею? я вразсужденїи перемѣны ничего ему сказать не могла, потому что и сама ничего не знала; а что касается, до владѣнїя королевскаго, то я его о всемъ подробно увѣдомила. Послѣ сего онъ вышелъ вонъ изъ хижины, и чрезъ нѣсколько минутъ принесъ мнѣ нѣсколько древесныхъ плодовъ и не большей хлебецъ, просилъ меня симъ утолить мой голодъ извинялся, что не можетъ меня болѣе удовольствовать, по той причинѣ, что онъ ни кого въ тотъ день къ себѣ не ожидалъ. Я несказанно его за то благодарила, и утоля жажду спросила его: почему онъ называетъ меня своею племянницею? тогда онъ вздохнувши такимъ образомъ мнѣ отвѣтствовалъ:

Родитель твой Баронъ Б: мнѣ родной братъ, я ему старшїй рожденный отъ другой матери; и лишъ только произошелъ на свѣтъ, то и лишился своей родительницы. Родитель мой спустя нѣ-

нѣсколько времени женился на другой, и прижилъ вашего родителя, и такъ мы воспитывались вмѣстѣ до тѣхъ самыхъ поръ, какъ мнѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ отъ рожденія. Къ великому нашему нещастію лишились мы родителя, печалясь не малое время о столь драгоцѣнной для насъ потерѣ на конецъ забыли, и раздѣля наше имѣніе по равной части, жилъ каждой особливо. Родитель нашъ по большой части время препровождалъ въ увеселительномъ замкѣ, въ которомъ и нынѣ пребываетъ, а я всегда находился въ столичномъ городѣ, такъ какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно жить съ друзьями безъ скуки. Но какъ родитель нашъ оставилъ намъ великое богатство; то я онымъ управлялъ не такъ, какъ мой братъ; а всегда оное изтощалъ на открытые балы и концерты, и рѣдкой день проходилъ, чтобъ не было у меня человѣкъ сорока въ домѣ и признаюсь тебѣ, что я былъ разточителемъ моего имѣнія, на конецъ мнѣ всѣ увеселенія наскучили такъ, что я ни гдѣ не могъ сыскать себѣ спокойствія. Началъ я разсуждать, отъ чегобъ во мнѣ родилась такая перемѣна, что не могу быть веселымъ? разсуждая такимъ образомъ, дознилъ, что сїе происходитъ отъ двухъ причинъ: первое отъ излишняго мотовства, въ чемъ вамъ признаюсь, что я почти былъ первой во всемъ городѣ, и все сїе вкоренясь въ мои мысли мучило меня несказанно; однако не отставалъ отъ моихъ дурачествъ.

на конецъ взошло мнѣ намысль съ разумомъ человѣческимъ несходное дѣло, отъ котораго и теперь терзается мое сердце. Сія мысль такъ во мнѣ вкоренилась, что я ни на одинъ часъ не терялъ изъ своей головы. Намѣреніежъ мое было такого роду, дабы свергнуть короля съ престола, и обладать самому всею Англіею. И такъ началъ помышлять, какимъ бы мнѣ образомъ приступать къ столь дерзкому моему предпріятію. Ломая такимъ образомъ голову, захотѣлъ прибрать къ сему партію моихъ друзей, на коихъ вѣрность я надѣятся могъ. Въ одинъ день собралъ я довольное число моихъ друзей, далъ приказъ своимъ людямъ, чтобъ болѣе ни кого ко мнѣ не впускали; а самъ затворившись съ ними въ моемъ кабинетѣ, предложилъ имъ мое намѣреніе, и столько въ томъ настоялъ, что многіе согласились быть моими сообщниками: а хотя сперва другіе и отговаривались вступить съ ними въ сообщество, однако согласились, обыманы будучи нашими ласкательствами, что наша партія въ великомъ будетъ движеніи во всемъ государствѣ. И такъ давши мы другъ другу присягу въ вѣрности помышляли, какія бы намъ принять мѣры для приведенія къ концу нашихъ намѣреній. Многіе равно о томъ разсуждали; но одинъ изъ насъ, которой былъ предпріимчивѣе прочихъ, говорилъ намъ, что ни какихъ лучшихъ средствъ сыскать не можно, какъ надѣть всѣмъ намъ маски, и стать въ скрытномъ мѣ-

мѣстѣ въ лѣсу: и когда король поѣдетъ изъ своего загороднаго дворца съ малочисленною свитою, напасть на него вооруженною рукою, и когда говорилъ онъ: намъ сїе удастся; то уже будетъ легче преклонить народъ на свою сторону, ибо наслѣдника престола у насъ нѣтъ, то мы первые подадимъ голосъ къ возведенїю на престолъ Барона. Всѣ на сїе охотно согласились; и подтвердя вновь еще данную клятву, разъѣхались.

На другой день не приминули мои друзья опять ко мнѣ прїѣхать, ибо уже мы извѣстились, что король прибудетъ въ городъ на другой день. и такъ мы условились, что бы быть въ готовности до восхожденїя солнечнаго, и сбираться, на полмилю отъ Лондона въ отстоящемъ густомъ лѣсу, мимо коего надлежало королю ѣхать; и съ тѣмъ разъѣхались. На другой день всѣ уже отправились на то мѣсто, гдѣ условились, одинъ только я замѣшкался: и какъ хотѣлъ было садиться на лошадь, то вдругъ къ несказанному моему огорченїю, или лучше сказать, къ великому моему щастїю увидѣлъ я предъ собою моего надзирателя, которой со младенчества за мною присматривалъ, и будучи я уже въ возрастѣ, онъ меня многократно увѣщевалъ; за что я на него иногда весьма сердился, въ то время онъ въ лицѣ весь перемѣнился, такъ какъ бы былъ въ великомъ отчаянїи, говорилъ мнѣ: пропалъ ты, возлюбленный Баронъ! сообщники твои всѣ въ оковахъ, въ коихъ числѣ и

и ты будешь казнен смертію, ибо они тебя перваго представляют возмутителем, и ежели вам жизнь драгоценна, то спасайтесь скоре бегством. Я от слов его весь оцепенел, и не знал что мне начать; однако думая о своем спасеніи побежал в кабинет, и взявши с собою несколько денег и драгоценных каменьев, приказав себя искать моему дядьке в замке М. принадлежащем мне, и напомнил ему что б он меня в оном не спрашивал; а искал бы в построенной близ замка в лесу беседке, в которой я иногда препроводил скучные часы. По том простившись с ним, сел на лошадь, и поскакал во весь опор. Благополучно выехавши из Лондона, благодарил судьбу, что избавился от поносной смерти, и чистосердечно раскаивался, что вздумал толь богомерское дело, лишить жизни короля, которой был отец отечества, и управлял народом подобно чадолюбимому отцу, пекущемуся о снисканіи щастія своим детям. В таких размышленіях ехал я в названное мною место по большой части лесом: выезжая из лесу увидел я свой замок, из коего выехала полицейская команда. Испужавшись такого опаснаго зрелища, бросился обратно в лес, опасаясь, чтоб меня не приметили; и для всякой предосторожности обвязал рыло моей лошади платком, дабы она не дала знать своим ржаніем, что я в лесу скрываюсь. К щастію моему уви-

увидѣлъ я изъ за деревъ, что команда пріѣхала которая состояла болѣе двухъ сотъ человѣкъ, въ такомъ случаѣ, я весьма былъ самъ собою доволенъ, что ѣхалъ лѣсомъ; а иначе бы непремѣнно былъ захваченъ и лишенъ жизни. И такъ болѣе не опасаясь ничего, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ лѣсокъ, гдѣ находилась моя уединенная бесѣдка, куда прибывши слезъ съ лошади, и пошелъ прямо къ бесѣдкѣ, изъ которой увидѣлъ выходящаго моего дядьку, у котораго видны были на глазахъ слезы. Онъ меня не примѣтилъ; ибо шелъ по всея голову и говорилъ такъ, что я могъ слышать, и произнесенныя имъ слова ни когда изъ памяти моей выттти не могутъ, они были слѣдующія: не достойный сынъ отца, пекущагося о твоемъ воспитаніи! нещастный юноша! ты теперь можешъ быть лишенъ жизни за твое злодѣйство! извергъ! не говорилъ ли я тебѣ, что-бъ ты велъ себя честнымъ образомъ! о Боже мой! накажи и меня что я не могъ вкоренить въ него добраго сердца! но нѣтъ! ты справедливъ и всевѣдущъ; знаешъ, съ какимъ я стараніемъ пекся о его воспитаніи! и сколько терзалось мое сердце, видя его не достойна! и ежели онъ остался еще живъ; то спаси его отъ напастей, и покажи ему путь къ спасенію: я знаю доброе его сердце, только онъ имъ владѣть не можетъ: можетъ быть, Великій Боже! онъ и исправитъ себя.

По окончаніи сихъ для меня чувст-

чувствительныхъ словъ, бросился я къ нему, и обнявши говорилъ: ахъ благодѣтель! избавь меня отъ угрожающей смерти, научи меня, что мнѣ предпрїнять для спасенїя своея жизни. Онъ крайне оторопелъ, увидя меня предъ собою и не могъ промолвить ни единаго слова; а какъ пришелъ въ разсудокъ, то и просилъ меня, чтобъ я вошелъ съ нимъ въ бесѣдку: вошедши во оную сѣли мы на софу. Онъ смотрѣлъ на меня быстрыми глазами, и казалось мнѣ будтобы, онъ находилъ что либо удивительное во мнѣ но я пребывалъ въ то время въ великомъ волненїи, и сидѣлъ потупя глаза, и не могъ воззрѣть на такого достойнаго мужа; и мнилося мнѣ, что его каждой взглядъ упрекаетъ меня въ содѣлаинномъ мною злодѣянїи, и не могъ промолвить ни единаго слова.

На конецъ онъ прервалъ свое молчанїе, и спросилъ меня, что я о себѣ думаю? что мнѣ было на сїе отвѣчать? сказалъ ему, что я ни очемъ болѣе не помышляю, какъ только о томъ, что хочу себя отдать доброволно на истязанїе, зная, что я того достоинъ. Тогда онъ посмотря на меня съ наполненными слезъ глазами говорилъ: чувствительно я обрадованъ, видя тебя разкаявшагося въ твоемъ тяжкомъ преступленїи, и отъ всего моего сердца желаю тебѣ благополучїя, только ты здѣсь его больше сыскать не можешъ; то совѣтую тебѣ какъ наи скорѣе отправ иться въ Францїю. По томъ подавъ мнѣ три тысячи стерлин-

стерлинговъ, говорилъ: вотъ тебѣ мною соблюденныя деньги, кои я берегъ тебѣ на нужное дѣло вѣдая, что ты со временемъ пришелъ бы въ великую бѣдность, отъ твоей распутной жизни, хотя бы и не зделалъ такого злодѣянія, которымъ ты всегда мучиться будешъ, ежели только не принесешъ покаянія предъ Создателемъ всего міра, которой всегда прощаетъ грѣхи тѣмъ, кто въ оныхъ признается, и впредь творить не будетъ, по томъ просилъ меня, чтобъ я остался на нѣсколько времени въ той бесѣдкѣ; а самъ пошелъ въ близъ лежащее селеніе, гдѣ нанявши дорожную коляску пріѣхалъ ко мнѣ и совѣтовалъ, чтобъ я какъ най скорѣе въ путь отправлялся: ибо говорилъ онъ, по возвращеніи команды, которая васъ искала, по всѣмъ дорогамъ васъ догонять будутъ, и вы, какъ можно, остерегайтесь ѣхать большею дорогою, и все селенія стоящія на пути кругомъ объѣзжайте, хотя бы то было и очень далеко. И такъ я простясь съ нимъ, и по благодаря его за всѣ оказанныя ко мнѣ имъ милости и услуги, хотѣлъ отправиться; но онъ мнѣ еще совѣтовалъ, дабы я перемѣнилъ свое имя, когда буду во Франціи; а иначе и тамъ отъ поисковъ скрыться будетъ трудно. И при томъ говорилъ, чтобъ я мало казался публикѣ, и берегъ выданныя имъ мнѣ деньги, потому что имѣніе ваше будетъ опечатано; а чтожъ касается до вашего братца, то онъ не можетъ перенести такого удара

удара, какой вы ему причинили, и я скажу ему, что вы не извѣстно куда скрылись и пронесу о васъ слухъ, будто бы вы съ отчаянія ядомъ себя уморили, и такъ вторично меня обнявши, простился, можетъ быть, уже на вѣки.

Я сѣвши въ коляску, приказалъ извощику какъ наискорѣе гнать лошадей направляя путь къ пристани; но мнѣ всю дорогу казалось, будто бы за мною гонятся; кричатъ: держите. Въ такомъ горестномъ состояніи, прибылъ я благополучно къ пристани, гдѣ наградя извощика, отпустилъ, и наказалъ ему, дабы онъ той же дорогой ѣхалъ, и ежели его спросятъ: куда онъ ѣздилъ, то дабы сказалъ, что отвозилъ въ городъ одну женщину. Онъ обѣщался мое приказаніе исполнить въ точности; но я не знаю, устоялъ ли онъ въ томъ, или нѣтъ; я нужды въ томъ теперь ни какой не имѣю, и лишь только съ нимъ разстался, то и пошелъ на самую пристань, гдѣ нашелъ корабль готовый къ отъѣзду во Францію; и уговорившись съ хозяиномъ за самую малую цѣну, ибо онъ и тому былъ радъ. И такъ на другой же день отправились въ море, вѣтръ тогда столько былъ для насъ благополученъ, что мы надѣялись въ скоромъ времени увидѣть берега Французскіе. Къ великому всѣхъ нещастію вѣтръ на другой день со всемъ перемѣнился, и возстала сильная буря, всѣ ожи-

ожидали себѣ скорой смерти, одинъ я сего не боялся, но еще радовался, что избавлюсь отъ угрызающей меня совѣсти только о томъ и просилъ Бога, чтобъ простилъ тяжкія мои прегрѣшенія. Вѣтръ тогда часъ отъ часу увеличивался, и несло нашъ корабль въ неизвѣстную сторону, волны часъ отъ часу подымаясь выше, угрожали скорымъ сокрушеніемъ корабля, и такъ спустя три дни нашего плаванія, корабль нашъ совсемъ разрушился. Я будучи носимъ морскими волнами с всемъ не помышлялъ о спасеніи своея жизни, которая мнѣ была въ горести; на конецъ пришло мнѣ и то на мысль, ежели я не стараюсь спасти мою жизнь не очистясь отъ моихъ грѣховъ, то буду мучиться еще болѣе въ будущей жизни. Въ таковыхъ находясь мысляхъ увидѣлъ возлѣ себя плывущую большую доску, за которую ухватясь, плылъ нѣсколько времени, ожидая часъ отъ часу себѣ смерьти, на конецъ не постоянная стихія утихла и море стало спокойно. Я льстилъ себя надеждою, что пристану къ какому нибудь берегу, въ чемъ и не обманулся. Увидя сей островъ, на которомъ и теперь пребываю, присталъ къ оному, и ходя не малое время по немъ, нашелъ, что онъ не обитаемъ; однако къ великому моему щастію увидѣлъ древесные плоды растущіе въ великомъ изобиліи, коими я безъ нужды

такъ когда погода миновалась и настала тишина; то они и спрося свой поврежденной корабль, готовились къ отъѣзду, подаря мнѣ нѣсколько хлѣба и почти такъ же три ружья и два пистолета, и отдали мнѣ цѣлой боченокъ пороху. Чувствительно ихъ то благодаря за такое ко мнѣ расположенїе, просилъ дабы они въ своемъ обѣщанїи устояли, на что они мнѣ отвѣчали: да не продолжитъ намъ жизни великїй нашъ Пророкъ, ежели мы не исполнимъ обѣщаннаго. И такъ распрощавшись и облобызавъ взаимно другъ друга отправились они на корабль, съ котораго прислали ко мнѣ шлюбку въ подарокъ, на которой я иногда разъѣзжаю по морю въ самую тихую погоду. По томъ они при благополучномъ вѣтрѣ пустились въ море. Я смотрѣлъ тогда на ихъ корабль до тѣхъ поръ, пока онъ изъ виду скрылся.

Оставшись одинъ владѣтелемъ сего острова, расхаживаю по оному не робкими ногами, и ни кого страшиться не имѣю. А какъ протекло уже одиннатцать мѣсяцевъ, какъ я разлучился съ Марокскими обитателями, то я ожидалъ ихъ ежеминутно.

Въ одинъ прекрасный день вышелъ я посмотрѣть на пространство моря, увидѣлъ весьма въ дальномъ разстоянїи пловущее прямо къ моему острову большее судно, тогда сердце мое затрепетало отъ радости, что я увижу моихъ

моихъ благодѣтелей, и стоялъ до тѣхъ поръ, пока корабль остановился на якорь. Я бросился встрѣтить сихъ для меня прiятныхъ гостей. А какъ шлюбка подъѣхала, и они вышли на берегъ; то я бросился каждаго изъ нихъ цѣловать, и по окончанiи привѣтствiй, переносили они въ мою хижину весь годовой запасъ мнѣ привезенной. Я чувствительно ихъ благодарилъ за такое ихъ обо мнѣ попеченiе и угощалъ ихъ собранными мною съ деревъ плодами, въ коихъ они великой находили вкусъ, и просили меня, дабы я удѣлилъ имъ нѣкоторую часть изъ оныхъ для показанiя въ своемъ отечествѣ, ибо таковыхъ у нихъ не родилось, хотя разстоянiе было и не слишкомъ велико, а имянно, они изъ Марокка прибыли въ осьмой день ихъ плаванiя при попутномъ вѣтрѣ. А какъ у меня на островѣ расло ихъ въ превеликомъ множествѣ, то они нагрузили оными почти цѣлой корабль.

Послѣ сего просили и меня съ собою но какъ я больше еще привыкъ къ уединенной жизни, то и говорилъ имъ чтобъ они меня своими прозьбами не обезпокоивали. И въ самомъ дѣлѣ я отъ нихъ чрезъ все время моего пребыванiя на семъ островѣ не слыхалъ, чтобъ кто ни будь изъ нихъ мнѣ упомянулъ о семъ островѣ, дабы я оной оставилъ. И такъ когда они отъ меня уѣхали, то я и построилъ себѣ житницу, въ которой у меня хранится весь годовой запасъ, но притомъ отъ каждаго почти года оста-

остается у меня большая половина; однако ежегодно привозимое отъ Мароккскихъ обитателей принимаю, дабы какой перемѣны въ разсужденіи ихъ ко мнѣ не сдѣлалось, и теперь я ихъ ожидаю въ скоромъ времени и срокъ уже приближается: и какъ скоро они сюда пріѣдутъ; то я ихъ попрошу, чтобъ они тебя доставили въ твое отечество, въ прочемъ до ихъ прибытія пользуйся всемъ тѣмъ, что только я ни имѣю.

По окончаніи его повѣсти пошли мы съ нимъ въ близъ лежащій лѣсъ, который по большой части состоялъ изъ померанцовыхъ и цитронныхъ деревъ и изъ такихъ, которыхъ наименованія ни я ни дядя мой не знаетъ, и на сихъ то росли пріятнаго вкуса плоды. Обойдя такимъ образомъ примѣчанія достойныя мѣста, пришли наконецъ въ его житницу, въ которой хранилось все нужное къ его пропитанію, она подобна была нашему деревянному строенію. Въ оной сдѣланы были сусѣки, насыпанные сухарями; а иные сорочинскимъ пшеномъ. Тутъ же стояли кадочки наполненныя мѣдомъ и нѣсколько бочечковъ вина, осмотрѣвъ все сіе, пришли мы обратно въ хижину, которая была гораздо хуже нежели житница: полъ усланъ былъ не отесанными бревнами, печька складена изъ бѣлой глины весьма неискусно. Постеля моего дяди была услана травою, и вмѣсто по-

душки лежалъ связанной снопъ изъ той же травы; такую же онъ приготовилъ и для меня.
На другой день дядя мой пошелъ и принесъ довольное количество застрѣленной дичины, изъ которой я приготовила для стола супъ и жареное. А какъ время настало обѣдать, то мы сѣвши за столъ, ѣли съ великимъ апетитомъ, а по окончанiи онаго изготовила я кофе, въ коемъ у него не достатку не было. И такъ жила я съ нимъ три недѣли весьма благополучно; ожидая прибытiя Марокскихъ жителей. Къ великому моему огорченiю, дядя мой занемогъ горячкою: и сiя болѣзнь часъ отъ часу увеличивалась, такъ что я ни какой надежды не имѣла о его выздоровленiи, наконецъ такъ усилилась, что онъ лишался всѣхъ чувствъ, и испустилъ послѣднее дыханiе на моихъ рукахъ.

Оплакавъ столь чувствительную для меня потерю, вырыла для него могилу близъ хижины находящуюся; и вмѣсто гроба выслала оную бревнами: и положа его во оную, наклала съ верьху нѣсколько деревъ, и прочитавъ молитвы которыя употребляются при погребенiи по томъ засыпала землею, и каждой день приходила за то мѣсто оплакивать сего добродѣтельнаго старца. И такъ я въ одинъ день по обыкновенiю вышла изъ хижины и хотѣла итти на могилу, то вдругъ взору моему представилось множество идущихъ ко мнѣ

мнѣ людей въ странномъ одѣянiи. Испугавшись такого зрѣлища, хотѣла было бѣжать; но вспомня, что это тѣ самые люди, которые привозили запасъ моему дядѣ, я подошла къ нимъ и учтиво поклонясь разсказала имъ о кончинѣ почтеннаго старика и о томъ, что онъ имъ приказывалъ; а именно, чтобъ они меня доставили въ Англiю, и не утая даже отъ нихъ и собственныхъ своихъ приключенiй. Я полагала, что они придутъ въ жалость, видя меня утопающую въ слезахъ; но они взирая на меня гнѣвнымъ окомъ хотѣли было лишить жизни, и говорили мнѣ чрезъ переводчика, что я не племянница покойнаго, а убiйца, и для того ты лишила жизни достопочтеннаго мужа, дабы насъ обольстить, а чрезъ то чтобъ мы доставили тебя туда, куда ты желаешъ! нѣтъ умрешъ въ оковахъ! я сколько ни старалась преклонить ихъ слезами къ жалости, но ни что не помогало, и такъ оковали меня желѣзами и хотѣли отвести на корабль. Но я ихъ еще просила дабы они разрыли могилу и посмотрѣли тѣло покойнаго, и естьли хотя найдутъ малѣйшiй знакъ убивство; то бы тотъ же часъ лишили меня жизни. Сперва сколько они мнѣ ни казались безчеловѣчными, однако на послѣднее мое прошенiе охотно согласились, и снявши съ меня возложенные узы, спрашивали: гдѣ я его похоронила: а какъ я имъ указала то мѣсто, гдѣ лежало тѣло; то они

они разрывъ то мѣсто осматривали все тѣло моего дяди, и не нашедши ни какихъ знаковъ, зарыли по прежнему. Потомъ извиняясь предомною, что такъ свирѣпо поступили: по томъ чувствительно благодарили за мое попеченїе, какое я имѣла въ болѣзни моего дяди.

Послѣ сего просили меня, чтобъ я за ними слѣдовала на корабль; я на сїе охотно согласилась, и при входѣ на оной подняли парусы и пустились въ море. Я многожды ихъ спрашивала, куда они меня намѣрены отвезти? но они только то и говорили, что хотятъ меня здѣлать счастливою. Какогожъ щастїя ожидать мнѣ надлежало? о Боже мой! и теперь едва сїе перенесть могу. Попятидневномъ нашемъ плаванїи пристали мы къ берегу, и не выходя еще изъ корабля накинули на меня покрывало, симъ я была поражена какъ громовымъ ударомъ; ибо опасалась дабы мнѣ не попасться въ Сераль. Сколько ни старалась я тѣхъ извергов уговорить, чтобъ меня отвезли въ Христїанскїя земли, и сколько ни упрекала ихъ, что не исполняютъ послѣднихъ словъ ихъ избавителя; но они меня и слушать не хотѣли. И такъ оставя меня, поѣхали въ шлюбкѣ къ берегу; а за мною приставили караулъ, дабы я чего съ собою не учинила.

Спустя нѣсколько часовъ, приказано мнѣ было выходить изъ корабля. Повинуясь ихъ приказанїю сѣла въ шлюбку, и была подвезена къ берегу, гдѣ ожидала меня

меня коляска. Посадивши меня въ оную повезали въ городъ. Дорогою я ни о чемъ не думала, ибо мои разсужденія тогда не имѣли никакого дѣйствія; спустя нѣсколько часовъ увидѣла я великолѣпный домъ, это былъ (такъ какъ мнѣ сказывали мои провожатые) дворецъ, въ которой они меня везутъ, представить Султану, не угодно ли будетъ Его Величеству принять меня въ число своихъ наложницъ. Слово наложницъ, привело меня со всѣмъ въ безпамятство, и я упала въ обморокъ. Что видя везущіе меня принуждены были остановится. Однако вскорѣ я пришла въ память, проливая слезы говорила: теперь то я лишилась своего супруга уже на вѣки, прости любезной! прости и знай, что навсегда пребуду къ тебѣ вѣрна, и лучше соглашусь лишится жизни, нежели нарушить данную мною клятву. Послѣ сихъ мною произнесенныхъ въ слухъ рѣчей подвезли коляску къ крыльцу: я изъ оной вышла, но не могла далѣе переступить ни на одинъ шагъ, ибо ноги мои отъ страху подгибались, и вся покрыта была холоднымъ потомъ, что видя мои провожатые ввели меня подъ руки въ царскіе чертоги, и посадя на софу, ожидали, когда Султанъ меня потребуетъ.

И какъ наступило то время, когда государь вышелъ въ пріемную залу, и сѣлъ на высокій тронъ; то приказалъ меня предъ себя представить: на сей случай ноги мои гораздо здѣлались крѣ-

крепче, и я вошла въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ государь. Изъ учтивости поклонясь ему почти до самаго полу, и поцѣловала его полу, тогда онъ приказалъ всѣмъ выттти, выключая женщинъ, и велѣлъ съ меня снять покрывало. Посмотря на меня пристально, и неговоря ни слова, повелѣлъ отвести мнѣ особливой покой, и одѣть по ихъ обыкновенію.

И какъ все сіе исполнено было; то многіе приходили ко мнѣ изъ любопытства посмотрѣть, сколь великою я отъ природы одарена красотою, а другіе, можетъ быть, и для того, чтобъ спросить меня о моемъ отечествѣ, однако я ни одной изъ нихъ не понимала, и по тому всѣ разошлись оставя меня одну. Я затворившись въ своей комнатѣ проливала горчайшія слезы, воспоминая о тебѣ возлюбленный Аметъ, и съ тѣмъ заснула весьма спокойно. На другой день лишь только я успѣла продрать глаза свои, то и увидѣла у кровати стоящаго государя, испугавшись тако о нечаяннаго зрѣлища, упала въ сильной обморокъ. Тогда онъ приказалъ подать спирту, отъ чего я получила прежнее чувство, и началъ мнѣ говорить; чего ты такъ пугаешся красавица! обожающаго тебя государя, которой, хочетъ съ тобою раздѣлить брачное ложе? Выслушавъ его слова, спала предъ нимъ наколѣни, и говорила весьма убѣдительную рѣчь, заключающуюся въ томъ, дабы не прину-

принуждалъ меня къ тому, о чемъ онъ мнѣ обьяснился, и разсказала ему всѣ мои бѣдствія, какія только со мною случаться могли. Онъ выслушавъ мою прозьбу, сказалъ: что ни какъ своихъ намѣреній безъ дѣйствія не оставитъ, и обнимая меня, цѣловалъ мои руки, и хотѣлъ было удовольствовать свою страсть; но я на тотъ случай сдѣлалась весьма дерзкою, и оттолкнула его отъ себя толь сильно, что чуть чуть было онъ не свалился съ ногъ. Онъ взглянувъ на меня свирѣпымъ образомъ, вышелъ вонъ не говоря ни слова.

На другой день прислалъ ко мнѣ главнаго евнуха, сказать мнѣ, что ежели я не соглашусь на желанія государя, то буду наказана, такъ какъ преступница законовъ. Сіи выговоренныя евнухомъ слова выслушавъ спокойнымъ духомъ сказала ему, чтобъ доложилъ Его величеству, что пребуду навсегда въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ самъ меня видѣлъ, и охотно соглашусь принять жесточайшую смерть, нежели нарушить клятву данную мною въ вѣрности къ своему мужу, и ежели въ немъ хотя искра есть человѣколюбія, то бы отпустилъ меня въ мое отечество, за что я навсегда пребуду къ нему обязанною; и съ тѣмъ его отъ себя отпустила.

Спустя часа, два вошелъ ко мнѣ опять тотъ же евнухъ съ другими невольницами, и сковавъ меня, отвели въ тюрьму

тюрьму и говорили, чтобъ я готовилась на другой день къ смерти. Сїе меня ни мало не устрашало, и на противъ того почитала себя щасливою, что избавлюсь отъ наглостей, и что совѣсть моя будетъ чиста и непорочна. И такъ ожидала спокойно другаго дни, въ ту ночь ни о чемъ больше не печалилась какъ только о тебѣ дражайшїй супругъ: и что ты не будешъ знать гдѣ я окончала свой животъ и можетъ быть, подумаешъ, что я сдѣлалась тебѣ не вѣрною. Такими занимаясь мыслями, не могла сомкнуть очей своихъ ни на единой часъ.

На другой день лишъ только лучезарное свѣтило показалось; то я ставъ на колѣни, просила у Создателя природы прощенїя въ содѣянныхъ мною грѣхахъ и ожидала того часа, въ которой меня поведутъ на казнь; но только лишъ о семъ помыслила, то вдругъ двери отворились и вмѣсто палача увидѣла предъ собою главнаго надзирателя. Онъ учтиво мнѣ поклонясь, отдалъ письмо отъ Государя присланное; оно было слѣдующаго содержанїя:

ЕМИЛІЯ!

Побереги свою жизнь хотя для любезнаго тебѣ супруга! согласись на мое предложенїе, которое тебѣ уже извѣстно; и

и ежели желанія мои удовольствуешъ, то вскорѣ получишъ вольность.

Малла Магометъ.

По прочтеніи сего письма сердце мое обливалось кровью, и какъ маленькая былинка отъ сильнаго вѣтра на всѣ стороны наклоняется и ни на которой устоять не можетъ; такъ и я колеблема будучи мыслями, не знала, что мнѣ на то письмо отвѣтствовать. Желая вольности, хотѣла было на его предложеніе согласиться; но и то мнѣ на мысль приходило, что ежели я желанія его и удовольствую; то не буду ли принуждаема и въ другой разъ того учинить, а чрезъ то не здѣлаюсь ли я преступницею предъ Богомъ. Разсуждая такимъ образомъ, лучше хотѣла окончить мою жизнь, нежели согласиться на такое богомерское дѣло. Подумавъ нѣсколько, написала на другой сторонѣ письма слѣдующія строки:

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Чувствительно благодарю за вашъ совѣтъ о соблюденіи моей жизни для возлюбленнаго мнѣ предмѣта; только тѣмъ крайне огорчена, что вы предлагаете мнѣ къ полученію вольности

вольности такую трудную дорогу, что я ни как по ней итти не соглашусь, и лучше желаю умереть; нежели по оной слѣдовать. Въ прочемъ въ вашей состоитъ волѣ жизнь и смерть моя.

Вашего величества нещастная

плѣнница ЕМИЛІЯ.

И такъ я пробыла въ темницѣ не болѣе двухъ недѣль; а напослѣдокъ отвели меня въ старой сераль оплакивать мои нещастія, и болѣе я ни когда не надѣялась видѣть любезнаго моего супруга. Но какъ небу было угодно насъ соединить чрезъ васъ, любезный Монесъ то и пребудемъ къ вамъ на вѣки благодарными и вѣрными друзьями.

По окончаніи Емиліиной повѣсти мы разошлись въ разныя каюты, препроводить ночь, которая уже наступила; но я почти не могъ сомкнуть глазъ своихъ; и сердце мое предвѣщало новое нещастіе. Что видя Марія, начала меня разными образыми разговаривать, и спрашивала меня, о чемъ я такъ печалюсь? и неужели, говорила она, ты сумнѣваешся о горячей моей къ тебѣ любви? не мучь, любезный Монесъ, себя болѣе сими пустыми воображеніями, мы уже скоро прибудемъ въ Христіанскія земли, гдѣ

увѣнчаемъ свою любовь наилучшимъ концемъ. Хотя сіи слова нѣсколько и умалили мою печаль; но сердце мое не могло быть спокойно. Я почти всю ночь просидѣлъ въ задумчивости, смотря на дражайшую мою Марію спящую спокойно, и воображая ея прелѣсти и играющій румянецъ, въ самомъ крѣпкомъ снѣ, плакалъ не утѣшно, что таковыми безпримѣрными прелестями надежды лишаюсь владѣть; ибо сердце мое то предвѣщало. А какъ скоро Марія открыла очи; то отерши лице орошенное слезами, подошелъ ко мнѣ и цѣловалъ ея руки. Она видя глаза мои заплаканными, пришла въ смятеніе и спрашивала причины. Дражайшая Марія! говорилъ я ей, ни какъ злобный рокъ насъ гнать не престанетъ, сердце мое въ томъ меня увѣряетъ. Нѣтъ любезный Монесъ! прервала рѣчь мою Марія, не безпокойся такими мыслями: насъ теперь ни что съ тобою разлучить не можетъ, развѣ единая смерть; о и та едва ли въ состояніи будетъ сіе учинить. Я безъ тебя ни когда на семъ свѣтѣ жить не буду, и охотно послѣдую за тобою во гробъ; перестань дражайшій печалится, мы теперь должны благодарить судьбу, что находимся вмѣстѣ, и будемъ ожидать щастливыхъ для насъ дней, они скоро послѣдуютъ. Тутъ вошла къ намъ Емилія и говорила, что кормщикъ возвѣщаетъ скорое прибытіе въ земли Христіанскія, и для того, говорила она, я васъ пришла о семъ увѣдомить и поздравить

поздравить съ наступающимъ днемъ, по томъ вошелъ и Аметъ, подтвердя Емилины рѣчи, и они казались всѣ быть веселы и спокойны, одинъ только я чувствовалъ содроганіе сердца, и ни наминуту не могъ быть спокоенъ. Хотя Марія съ Емиліею сколько меня ни уговаривали, но я ни какого облехченія сердцу своему отъ того не получалъ. И такъ когда мы находились всѣ вмѣстѣ; выключая Амета: ибо онъ по большой части стоялъ на палубѣ, и ожидалъ приближенія къ щасливому нашему пристанищу. Онъ спустя нѣсколько часовъ вошелъ къ намъ въ великомъ смятеніи, На лицѣ его начертанъ былъ великой страхъ и ужасъ, и почти не могъ промолвить ни единаго слова. Мы увидя его въ такомъ положеніи, пришли всѣ въ робость, и не знали, къ чемубъ приписать такую перемѣну приключившуюся чрезъ одну четверть часа. Емилія бросилась къ нему на шею испуская вопль, и спрашивала причины такой его перемѣны. Онъ опамятовавшись, вскричалъ: мы погибли! сильно вооруженный корабль гонится за нами на всѣхъ парусахъ; и я не сумнѣваюсь, что это за нами погонь изъ Марокка. Я услышавъ такую вѣдомость, ни мало не испугался, по тому что уже и прежде къ тому себя предуготовилъ. Но дражайшая Марія, упала въ обморокъ. Я просилъ Емилію имѣть о ней попеченіе; а самъ съ Аметомъ пошелъ на палубу удостовѣриться, точно ли тотъ корабль былъ

былъ Ма рокской: но лишъ только взглянулъ; то и узналъ, что это за мной погоня. Сошедши съ палубы во внутрь корабля, усильно просилъ, чтобъ защищались отъ нападенія непріятелей, которые отъ насъ не болѣе отстояли какъ на пушечной выстрѣлъ. Всѣ охотно соглашались, не знавши при томъ что корабль гонится, дабы меня взять; а думали, что онъ разбойнической. А какъ непріятель по насъ выстрѣлилъ и выставилъ флагъ; то хозяинъ не приказалъ чинить сопротивленія, и остановился на якорѣ. Я сколько моими прозьбами ни умилостивлялъ, дабы вступили въ сраженіе; но никто меня не слушалъ. Одинъ только Аметъ готовъ былъ за меня положить свой животъ. Но какъ намъ можно было сражаться противу двухъ тысячь человѣкъ? и я принужденъ былъ добровольно отдаться, только просилъ Амета, дабы онъ не объявлялъ себя моимъ сообщникомъ; а отвезъ бы свою Емилію въ безопасное мѣсто. Пріѣзжалъ въ Мароккъ одинъ освѣдомиться, что со мною воспослѣдуетъ; а послѣ увѣдомить о томъ моего родителя, что я погибъ въ Мароккѣ: но онъ ни какъ не хотѣлъ меня оставить, и проливая слѣзы говорилъ: любезный другъ! не ужели ты меня почитаешъ за измѣнника и злодѣя, что не хочешъ чтобъ я за тобою слѣдовалъ? и не ужели ты не помнишъ той клятвы, дабы другъ друга въ нещастіяхъ не оставлять? нѣтъ я всюды за тобою буду

буду слѣдовать. Однако я его убѣдилъ своими представленїями; дабы онъ не вдавался добровольно въ опасность. Какаяжъ изъ того будетъ выгода, (говорилъ я ему) когда мы оба погибнемъ, а дражайшїя особы наши будутъ на вѣки заключены въ сералѣ? такъ лучше одинъ я сїе претерплю: а ты будучи свободнымъ постарайся, заклинаю тебя именемъ дружества, и схитить, когда будетъ можно, изъ сераля мою Марїю, и доставь ее къ сокрушающемуся по ней ея родителю. А ежели я останусь живъ; то не лучше ли тебѣ будетъ исходатайствовать мнѣ прощенїе чрезъ Ругду, которая, какъ я думаю, помнитъ мои благодѣянїя, какїя я ей оказалъ. Аметъ выслушавъ охотно мою рѣчь, на представленїя мои согласился. Я обнявши его говорилъ: прости любезный другъ! можетъ быть, въ послѣднїй разъ тебя вижу, и можетъ быть ты уже не застанешъ меня живаго въ Мароккѣ, и прошу тебя, чтобъ ты устоялъ въ моей прозьбѣ, которая уже тебѣ извѣстна. И такъ когда мы прощались и проливали слезы; то шлюбки уже стояли подлѣ нашего корабля, съ которыхъ вошли на корабль нѣсколько вооруженныхъ солдатъ и съ ними главный надзиратель садовъ: онъ требовалъ преступниковъ; но хозяинъ не зналъ, что и отвѣчать. Онъ спрашивалъ: какъ тѣмъ преступникамъ имена? а какъ надзиратель увѣдомилъ его о оныхъ; то онъ сказалъ

сказалъ ему, что таковыхъ у него на кораблѣ со всемъ нѣтъ: ибо какъ я, такъ и Марія перемѣнили себѣ имена.

Тогда надзиратель разсердясь гнѣвнымъ сказалъ голосомъ: а когда ты не хочешъ ихъ добровольно отдать; то принужденъ будешъ къ тому силою. Хозяинъ отъ сихъ словъ весь оцѣпенелъ и не могъ промолвить ни единаго слова, опасаясь, дабы не лишиться всего своего имѣнія. Однако опамятовавшись просилъ надзирателя пересмотрѣть всѣхъ бывшихъ на короблѣ. Можетъ быть, говорилъ онъ, что тѣ люди перемѣнили себѣ имена.

Тогда надзиратель послалъ одного евнуха, которой меня совершенно зналъ осмотрѣть всѣ каюты. Хотя я въ то время и былъ переодѣтъ въ европейское платье; однако тотъ евнухъ меня узналъ, и приказалъ отвести къ надзирателю, а самъ пошелъ искать Марію Нашедши же ее въ объятіяхъ Емиліи, онъ безчеловѣчнымъ образомъ оттолкнулъ Емилію, и схватя Марію, отвелъ на шлюбку. Она видя меня скованнаго, упала безчувственна; но я въ то время былъ внѣ себя, и не помню, какъ шлюбка отъѣхала; а только увидѣлъ себя уже на кораблѣ Марокскомъ обложеннаго тяжкими цѣпями. Много кратно я спрашивалъ про Марію: но тѣ злодѣи не хотѣли со мною и говорить, Хотя прежде отъ единаго моего взгляда всѣ дрожали. Одинъ только изъ нихъ сыскался доброй человѣкъ, котораго я спасъ отъ

отъ виселицы, когда еще былъ въ Марокке главнымъ министромъ. Онъ пришедши ко мнѣ и видя одного, сталъ меня уговорить, дабы я не отчаявался, и представлялъ мнѣ милости Малла Магомета, и что онъ, можетъ быть, меня проститъ и возведетъ на прежнїй степень достоинства. Но меня все, сїе ни мало не утѣшало; а только спросилъ я его, въ какомъ положенїи находится Марїя. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ: что она въ другой каютѣ безъ оковъ. Сїе меня нѣсколько обрадовало, потомъ просилъ я его сказать, какимъ образомъ узнали о нашемъ побѣгѣ? но онъ мнѣ о семъ не могъ ни чего сказать, по тому что и самъ того не зналъ.

И такъ мы прибыли чрезъ два дни обратно въ Мароккъ и когда меня вывели изъ корабля, то и повели обложеннаго оковами предъ султана. Я осматривался нѣсколько разъ назадъ, не увижу ли Марїи; но нѣтъ! она была въ то время еще на кораблѣ, и ожидала отъ государя другихъ повелѣнїй.

На конецъ привели меня во дворецъ и когда Малла Магометъ меня увидѣлъ; то гнѣвнымъ закричалъ голосомъ ахъ проклятой обманщикъ! такъ ли ты платишъ за мои благодѣянїя? ахъ! напрасно мы вамъ своимъ злодѣямъ великую милость оказываемъ: вы добра ни когда не знаете, погибнешъ! злодѣй строжайшая смерть тебя ожидаетъ, прочь съ очей моихъ продерзкой! По томъ приказалъ меня въ крѣпчайшую тем-

темницу совмѣстно съ Марїею заключить.

Бѣдная Марїя еще не знала, что съ нею воспослѣдуетъ. Какъ пришли къ ней солдаты, выведя ее изъ корабля, возложили и на меня оковы, такъ и повели въ тюрьму сказывая, что то дѣлали по приказанїю Его Величества.

Въ коль великомъ отчаянїи находился я, будучи въ темную темницу заключенный, и съ дражайшею Марїею надежды лишеннымъ видѣться. Въ такихъ находясь сѣтованїяхъ, увидѣлъ отворившїяся темничныя двери: въ коль большую пришелъ я радость, увидя Марїю предъ глаза мои представленную. Я бросился къ ея ногамъ, теплыми оныя орошая слѣзами; по томъ горько вздохнувъ; вскричалъ: ахъ дражайшая Марїя! сїе мрачное мѣсто намъ судьба опредѣлила: того ли мы отъ небесъ ожидали, чтобъ сїя темница была сочетанїя нашего храмомъ? о нещастнѣйшїй я человѣкъ! въ какихъ горестяхъ погруженнымъ быть опредѣлило мнѣ небо! ахъ дражайшая Марїя! я всего нещастїя вашего причиною, что изхитилъ васъ изъ рукъ родителя; но сїе уже не возвратно. Лучше бы я оставилъ васъ въ спокойствѣ въ государевомъ дворцѣ, не лаская мыслей вашихъ любовными представленїями, не претерпѣли бы вы столь строгаго заключенїя, въ которомъ вы нынѣ обрѣтаетесь.

Тогда со слѣзами смѣшеннымъ мнѣ

мнѣ Марія отвѣтствовала голосомъ. Ахъ любезный Моисеъ! тысячекратно мнѣ милѣе сіе жилище нещастныхъ, когда ты со мною обитаешъ; нежели государевъ дворецъ, въ которомъ сердце мое по всеминутно объ отсудствіи твоемъ ныло. Тщетно не укоряй судьбы, твоими жалобами, дабы ее не раздражать больше; ни кто произволеніямъ ея противиться не можетъ, и ни какая часть натуры изъ глазъ ея скрыться не можетъ. Снеси терпѣливо сей фортуны ударъ, коимъ она отягощаетъ твое сердце и мое безпрестанно угнѣтаты не престаетъ; а вось либо рокъ правымъ глазомъ на насъ посмотритъ, и мы въ то время щастливыми будемъ, когда того и надѣяться не станемъ: любовь будетъ подкрѣплять наши сердца, и другъ другу въ терпѣливости подражать станемъ. Ахъ дражайшая Марія! перехватилъ я ея рѣчь, доколѣ же мнѣ терпѣть гнѣвъ рока. И такъ многочисленными ударами онъ поражалъ мое сердце, но оное есть всѣхъ чувствительнѣе, что меня причиною вашего заключенія сдѣлалъ. Пусть бы я одинъ былъ въ несноснѣйшей бѣдѣ, тяжкими мученіями удручаемъ, только бы вы были счастливы: но кольми паче чувствительнѣйшее для меня ваше злополучіе, когда оное зрю собственными своими глазами. Смерть мнѣ ни мало не страшна; но воображеніе того, что вы по причинѣ

причинѣ моего неразумія жизнь вашу потеряли, и сїе то самое сердце мое въ трепетъ приводитъ.

Марія видя меня въ таковыхъ сѣтованїяхъ, говорила мнѣ: полно такими безполезными воображенїями сердце твое тревожить мой любезной! сокрушенїе духа твоего не можетъ того отвратить что намъ небо опредѣлило; и съ Ашефоиа многїе въ домы свои возвращаются, и получаютъ ту жизнь, въ которой увидя своего палача, со всемъ было отчаялись. Ежели меня любишъ, продолжала она, то перестань сѣтовать и безполезными безпокойствами изнурять твое сердце; я уже вамъ сказала, что я то за вящшее щастїе почитаю, что съ тобою въ одномъ мѣстѣ пребывать мнѣ рокъ опредѣлилъ. Тюрьма только страшна виновнымъ; а безвинные и въ ней удовольствїе свое находятъ.

И такъ когда мы другъ друга утѣшали; то услышали чрезъ деревянную стѣну стукъ цѣпей; я сперва чрезвычайно испугалась: а какъ я примѣтилъ отъ насъ въ оную входъ, то и захотѣлъ посмотрѣть, кто такой нещастной въ сей темницѣ обитаетъ? отворя дверь увидѣлъ оковами обложеннаго молодаго человѣка, по щекамъ коего текли ручьями слѣзы. Приближась къ нему просилъ я учтивымъ образомъ извиненія, что можетъ быть, прервалъ теченїе его мыслямъ. однако говорилъ ему: я примѣчаю, что вы такъ же нещастны какъ и

и мы, и при томъ, можетъ быть, еще и невинны; то надѣюсь, что вы мнѣ простите мою дерзость, ежели васъ смѣю спросить, такъ, какъ я примѣчаю, что вы не здѣшній уроженецъ, кто вы таковы, и гдѣ ваше отечество? тогда онъ вздохнувши мнѣ отвѣтствовалъ: государь мой, я природной Французъ. Слово Французъ, привело меня въ восторгъ, и я подбѣжавши къ моему единоземцу и обоймя его поцѣловалъ, а по томъ вмѣстѣ съ нимъ и заплакалъ. Марія услыша нашъ вопль взошла къ намъ, и узнавъ причину онаго, была соучастницею нашихъ слезъ.

И такъ когда мы нѣсколько поуспокоились; то спросилъ я моего одноземца: знаетъ ли онъ въ Парижѣ Фамилію М: и когда онъ сказалъ, что знаетъ; то спросилъ его, какъ о моихъ такъ и о Маріиномъ родителяхъ; а какъ онъ желанія наши удовольствовавъ, разсказалъ что всѣ они живы только крайне сокрушаются о потерѣ любезныхъ для нихъ дѣтей, которыхъ не надѣются болѣе ни когда видѣть; по томъ онъ со своей стороны просилъ насъ, чтобъ мы приняли его въ свое дружество, и раздѣляли бы съ нимъ наши нещастія. Мы за великое себѣ щастіе почитали имѣть въ дружествѣ такого человѣка, которой намъ казался весьма добросердечнымъ. Послѣ сего просилъ я, дабы онъ разсказалъ намъ, какимъ случаемъ попался въ проклятой Мароккѣ? онъ на предложеніе

мое охотно согласился и началъ разсказывать такимъ образомъ.

Я рожденъ въ Парижѣ отъ знатныхъ родителей; и былъ воспитываемъ совершенно хорошо, такъ что не было ни одного такого, которой бы меня презиралъ, и либо не хотѣлъ со мною говорить; словомъ: меня всѣ любили и почитали. А какъ лишъ только мнѣ исполнилось двадцать лѣтъ, то я лишился моего родителя, матери же своей со всемъ не помню, ибо она вскорѣ послѣ моего рожденія скончалась. Смерть родителя моего стоила мнѣ не малыхъ слезъ; а какъ онъ скончался въ Парижѣ то я оной и за хотѣлъ оставить до времени. И такъ вступя въ наслѣдство, и разпорядя мои доходы, оставя Парижъ отправился въ замокъ за пятнатцать миль отъ столицы отстоящій, въ которомъ все лѣтнее время желалъ препроводить. Сей замокъ такъ мнѣ по нравился, что я ни когда не хотѣлъ его оставить. Съ одной стороны протѣкаетъ чистая рѣка, съ другой окружаютъ его зеленѣющіяся луга усажденныя деревьями; представляютъ взору все, что натура имѣетъ прелестнаго въ простотѣ своей. И такъ въономъ препроводилъ лѣто съ великимъ удовольствіемъ. А какъ настала осѣнь, то и показалось въ томъ замкѣ жить весьма скучно, потому что не могъ болѣе видѣть тѣхъ зеленѣющихся луговъ, которыми мои гла-

слаза плѣнялись. Прозрачныя рѣки покрыты стали льдомъ; листья на древахъ поблекли; безпокойные вѣтры начали дуть нестоль прїятно, какъ среди лѣта: словомъ я находилъ всюды скуку, и для того отправился въ Парижъ; куда прибывъ первое мое было старанїе убрать мой домъ великолѣпно. Гульбища и оперы были первымъ для меня увеселенїемъ, и рѣдкой день проходилъ, чтобъ мнѣ въ десяти мѣстахъ не быть; а временемъ приглашалъ своихъ друзей и къ себѣ. Въ одинъ день случилось мнѣ быть у Графа Н: я думаю вы знаете сего знаменитаго и почтеннаго мужа? онъ еще и нынѣ при дворѣ первымъ министромъ. И такъ когда всѣ вошли въ пиршественную залу, столъ былъ достоинъ великолѣпїя хозяинова, просили такъ же и меня сѣсть за оной, хотя я и отговаривался, ибо отозванъ былъ въ другое мѣсто. А какъ въ тотъ день было графской дочери Елизаветы рожденїе, то и не хотѣлъ обидѣть моимъ отзывомъ Графа.

И такъ когда сѣли за столъ, то въ тожъ время, вошла и Елизавета, и принимала отъ всѣхъ поздравленїи. Она сѣла возлѣ своего родителя; а по другую сторону стола случилось мнѣ занять мѣсто противъ Елизаветы. Едва я только могъ взглянуть на сїю безпримѣрную красавицу; то выступилъ на лицѣ моемъ румянецъ, и я потупилъ глаза свои. Взоръ испущенный изъ глазъ

глазъ моихъ встрѣтился съ ея глазами. Сія пріятная внезапность смѣшенная съ удивленіемъ, привела меня въ смущеніе. Я опять на нее взглянулъ, и остановя зрѣніе свое, не могъ его отъ нее отвратить. Но это была одна невольная дань приносимая красотѣ ея, сердце мое тогда не имѣло въ томъ ни какого участія! и было столькожъ смущенно, какъ и я Елизавета смотрѣла на меня. По окончаніи стола надлежало ей подносить кубокъ съ виномъ всѣмъ гостямъ, и просить, дабы пили за ея здоровье: и какъ поднесла мнѣ; то рука моя прикоснулась рукѣ ея, и повосхищенію коимъ я овладѣть не могъ, оную сжалъ и принималъ медлительно кубокъ; но мнѣ казалось, что она медлительнѣе мнѣ оной подавала; ахъ! что мы стали въ ту минуту? какъ то изобразить, чего понять не можно? мы были примѣчены. Графъ кинулъ на нее строгій взоръ, отъ коего она задрожала, и привелъ ее въ совершенное смятеніе. Я въ то время столько былъ восхищенъ, что того не примѣтилъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей меня въ томъ предостерегъ. Я возчувствовалъ свою неосторожность такъ, какъ человѣкъ пробуждающійся при краѣ глубокой пропасти, но не имѣлъ силы въ томъ разкаяться: и нѣсколько минутъ былъ безсловесенъ. Однако опамятовавшись, и примѣтя гостей разъѣзжающихся и не видя болѣе своего возлюбленнаго предмѣта, по благодарилъ Графа и отправился въ свой домъ, что было весьма

весьма уже поздо вечера. Я легъ на постелю, Морфей затворилъ мои очи; легкой и спокойной сонъ воображалъ мнѣ денныя приключенія: я видѣлъ ихъ въ порядкѣ послѣдующихъ одни за другими или лучше сказать, я ни чего не видалъ кромѣ одной Елизаветы. Ея смущеніе, ея стыдъ, ея прелести начартывались въ умѣ моемъ живѣе, нежели представилось глазамъ моимъ; это не мечтаніе говорилъ я, это подлинность. Я съ нею говорю; слушаю ее съ удовольствіемъ. Все меня удивляетъ, однако сонъ льститъ. Я спрашивалъ у себя причины такого дѣйствія; но и той не находилъ. Я переставалъ оныя искать; и не зная точно, чему я вдавался, опять впускался въ движенія, кои меня прельстили, кои пріемлютъ мое сердце, кои здѣлались ему природны, кои становились ему нужны.

Между тѣмъ ночь оканчивалась, заря разсыпая мракъ ея, возвѣщала натурѣ возвращеніе солнца. Я поспѣшно одѣлся, и сѣвши въ карету, поѣхалъ къ Графу, ибо и надругой день всѣ гости приглашены были. Пріѣхавши на дворъ, извѣстился, что Графъ поѣхалъ во дворецъ. Я не терпѣливо желая его дождаться, и засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и по благодарить его за угощеніе; пошелъ въ его прекрасно расположенной садъ. Проходя одну алею, увидѣлъ прогуливающуюся Елизавету. Я увѣренъ былъ, что она одна, подбѣжалъ къ ней и говорилъ: Это ты дражайшая Елизавета?

Елизавета? но она хотела отъ меня уйти, не ответствуя ни чего. Я ее удержалъ за ея одежду, и хотелъ поцеловать ея руку. Несторъ, вскричала она: (ибо я симъ именемъ называюсь) ты меня держалъ? сколь ты различенъ съ темъ, что былъ вчера! ты былъ скромен, стыдливъ: ты несмелъ взглянуть на меня. Между темъ, какъ она говорила, я держалъ руку ея въ рукахъ своихъ. Я сжимая ее целовалъ, и омочилъ своими слезами, увы! говорилъ я ей, воздыхая: я плачу очень дорого минуту за то, что я васъ вижу. Но какъ для меня чувствительно, что вами владеть не могу, какъ по вашей ко мне суровости, такъ и познатности вашего родителя. Это не причина, сказала она; и вырвавшись побежала въ другую сторону.

Я услыша шумъ листьевъ, не смелъ за нею гнаться; это мой другъ шелъ ко мне изъ за кустовъ. Онъ заехавши по меня, и не заставъ дома, не сумневался, чтобъ я не былъ въ томъ месте, где былъ вчера. Можно ли? говорилъ онъ, движенїе листочковъ тебя пужаетъ! это очень мала причина покинуть любовницу, съ которою, можетъ быть, редко удастся тебе видеться. Раздели мою радость, говорилъ я ему, Елизавета какъ я примечаю, меня любитъ! помоги мне ее сыскать: можетъ быть она еще въ саду. Нетъ! нетъ, сказалъ: твое дело, безпокоиться и любить; а мое дело гулять: я оставляю тебя съ лучшимъ

омощникомъ любовію. По семъ онъ меня оставилъ. Я пробѣжалъ всѣ дороги всѣ алеи. Я останавливался, прикладывалъ ухо; но не слышалъ ни чего. Я кликалъ Елизавету, она мнѣ не отвѣчала; я о семъ безпокоился и грустилъ. Однако спустя нѣсколько минутъ я ее увидѣлъ; можно ли того не сыскать, кого любишъ? она мнѣ говорила, чтобъ я ее оставилъ; и обѣщала меня видѣть на другой день въ маскерадѣ, сказавъ при томъ, въ какой она будетъ маскѣ и платьѣ;: но сіе завтре, казалось мнѣ отдаленно. На конецъ она опять отъ взоровъ моихъ скрылась. Я ее обвинялъ, но старался тотъ же часъ и оправдать, и говорилъ самъ себѣ: она не знаетъ, что я такъ печалюсь, и грущу объ ея отсутствіи. Она не знаетъ, повторилъ я, что такое завтре? не должна ли она себѣ то вообразить?

На конецъ по многимъ жалобамъ и безполезномъ исканіи, я думалъ, что она ушла въ покои, Но въ томъ обманывался, ибо она послѣ то мнѣ сама сказывала, что боясь меня, боясь самой себя, она имѣла силу воспротивиться. Что любовь стѣнала въ ея сердцѣ, и что она сама отъ того стѣнала; и что безъ одной изъ ея служанокъ, которая къ ней пришла, она бы, можетъ быть, не въ силахъ была преодолѣть удовольствія дать себя найти. Любовь! естьли то правда, что ты воспламеняешъ сердца только для того, чтобъ сдѣлать ихъ щастливыми, для чего предаешъ ты

тимъ ихъ боязни и предразсужденію?

И такъ вышелъ я вонъ изъ сада. Хотѣлъ было итти въ покои; но услышалъ, что еще Графъ не пріѣзжалъ, сѣлъ въ карету, и поѣхалъ домой, гдѣ препроводилъ весь тотъ день весьма безпокойно. Наступила ночь, въ которую я не могъ сомкнуть глазъ своихъ. Сонъ или боится, или почитаетъ любовниковъ. Онъ не знаетъ, что они предпочитаютъ дарамъ его обладающую ими задумчивость. Въ семъ состояніи душа плѣненная, восхищенная внѣ самой себя сообщаетъ тѣлу сладкую забывчивость, которая служитъ ему вмѣсто покоя. Сія слабость, сей восторгъ лучше чувствуется, нежели воображается.

Смятенный шумъ голосовъ возвѣстилъ мнѣ, что время уже вставать. Камердинеръ пришедши ко мнѣ подалъ письмо, сказывая, что получилъ его отъ неизвѣстнаго человѣка, которой не дождавшись ушолъ. Я взявши письмо трепещущими руками, не могъ долго его распечатать, размышляя, комубъ была такая причина писать ко мнѣ, не сказавъ о своемъ имени, отъ кого и кѣмъ оно прислано. Однако взявши оное и сорвалъ печать, читалъ въ немъ слѣдующія строки, которыя ни когда изъ памяти моей не выходятъ.

ДРАЖАЙШІЙ НЕСТОРЪ!

Я знаю теперешнее твое со-

состояніе, хотя тебя и не вижу. Ты, я думаю желуешся на мою суровость, что я тебя оставила. Ахъ! признаюсь тебѣ, что я для того сіе учинила, дабы пресѣчь токъ слезъ твоихъ; и дабы не подверженной быть тому самой скрылась. Скрылась! что я говорю? сіе меня и теперь мучитъ: извини, что я тебѣ причинила безпокойство, а можетъ быть и безсонницу: но знай, что и я тоже претерпѣла. Будьте осторожны въ своихъ восхищеніяхъ. Когда мы увидимся въ маскерадѣ, сіе для васъ и для меня весьма нужно.

ЕЛИЗАВЕТА.

Я хотѣлъ было на сіе письмо отвѣтствовать, но не зналъ, чрезъ когобъ мнѣ вручить Елизаветѣ мой отвѣтъ, ибо опасался, дабы не быть чрезъ то узнаннымъ отъ Графа, и не подать о себѣ худыхъ мыслей; а иначе вѣчно буду не щастливъ въ полученіи Елизаветы. Ибо, какъ я и теперь думаю, что ни когда Графъ не согласится за меня выдать своей дочери. Хотя меня всѣ любили и почитали, но сіе потому болѣе, что я имѣлъ великой капиталъ, въ прочемъ Графъ не искалъ себѣ зятя бога-

богатаго; а только такого, которой бы показалъ услуги своему отечеству, и имѣлъ бы все совершенство до чести касающееся. Разсуждая такимъ образомъ, отложилъ писать къ Елизаветѣ; а ожидалъ не терпѣливо скончанія дня. На конецъ, то щастливое для меня время настало; и я, какъ можно, одѣвшись великолѣпнѣе, сѣвши въ карету, поѣхалъ въ маскерадъ. Куда прибывъ, первое мое было стараніе видѣть скорѣй Елизавету. Ходя взадъ и впередъ по залѣ, и не находя дражайшей Елизаветы, пришелъ въ необычайной страхъ; укорялъ ее въ медленіи. Такимъ образомъ обойдя всѣ комнаты, встрѣтился съ одною маскою, которая казалась быть точно та въ какой надлежало быть Елизаветѣ; но посмотря на платье, узналъ, что это была другая особа.

Прошелъ уже слишкомъ часъ; но я не могъ еще видѣть Елизаветы, и совсѣмъ было отчаялся ее найти. Однако пошелъ опять по залѣ; увидѣлъ ее прохаживающуюся и на всѣ стороны озирающуюся; пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ она остановилась. Приближась къ ней, разсматривалъ всѣ ея примѣты, по которымъ мнѣ надлежало ее найти, вѣистиннѣ не обманувшись, что это была точно Елизавета. Но она со всемъ на меня не смотрѣла; изъ чего я и заключилъ, что она меня не узнаетъ, ибо я не сказался, въ какомъ буду платьѣ. Подошедши же къ ней весьма близко, говорилъ на Италіанскомъ языкѣ: не

не уже ли я столько не щастливъ, что на меня и смотрѣть не хотятъ тѣ, за которыхъ я жизнь окончить въ состоянiи? Или злобная фортуна начинаетъ мнѣ завидовать въ томъ, въ чемъ въ недавномъ времени былъ столько щастливъ, получа своеручное начертанiе отъ возлюбленнаго мнѣ на свѣтѣ предмѣта?

Елизавета выслушавъ мои жалобы, и обернясь ко мнѣ, говорила на томъ же языкѣ: ахъ! это ты дражайшiй Несторъ увы! я лишилась было надежды тебя видѣть; но теперь сколько я щастлива, что васъ нахожу въ такомъ мѣстѣ гдѣ удобно можемъ обьясниться въ томъ мученiи, которое съ обоихъ сторонъ претерпѣваемъ.

Къ великому моему щастiю Елизавета въ то время находилась одна въ маскерадѣ, и слѣдовательно мы могли говорить безъ помѣшательства. И такъ взявши я ее за руку, повелъ въ другой покой, гдѣ не столько было многолюдно; и сѣвши на канопе, начали говорить то, что любовь внушала нашимъ сердцамъ. Я предложилъ ей, какимъ она образомъ думаетъ, чтобъ намъ соединиться законнымъ бракомъ, и достойнымъ я ей кажусь? Она не улыбнувшись мнѣ отвѣтствовала; ахъ Несторъ! нѣтъ такого человѣка, котораго бъ я могла любить больше, нежели васъ; и кленусь въ томъ моею честiю, что любить васъ не престану до гроба. Чтожъ касается до вашего предложенiя, какимъ образомъ мы

мы можемъ, не нарушая чести, другъ другомъ обладать; то ищите случая сами привести къ окончанію нашу взаимную любовь. Я нѣжно цѣловалъ ея руки, и клялся ее любить до самой смерти. Вдругъ Елизавета вся отъ страху задрожала, и совсемъ перемѣнилась въ лицѣ. Я испугавшись, не зналъ что мнѣ начать. На такое позорище стеклось довольное число обоего пола людей, и всякой изъ нихъ хотѣлъ ей подать помощь: потомъ я увидѣлъ прямо на меня идущаго съ обнаженною шпагою Графа. Онъ вскричалъ: злодѣй! умрешъ отъ руки моей. Ты хотѣлъ прельстить своимъ приманчивымъ лицемъ дочь мою! ты хотѣлъ лишить ее чести извергъ! и со всемъ было замахнулся, дабы мнѣ однимъ ударомъ снесть голову; но зрители не допустя его свершить сего злодѣйства, удержали руку; а меня вывели вонъ, совѣтуя, ѣхать домой. Я оглянувшись увидѣлъ, что четыре человѣка несли дражайшую Елизавету безчувственну до кареты. О! несчастливѣйшій я человѣкъ, говорилъ я себѣ; что мнѣ милѣе всего на свѣтѣ, то отъ меня похищаютъ! могу ли перенести толикую скорбь, сердце мое въ пепелъ пожигающую? въ таковыхъ находяся волненіяхъ, сѣлъ въ карету и приказалъ отвезти себя домой. Раздѣвшись бросился на постелю въ крайнемъ отчаяніи, отъ чего ко мнѣ пристала весьма сильная горячка, такъ что и самые искусные медики о жизни моей сомнѣвались. Одна-

однако по неусыпному ихъ обо мнѣ попеченію, чрезъ три недѣли я нѣсколько сталъ оправляться, только предписано мнѣ было, дабы до тѣхъ поръ не выѣзжалъ, пока совершенно получу прежнія мои силы.

Мучась денно и нощно о дражайшей Елизаветѣ, писалъ я къ моему другу, на коего вѣрность надѣяться могъ, дабы онъ постарался развѣдать, въ какомъ состояніи Елизавета пребываетъ; въ чемъ и получилъ удовольствіе. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ на другой же день, и увѣдомилъ меня, что Графъ намѣренъ выдать дочь свою то же лѣто за канцлера М: и что онъ за нею строжайше надсматриваетъ, и безъ себя ни въ одно мѣсто ее не пускаетъ.

Сіе меня чрезвычайно опечалило, и я расположился, чего бы то мнѣ ни стоило, видѣться съ Елизаветою, хотя бы съ потеряніемъ и самой жизни. И такъ распрощавшись съ моимъ другомъ, пошелъ пѣшкомъ съ двора, дабы пройти мимо графскаго дому. Лишъ только я поравнялся противъ воротъ, то и увидѣлъ вышедшую со двора старуху. Я ей далъ нѣсколько отойти, а потомъ остановилъ и спрашивалъ, какую она должность исправляетъ въ Графскомъ домѣ? а какъ она мнѣ сказала, что Графинина мамушка; то я усильно просилъ дабы она постаралась доставить свободной входъ къ Елизаветѣ, переговорить только нѣсколько словъ; она сперва про то и слушать не хотѣла; а какъ я ей

ей подарилъ десятковъ пять червонныхъ; то она мало по малу начала склоняться на мое предложеніе. Я подарилъ еще ей съ руки перстень, то она совершенно склонилась, только совѣтовала мнѣ переодѣться въ женское платье, и дождавшись ночи явиться на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ее видѣлъ.

Радуясь такому не ожидаемому случаю пришелъ я домой, и не терпѣливо желалъ окончанія дня; и лишъ только исполнилось одиннатцать часовъ, то я одѣвшись въ женское платье, пошелъ къ графскому дому не взявъ съ собою ни кого. Пришедши туда, гдѣ уже ожидала меня та старушка, которая обѣщалась меня ввести къ графинѣ. Я подаря еще ей нѣсколько золотыхъ, просилъ, чтобъ она въ данномъ мнѣ словѣ устояла, въ чемъ она и не отказала, и велѣла мнѣ слѣдовать за собою: и такъ когда мы вошли въ переднюю спальни графининой въ то время Елизавета уже опочивала; ибо она со всемъ моего къ ней приходу не знала, и для того мамушка ея совѣтовала мнѣ итти домой, и обѣщалась на другой день поранѣе меня представить. Я просилъ тое старушку, чтобъ покрайнѣй мѣрѣ дозволила мнѣ хотя на нее посмотрѣть; на что и получилъ позволеніе. Вошедши въ спальню увидѣлъ Елизавету лежащую въ одной только рубашкѣ. Русые длинные ея волосы по бѣлымъ подушкамъ распространенные, бѣлое лице на подобіе мѣлей, потомъ

потомЪ орошенное, на ясной рубинЪ пахожіе уста, и алебастровая грудь тонкою кисеею накрытая, глазамЪ моимЪ представляли удивительнѣйшее вЪ свѣтѣ позорище. Я стоялЪ внѣ себя удивлясь толь совершеннымЪ прелестямЪ. Смотря такимЪ образомЪ боялся и пошевелиться, чтобЪ не разбудить сей богини красотЪ, и дабы за такую мою смѣлость не озлобилась, на конецЪ не могши удержать рвущееся мое сердце, поцѣловалЪ прекрасную ногу Елизаветы которая тогда изЪ подЪ простыни, коею она была одѣта, уволилась.

Елизавета вдругЪ отЪ сна воспрянувши и увидя меня вЪ своей спальнѣ, вЪ толь вольномЪ снѣ ее заставшаго, весьма помѣшалась, и вся спряталась подЪ простыню. ПотомЪ такЪ говорила мнѣ: АхЪ НесторЪ! дерзость ваша умеренности предѣлЪ превосходитЪ, и я стыжусь предЪ вами теперь и говорить.

Тогда я ставши на колѣни, просилЪ извиненія, вЪ содѣянномЪ мною проступкѣ, и вынувЪ кинжалЪ приставилЪ оной кЪ груди своей и говорилЪ на Италіанском языкѣ, дабы мама ея сего не понимала.

Дражайшая Елизавета! не откажите плѣннику прелестей вашихЪ просить вашей руки: но какЪ сдѣсь исполнится тому не-

льзя; что согласитесь со мною ѣхать въ Италію. въ противномъ случаѣ увидите меня у ногъ вашихъ поверженна мертва. Тогда Елизавета со мною не хотѣла до тѣхъ поръ говорить, пока не отдалъ я ей кинжала въ руки. И вмѣсто отвѣта начала она воздыхать и плакать, все слѣдствія предпріятія моего представлялись ея воображенію. Она дѣлала себѣ напередъ всѣ укоризны, которыя заслуживаетъ бѣгство столь дерзновенное и столь безстыдное. Симъ ты самъ говорила она, дражайшій Несторъ! будешъ первой порицать меня. Тогда говорилъ я ей: дражайшая Елизавета! я свидѣтельствуюсь небомъ, ручаюсь самъ собою, что естьлибъ добродѣтель, безъ которой самая нѣжнѣйшая любовь есть преступленіе, тому не сопротивлялась, не было бъ больше для меня счастія, какъ тебя любить и быть тобою любиммымъ; но чтожъ дѣлать? любовь то мнѣ повелѣваетъ, удалимся дражайшая! я стократно умереть соглашусь за малѣйшую обиду, естьли кто тебѣ осмѣлится причинить.

Я надѣясь, что ласки мои разсыплютъ сумнѣнія ея, ласки мои были безполезны: я воспоминалъ ей ея клятвы; она воспоминала ихъ сама; но для того чтобъ ими возгнушаться: я прибѣгалъ къ лѣсамъ къ моленіямъ, они служили только, чтобъ сдѣлаться ей не поколебимѣе. Въ безпорядкѣ, въ коемъ я былъ,

былъ, покушался употребить насиліе, но побудительная причина меня удерживала; я боялся раздражить ее. На конецъ по упорномъ сопротивленіи, и когда уже я отчаялся склонить ее, она подала мнѣ руку, я стократно лобызалъ ее орошая моими слезами. Потомъ говорила она мнѣ, чтобъ я былъ на другой же день готовъ къ отъѣзду употребя всѣ нужные къ тому способы сама обѣщалась быть въ готовности толькобъ я самъ за нею пришелъ. Я опять бросился предъ нею на колѣни и говорилъ: Ахъ дражайшая Елизавета! ты мнѣ жизнь даешъ; которая бы не долго продолжалась естьлибы ты въ моей прозьбѣ отказала! ахъ какіе на свѣтѣ являются случаи! Елизавета за мною слѣдуетъ! чѣмъ могу я достойно возблагодарить за толь безпримѣрное твое ко мнѣ снисхожденіе? не знаю. Извини дражайшая моя, что не могу изъяснить тѣхъ чувствій благодарности, какія сердце мое ощущаетъ.

И такъ простившись съ нею, сошелъ со двора тѣмъ же путемъ, которымъ и пришелъ; а когда прибылъ домой, то раздѣвшись легъ на постелю, и предался пріятностямъ сна, долгое уже время

онымъ не наслаждаясь. На другой день лишъ только успѣлъ одѣться, то и доложили мнѣ, что какая то женщина имѣетъ до меня крайнее дѣло. Я приказалъ ее къ себѣ впустить, и узналъ въ ней Елизаветину маму, которая, подавая мнѣ письмо, сказала притомъ что она всѣ наши тайности довольно знаетъ, и просила меня, дабы я отъ нее ни въ чемъ не таился. По благодаря ее за участіе, какое она въ нашемъ нещастіи пріемлетъ, подарилъ ей пять сотъ луидоровъ и просилъ, чтобъ она постаралась уговорить Елизавету, дабы она не премѣнила даннаго ею слова. Она принявши отъ меня подарокъ говорила, что въ состояніи на все отважиться. И такъ я развернія читалъ письмо, въ которомъ было написано: чтобъ я принялъ присланную маму какъ можно лучше, и чѣмъ бы нибудь подарилъ, ибо говорила она, иначе малое причиненное ей оскорбленіе сдѣлаетъ насъ навѣки нещастными; и чтобъ я не отлагалъ до другаго дни нашихъ намѣреній; въ противномъ случаѣ ни какимъ образомъ бѣжать будетъ не можно, потому что на другой день послѣдуетъ заговоръ съ канцлеромъ М: И такъ отпустя я маму самъ пошелъ тотъ же часъ на постоялой дворъ; и нанявши хорошую коляску съ четырьмя лошадьми, и приказалъ извощику быть въ готовности въ одиннатцать часовъ вечера: пришедши же обратно въ свой домъ, забравъ съ собою всѣ деньги и драгоцѣнные ка-

каменья, и подговорилъ ѣхать со мною стараго моего служителя, на котораго вѣрность надѣяться могъ. И такъ когда наступила мрачная ночь; то я одѣвшись въ дорожное платье, и взявши съ собою, такой же приборъ для Елизаветы и ея мамы, пошелъ со слугою на постоялой дворъ, гдѣ уже ожидала насъ запряженная коляска. Я сѣвши въ оную поѣхалъ къ заднимъ воротамъ графскаго дома, гдѣ уже мама меня дожидалась. Я отдалъ ей дорожное платье, дабы какъ Елизавета такъ и она въ оное переодѣлись, чтобъ не быть узнанными. Она взявши оное, поспѣшно пошла; и чрезъ четверть часа увидѣлъ я ихъ изъ воротъ вышедшихъ. Прискакавъ къ нимъ схватя Елизавету, посадилъ своими руками въ коляску; и лишъ всѣ сѣли, то и приказалъ я гнать лошадей во весь опоръ, направляя нашъ путь въ Тулонъ гдѣ хотѣлъ, нанявши корабль, отправиться въ Римъ.

И такъ я, сидя возлѣ Елизаветы, былъ пронзенъ любовїю, столь восхищенъ, веселъ, что забылъ все прошедшїя скорби и почиталъ счастїе свое избавленнымъ отъ всякихъ смущенїй. Лежа у ногъ Елизаветы и приклоня голову къ ея коленямъ предался самымъ сладостнѣйшимъ восхищенїямъ; изступленїе мое было мнѣ вмѣсто сна, сколько ночь тогда имѣла прелестей! сколько темнота ея потеряла и скрыла невинныхъ прїятностей!

Елизавета побольшой части сидѣла задумавшись, и какъ бы, казалось, раскаиваяся о своемъ побѣгѣ; однако мои слова прогнали ея скуку, и она на конецъ стала чувствовать тѣ же пріятности какими и я восхищался. И такъ ѣхали мы побольшой части малыми дорогами опасаясь погони, и чрезъ три дни прибыли благополучно къ пристани, гдѣ нашедши корабль готовый къ отъѣзду, и уговорившись съ хозяиномъ онаго за весьма сходную цѣну, и лишъ на оной, только взошли; то тотъ же часъ подняли парусы и пустились въ море. Море было тихо, и казалось, что мы неслись на крылахъ Зефировъ. На томъ караблѣ Елизавета была находима всѣми бывшими прекрасною! какъ она раждала желанія! и какъ я возбуждалъ во всѣхъ ревность! въ томъ же кораблѣ находился живописецъ ѣдущій въ Италію, чтобъ тамъ прославить самаго себя въ искусствѣ. Онъ просилъ позволенія у Елизаветы, списать ея образъ, на что они и согласились. Быстрота работы не отняла ни чего отъ произведенія совершенства, это была самая Елизавета; она дышетъ, она пріятствуетъ и плѣняетъ. Предметъ желаній всея Европы она всегда торжествовать будетъ надъ нею! какая льстящая мысль для любовника! я зрю славу ея! я ее раздѣляю съ нею; вскорѣ по противному всѣхъ движенію слава меня оскорбила, что превозносятъ Елизавету похвалами. Я

Я не могъ снести, чтобъ изображенїе ея досталось въ руки другихъ. Все то говорилъ я, что уподобляется Елизаветѣ: не должно принадлежать ни кому кромѣ меня.

Живописецъ примѣтилъ мое смущенїе потому, что онъ примѣтилъ прежде любовь мою съ Елизаветѣ, ибо пламя моей любви уже не было ни отъ кого сокровенно. Я знаю, сказалъ онъ мнѣ, всѣ нѣжности любовниковъ; я самъ любилъ, и для того вотъ изображенїе Елизаветино: владѣй имъ; я тебя онымъ дарю.

Уже матрозы увидя землю, наполняли воздухъ радостнымъ восхищенїемъ; уже нѣкоторые указывали высокїя башни города.

Здѣсь то, говорилъ я Елизаветѣ, мы соединимся священными узами, которыхъ ни кто на свѣтѣ разорвать не можетъ. Въ таковыхъ находясь восхищенїяхъ, вдругъ небо помрачилось; вѣтръ началъ сильно дуть; ужасная гроза поднялася; громъ гремелъ и молнїя сильно блистала; волны ревели, и мачты съ корабля позбило, и мы всѣ отъ страха попадали Молили небеса о утоленїи бурной стихїи.

Елизавета была непричастна боязни любовь занимала все ея сердце; она бросилась ко мнѣ въ объятїя. Я взираю на смерть безъ трепета, говорила она мнѣ; я ее достойна: сколь скоро, сколь строго нипослѣдуетъ наказанїе, оно всегда будетъ мало въ сравненїи съ моимъ пре-

преступленїемъ. Я умираю безъ ропта нїя; но разсуждай, до какой чрезвычайности люблю тебя, что умираю безъ раскаянїя. Несторъ! я жалѣю только объ одномъ тебѣ: подражай моему примѣру. Умремъ безробостно, умремъ любя другъ друга. Естьли прїятно жить съ тѣмъ, кого любишъ; прїятно съ тѣмъ и умереть. Ктожъ изобразить можетъ тогдашнее мое состоянїе? потоками слѣзы изъ глазъ моихъ проливались, и я не зналъ, какъ сему помочь.

Лишъ только буря начала утихать; то мы увидѣли за нами гнавшагося на всѣхъ парусахъ Марокскаго разбойника. Мы приготовились всѣ къ сраженїю, которое продолжалось около часа, и всѣ мачты съ нашего уже поврежденнаго корабля были непрїятелемъ позбиты, и мы начали уже уступать разбойнику; одинъ только я бѣгалъ, какъ разъяренный левъ, принуждая своею неустрашимостїю всѣхъ прочихъ, чтобъ сражались до самой капли крови; и хотѣлъ лучше жизнь потерять нежели добровольно здаться, страшась потерять за свою возлюбленную, съ которою я долженъ былъ разстаться.

Упрекалъ самъ себя, что изторгнулъ Елизавету изъ объятїй ея родителя, и просилъ у ней въ томъ прощенїя; но она гласа моего не слыхала, по причинѣ припадка, въ которомъ она во время сраженїя пребывала. Уже разбойники за нашъ корабль сцѣпившись и кораблемъ нашимъ совершенно овладѣвши, и перековавъ всѣхъ бывшихъ на ономъ, кото-

которые были не ранены, повлекли на свой корабль. Елизавета на тотъ часъ отъ обморока освободилась; и видя меня лежащаго за мертво бросилась на мое тѣло, обливая оное своими слезами. Разбойники увидя неописанной красоты Елизавету на моемъ тѣлѣ лежащую, взявши ее и повлекли на корабль, ахъ! сколько меня сїе поразило! я хватался за мою саблю; но силы мои были невъ состоянїи отвѣтствовать моимъ мыслямъ. Сїи варвары похитя мою Елизавету, и забравши все бывшее съ нашего корабля пустились въ море, оставя меня плавающаго въ крови. Вѣрной мой слуга при сраженїи былъ убитъ; мама Елизаветина такъ же, и осталось всѣхъ живыхъ на кораблѣ не болѣе пятинатцати человѣкъ. Капитанъ корабля хотя былъ и раненъ, однако ходить могъ Онъ крайнее обо мнѣ прилагалъ старанїе, перевязалъ мои раны, которыя были несмертельны и прикладывая къ онымъ пластырь, отъ чего они мало по малу начинали заживать, такъ что я уже могъ ходить. Безпрестанно сокрушаясь о моей потерѣ самъ себѣ говорилъ: ахъ дражайшая Елизавета! тебѣ прилично всѣмъ свѣтомъ повелѣвать; а мы у подлыхъ варваровъ находимся въ неволѣ. Ахъ! какъ снести мнѣ твое несчастїе, которое стократно меня болѣе, нежели самое тебя удручаетъ! тебѣ извѣстно великїй Боже! что любовь моя проистекаетъ изъ чистаго

чистаго источника. Такимъ образомъ когда происходило въ душѣ моей волненїе; а прочїе старались о починкѣ корабля, дабы какъ нибудь доѣхать до Гишпанїи, увидѣлъ я одного раненаго разбойника, которой почтенъ мертвымъ, и потому оставленъ былъ въ нашемъ кораблѣ. Я подошелъ къ нему; и видя его въ памяти, спрашивалъ: къ какому онъ государству принадлежитъ, и что будетъ съ моею Елизаветою? онъ мнѣ полумертвымъ отвѣчалъ голосомъ; что изъ Марокка, и ежели моя возлюбленная красавица, говорилъ онъ, то будетъ представлена предъ государя; и за которую главный начальникъ разбойниковъ получитъ великое себѣ награжденїе.

Сїи имъ выговоренныя слова привели меня въ безпамятство и великїй страхъ такъ, что упалъ я въ обморокъ. Однако помощїю спиртовъ былъ приведенъ въ память: и видя корабль уже на ходу, молилъ небеса, дабы намъ скорѣе доѣхать до какой нибудь гавани, гдѣ хотѣлъ нанявши корабль, отправиться въ Мароккъ, и во что бы мнѣ ни стало, изхитить изъ варварскихъ рукъ Елизавету. Прибывши благополучно въ Гишпанїю, хотѣлъ было искать корабля. Но Капитанъ видя меня еще не совсемъ оправившагося отъ моихъ ранъ, совѣтовалъ, чтобъ я нѣсколько времени пробылъ въ Мадритѣ. И такъ сѣвши мы съ нимъ въ нанятую карету, поѣхали къ его другу, которой насъ принялъ ве-

весьма ласково и крайне, сожалѣлъ о нашемъ нещастіи.

Къ великому моему щастію, деньги и драгоцѣнныя каменья, которыя я имѣлъ, остались цѣлы, нанялъ себѣ лѣкаря, которой совсемъ залѣчилъ мои раны. Я крайне сожалѣлъ, что не былъ взятъ разбойниками въ плѣнъ. Покрайней мѣрѣ, говорилъ я, хотя бы могъ съ возлюбленною Елизаветою претерѣвать вмѣстѣ несчастія.

И такъ будучи въ Мадритѣ, нашелъ я многихъ друзей; но они были не надобны, когда не было со мною дражайшей Елизаветы.

Въ одинъ день бывши я у одного члена парламента въ гостяхъ, къ которому принесли извѣстіе, что въ тотъ день прибылъ изъ Тании города, на берегахъ Марокскихъ лежащаго, рагозской корабль, Шкиперъ коего увѣдомляетъ, что братъ Донъ Моде, (такъ же членъ парламента) плѣненъ былъ разбойниками, и которой находился въ плѣну вмѣстѣ съ одною дѣвицею; и крайне о ней сожалѣетъ, ибо оная безпрестанно оплакивала свое нещастіе, причемъ воспоминала о дражайшемъ своемъ любовникѣ, Несторомъ называемомъ.

Я выслушавъ сію горестную для меня вѣдомость, немедленно побѣжалъ къ Донъ Моде; пришедши къ нему застадъ у него и его брата. Я распрашивалъ, какимъ образомъ онъ освободился отъ своего плѣна? которой увѣдомилъ меня, что

что корабль, на которомъ онъ находился, прибывъ въ Мароккъ, и переносся свои пожитки, которые отнимали отъ всѣхъ проѣзжающихъ, такъ же и одну дѣвицу погруженную въ слезахъ отведя, какъ они сказали, въ государевъ сералъ. Возвратясь же обратно на корабль пустились въ море для своей добычи; яжъ остался на ономъ матрозомъ.

Наконецъ мы попались Французамъ, которые тогда вели войну съ Алжирцами. Оные почитая насъ за разбойниковъ, напали на нашъ корабль, и перевязавши всѣхъ бывшихъ, выключая меня: ибо я сказался, кто я таковъ. Они узнавши, что я Христїанинъ, отвезя меня къ берегу, и дали мнѣ абитъ, съ которымъ я и возвратился въ свое отечество.

И такъ когда онъ окончилъ свою рѣчь; то я спросилъ у него, съ какою онъ дѣвицею, былъ на одномъ кораблѣ, которая воспоминала о своемъ любовникѣ? эню, государь, говорилъ онъ, дочь одного министра Французскаго двора, по имени Елизавета. Она оставя свое отечество удалилась съ любовникомъ, котораго отчаяла она быть живымъ; однако безпрестанно воспоминала о его имени. Помнится мнѣ, что ее обожающїй предмѣтъ, ею былъ называемъ Несторъ. Я выслушавъ его, упалъ безъ чувства.. Но стараніемъ Донъ Моде, приведенъ былъ опять въ здравой разсудокъ. Ахъ нещастная Елизавета! говорилъ я: отъ меня ты сдѣлалась жертвою тпсего нещa-

нещастія! ахъ дражайшая моя! ты все пренебрегла на свѣтѣ, для того только, чтобъ меня изъ нещастнаго здѣлать щастливымъ. О завидующій щастію моему рокъ! ты похитилъ отъ меня то, что было всего милѣе; кудажъ? къ строжайшимъ ворварамъ въ неволю; о немилосердый рокъ! естьли ты опредѣлилъ мнѣ быть на вѣки злощастнымъ; чѣмъ же предъ тобою согрѣшила Елизавета, съ которою такъ жестоко поступаешъ? Ахъ! изключи ее изъ числа нещастныхъ полно тщетными печалями удручать вашъ духъ, говорилъ мнѣ Донъ Моде вы мученіями вашими, ни какой пользы принести Елизаветѣ не можете тутъ надобно употребить благоразсужденіе; и сколько возможности вашей будетъ, о томъ пещися, чтобъ ее освободить изъ неволи. Я напишу къ Голанскому Резиденту въ Мароккѣ находящемуся письмо; и попрошу его, чтобъ онъ договорился съ Королемъ, о выкупѣ Елизаветиномъ. Я думаю, что вы ради ее не пожалѣете денегъ? ахъ! что ты говоримъ Донъ Моде, вскричалъ я! Все мое имѣніе я ради ее потерять готовъ; и ежели оно не достаточно будетъ для искупленія ея, то пожалуй напиши, что отдамъ за Елизавету все, что ни имѣю; а самъ пойду охотно въ неволю на ея мѣсто.

Тогда Донъ Моде уговаривалъ меня, чтобъ я не печалился: и по обѣщанію употребить всѣ свои возможности для

для Елизаветина выкупу, пошелъ въ свой кабинетъ для написанія письма къ Голландскому Резиденту въ Мароккѣ находящемуся, оставя меня въ чрезмѣрной скорьби.

По возвращеніи своемъ далъ онъ мнѣ письмо къ Резиденту. Я принявши оное весьма благодарилъ за его о мнѣ попеченіе. Послѣ сего я не разсудилъ въ даль откладывать моего путешествія. И такъ нанявши на другой же день корабль и при благополучномъ вѣтрѣ отправился въ путь, имѣя оной весьма вооруженной. Но все мнѣ ни мало не послужило; и я прибылъ въ Мароккъ, не претерпѣвъ на морѣ никакого нещастія.

Имѣя рекомендательное письмо отъ Моде къ Голландскому Резиденту, спѣшилъ его скорѣе найти, и получить чрезъ него то, чего нетерпѣливо желалъ. Однако къ нещастію моему, я его не засталъ въ Мароккѣ: онъ за нѣсколько времени до моего пріѣзда отправился въ Голландію; а намѣсто его присланъ былъ другой. Сіе крайне меня опечалило, и не зналъ, что мнѣ начать. Разсудилъ прибѣгнуть къ новому Резиденту, и просить его о помощи, вѣдая, что я одного съ нимъ исповѣданія, говорилъ; можетъ быть онъ сжалится надо мною, и постарается о выкупѣ Елизаветы .Въ таковыхъ находясь мысляхъ, сыскалъ его домъ. Вошедши же въ залу, просилъ, чтобъ ему обо мнѣ доложили. Спустя нѣсколько минутъ приказано мнѣ было взойти въ его каби-

кабинетъ. Вошедши въ оной, увидѣлъ я сидящаго Резидента нахмуря брови и повѣся носъ; на лицѣ его начертано было самое не чувствительнѣйшее сердце. Я поклонился ему весьма низко, сколько учтивость того требовала; но онъ столько былъ надутъ гордостїю, что едва до тронулся до колпака своего рукою. Я изъявя ему свое почтенїе, объявилъ причину моего къ нему прихода и ожидалъ отъ него отвѣта. Онъ нѣсколько помолчавши и покачавъ головою говорилъ мнѣ такъ: Я крайне сожалѣю о Елизаветиномъ родителѣ, что онъ весьма имѣлъ слабое смотрѣнїе за своею дечерью, и не опасался таковыхъ волочагъ и бездѣльниковъ, каковъ ты. Поди съ глазъ моихъ прочь и никогда мнѣ не являйся, продерзкой! моли Бога, что ты засталъ меня въ веселомъ духѣ; а иначе бы скобавъ тебя въ желѣза, отослалъ на испытанїе къ Елизаветину родителю. А она пусть погоститъ въ сералѣ до тѣхъ поръ, пока окончитъ свой животъ. Сїи имъ выговоренныя слова привели меня въ такую ярость; что я хотѣлъ было его на сквозь проколоть моимъ кинжаломъ; но жалѣя Елизавету, что она останется вѣчно плѣнницею и будетъ до гроба проливать слѣзы, удер-

удержалъ мою руку, и вышелъ вонъ, не говоря ни слова.

Идучи дорогой размышлялъ я самъ съ собою. Ахъ! говорилъ я, не одни только не просвѣщенные имѣютъ жестокія сердца; и между Христіанами находятся еще ожесточеннѣе населяющихъ здѣсь варваровъ. О! нещастнѣйшій я человѣкъ подъ солнцемъ! единое жизни моей увеселеніе въ неприступныхъ мѣстахъ скрывается; и думаетъ, можетъ быть, что я всѣхъ ея нещастій источникъ! ахъ, что за алчное натуры дѣйствіе! доколѣ не зазорную мою добродѣтель гнать не престанешъ? дражайшая Елизавета, думаю, что все дни, часы и минуты въ горчайшихъ препровождаетъ рыданіяхъ, проклиная часъ нашей разлуки. Пойду, пойду въ царскіе чертоги, исторгну изъ рукъ варвара дражайшую Елизавету! но что я говорю? (опамятовавшись) пойду: куда итти? ахъ неподвергнули я чрезъ то Елизавету и себя крайней опасности, и не лишатъ ли меня жизни за такое дерзкое предпріятіе? нѣтъ надобно изыскивать другіе способы къ полученію Елизаветы,

И такъ размышляя долгое время, о своемъ намѣреніи, вздумалъ на конецъ вотъ что: купя себѣ Европейскую женскую одежду и пошелъ къ пристани, гдѣ примѣтилъ, что изъ корабля выгружали свои добычи. Я узналъ что это были такіе же люди, какимъ и Елиза-

вета попалась. Подошедши къ нимъ слѣзно просилъ, чтобъ они меня приняли подъ свое покровительство, и отвезли въ Гишпанію, сказавшись имъ, что я избавилась бѣгетвомъ отъ одного разбойника привезшаго меня на сіи берега. Признаюсь вамъ, любезные друзья! что я въ то время со всемъ былъ другой, нежели какъ вы меня теперь видите, и со всемъ примѣтить того было нельзя, чтобъ я не былъ женщина, и при томъ имѣющая великую красоту. Тѣ варвары, которыхъ я слѣпо просилъ, взявши меня и посадя въ карету, отвезли во дворецъ и представили Государю, которой посмотря на мегя и улыбнувшись приказалъ отвезти въ серальскіе чертоги. Ахъ! какъ я въ то время боялся чтобъ меня не узнали: и когда государь, разсматривалъ, то я стоялъ полумертвымъ, думая, что конечно онъ признаетъ меня, каковъ я семь; однако въ томъ обманулся. А когда онъ приказалъ меня отвести къ женщинамъ; то чуть было я самъ себѣ не измѣнилъ. Сколько мнѣ ни было горѣстно; однако едва сильно не захохоталъ. Закрывши ротъ платкомъ и утирая будто слезы вышелъ вонъ изъ того покоя, гдѣ находился государь,

Вступя въ самой сераль, гдѣ увидѣлъ множество женщинъ, смотрѣлъ, не увижу ли я Елизаветы. Но однако видѣть ее въ тотъ разъ не удостоился. На другой день когда намъ надлежало быть всѣмъ за столомъ, я смотря на всѣхъ

всѣхъ и едва узналъ Елизавету; ибо она отъ долговременнаго заключенія въ сераѣ такъ похудѣла, что едва ее признать можно было. А какъ вставала изъ застола; то я смотрѣлъ, въ которую комнату Елизавета пойдетъ. Къ щастію моему Елизаветина спальня находилась возлѣ моей. Я слѣдовалъ за нею. Она крайне удивилась,видя меня вошедшаго къ ней. Я сказалъ ей на Французскомъ языкѣ, что имѣю ей сказать нѣчто важное. Елизавета узнавши, что я изъ Франціи, затворила дверь того покоя, и спрашивала причины моего къ ней прихода. Я бросился предъ нею на колѣни и говорилъ: дражайшая Елизавета! познай во мнѣ, можетъ быть, ненавистнаго тебѣ Нестора: я желая тебя видѣть пренебрегъ всѣ опасности. Елизавета узнавши меня, бросилась комнѣ, и вскричала весьма громко: Ахъ Несторъ! дражайшій Несторъ! тебя ли я вижу? не привидѣніе ли это? нѣтъ нѣтъ, это его черты, его голосъ, его станъ: словомъ это ты любезнѣйшій Несторъ. Сіи ею выговоренныя слова на вѣки сдѣлали меня нещастливымъ.

Въ самое то время когда Елизавета такъ громко говорила, шелъ мимо того покоя главный Евнухъ. Онъ ставши у дверей спальни,слышалъ всѣ рѣчи Елизаветою произнесенныя; и неговоря ни слова, пошелъ увѣдомить государя о семъ чрезвычайномъ дѣлѣ. Спустя четверть часа, когда мы съЕлизаветою сидѣли на софѣ,и я обнимая ее цѣловалъ

цѣловалъ ея руки, вдругъ двери спальни отворились, и вошелъ самъ государь со множествомъ евнуховъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами. Я отъ сего зрѣлища сидѣлъ, какъ изумленной и немогъ промолвить ни единаго слова. Тогда государь приказалъ меня въ присудствіи всѣхъ раздѣть; и узнавши, что я одинакаго съ нимъ пола, приказалъ было срубить съ меня голову. Но Елизавета спавши предъ нимъ на колѣни, говорила: Ваше Величество! это мой родной братъ, отчаявшись болѣе меня видѣть, вздумалъ перемѣнить свой видъ, для того только, чтобъ со мною поговорить и увѣдомить меня о дражайшихъ нашихъ родителяхъ. Государь видя ея слѣзы, и думая, что то правда, приказалъ ей встать; а меня отвести въ темницу. И такъ наложа на меня оковы, ввергнули въ сію мрачную темницу нещастныхъ.

Лишъ только окончилъ свою исторію Несторъ; то и услышали мы стукъ у дверей. Сего крайне испужавшись, думая, что поведутъ насъ на казнь; но вмѣсто палача, увидѣли мы любезнаго нашего друга Амета. Онъ увидя насъ обложенныхъ оковами, не могъ въ.

нѣсколько времени промолвить ни единаго слова, а по томъ началъ говорить: Ахъ любезные друзья! я уже было отчаялся васъ живыхъ видѣть; но какъ я долженъ благодарить небеса, что они позволили мнѣ наслаждаться вашимъ лицезрѣніемъ! И такъ любезный Монесъ, какіе я долженъ принять мѣры къ избавленію вашему? Кленусь вамъ, что ни когда не возвращусь въ свое отечество, ежели только не увижу васъ свободными. Я обнявши Амета чувствительно благодарилъ за его дружество и стараніе, какое онъ пріемлетъ къ нашему освобожденію; и говорилъ ему что мы никакъ не можемъ быть освобождены, ежели только онъ не постарается увидѣть Ругду, и ее увѣдомить о нашемъ заключеніи, которую Государь чрезмѣрно любитъ; въ противномъ случаѣ ежели она откажется; то я не могу сыскать ни какихъ средствъ къ своему избавленію. Тогда Аметъ, простившись съ нами, пошелъ изыскивать способы, дабы видѣть Ругду.

На другой день мы опять увидѣли идущаго къ намъ Амета. На лицѣ его начертано было великое безпокойство и печаль, и я ни мало не замѣтилъ никакого для насъ счастливаго предвѣщанія. Онъ говорилъ, что всѣ силы употреблялъ, дабы доставить себѣ свободный входъ къ Ругдѣ: и сколько денегъ не

ни изпращилЪ, дабы видѣть ее; но ни что не помогало, а только отЪ имени вашего, отдалЪ оное евнуху, дабы оное вручить Ругдѣ. Подаря его щедро, не сумнѣваюсь, чтобЪ оно не было доставлено вЪ ея руки. И такЪ я увѣря Амета, что его старанїе, какой либо конецЪ имѣть будетЪ, кЪ нашему избавленїю. И вЪ самомЪ дѣлѣ, лишЪ только Ругда извѣстилась о нашемЪ заключенїи. Ибо она своимЪ щастїемЪ должна была мнѣ; и естьлибЪ не я, то бы ей и вЪ королевскомЪ дворцѣ ни когда не бывать. Она весьма сожалѣла о нашемЪ нещастїи, и вознамѣрилась употребить всѣ способы для нашего освобожденїя изЪ темницы. Одѣвшись великолѣпно, вЪ самой тотЪ же день, когда получила письмо, пошла кЪ Королю, которой примѣтя на лицѣ ея внутреннее безпокойство, спрашивалЪ причины онаго. Тогда поцѣловавЪ его руку, Ругда со вздохомЪ говорила: Всемилостивѣйшїй Государь, я имѣю крайнюю нужду, только не смѣю объявить Вашему Величеству, опасаясь, чтобЪ прозьба моя втунѣ не осталась. Король страстно любилЪ Ругду, и онЪ того не могЪ снести, чтобЪ она о его милости сумнѣвалась. ВзявЪ ее за руку и посадя возлѣ себя, говорилЪ: Ничего такого у меня вЪ королевствѣ нѣтЪ, четобЪ я для тебя, любезная супруга не сдѣлалЪ: но пожалуй отЪ

откройся мнѣ смѣло, чего желаешь: увидишь, что въ тотъ же самой часъ будешъ удовольствована. Тогда поцѣловавъ паки Рудда Королевскую руку, говорила: Всемилостивѣйшій Государь! сердце мое отъ радости во мнѣ бьется, что я толь великой милости Вашего Величества удостоилась. И когда Ваше Величество Королевскимъ словомъ обязаться изволили, что прозьбы мои будутъ не безполезны; то я смѣю просить, чтобъ Ваше Величество простили милосердо нещастнымъ Монесу и Маріѣ. Ежели благоразуміемъ вашимъ разсудить изволите; то преступленіе ихъ не столь велико, какимъ быть кажется. Чего страстная любовь на свѣтѣ не дѣлаетъ! Я подлинно знаю, что вина Монесова не отъ произвольнаго духа его злобы; но отъ принужденія не сносной любви произошла. И такъ вторично прошу Ваше величество, освободите ихъ отъ тяжкаго заключенія, и дайте имъ волю, довольствоваться плодами ихъ нещастной любви.

Тогда поцѣловавъ свою супругу Король, такъ ей отвѣчалъ: Монесъ съ Марїею строжайшей бы неминули смерти, есть ли бы не имѣли такого за себя предстателя, котораго я люблю больше нежели самаго себя. Я имъ вину ихъ ради только васъ прощаю, и конечнобъ я Монеса на прежней его чинъ возвелъ; но его преступленїе столь велико, что я опасаюсь бунту народнаго противу моей несправедливости, и потому я его присебѣ оставить не хочу. Когда онъ сдѣлался преступникомъ противу нашего закона; и ежели вы болѣе меня въ разсужденїи Монеса утруждать станете, говорилъ онъ Королевѣ, то простите меня, что вы ни какого отъ меня удовольствїя не получите. Ругда видя, что Король всѣ ея предпрїятїя, для возведенїя моего на первое достоинство послѣдними словами уничтожитъ. Чего я ни когда не желалъ, и она бы меня болѣе сдѣлала нещастнымъ; нежели щастливымъ, ежели бы только исходатайствовала прежнїй мой чинъ при Королѣ. Но Ругда была и тѣмъ довольна, что избавила меня отъ неминуемой смерти; и только просила Короля, чтобъ приказалъ, Капитану гвардїи уволить меня изъ темницы. Тогда Государь призвавши Капитана, приказалъ ему, чтобъ тотъ же часъ мнѣ и Марїѣ вольность далъ.

И такъ мы съ Марїею находясь въ темницѣ совсемъ не знали о своей участи, какъ вдругъ двери темницы отво-

рились и вошелъ къ намъ Капитанъ, которой тотъ же часъ приказалъ насъ расковать, и говорилъ мнѣ, чтобъ я не болѣе въ Мароккѣ пробылъ, какъ три дни: въ противномъ случаѣ, одинъ день причинитъ мнѣ нещастїе, потомъ насъ оставя вышелъ. И мы лишь только успѣли облобызать нещастнаго Нестора и пожалѣть о его нещастномъ состоянїи, что рокъ такъ съ нимъ немилосердо поступаетъ; то насъ почти насильно изъ тюрьмы вытащили; приказавъ соблюсти приказъ Государевъ.

По выходѣ изъ того мрачнаго мѣста, не знали, куда намъ итти; однако разсудили до тѣхъ поръ не отходить отъ дверей темничныхъ, пока не увидимъ Амета, которой обѣщался оставя насъ скоро возвратиться. И такъ не болѣе прошло получаса, какъ мы увидѣли идущаго Амета. Онъ увидя насъ нечаянно, въ крайнее пришелъ удивленїе, и отступя назадъ говорилъ: Не привидѣнїе ли я вижу? не обманываютъ ли меня глаза мои? тогда я видя его въ такомъ состоянїи подбѣжалъ къ нему; и обоймя его говорилъ: Нѣтъ; любезный другъ, это не привидѣнїе! это я и Марїя которыхъ ты видишъ предъ собою сїю минуту освобожденныхъ изъ темницы; онъ сему крайне дивился, и говорилъ: отъ кого бы могло произойти такое благодѣянїе? но какъ я его увѣрилъ, что непремѣнно мы вольностїю одолжены Ругдѣ по твоему старанїю лю-

любезный другъ! однако какъ бы то ни было, говорилъ я ему, мы теперь должны искать какого нибудь пристанища не болѣе какъ на три дни, а иначе я опять буду еще большія сносить нещастія, ежели хотя одинъ день пробуду въ Мароккѣ.

Но какъ Аметъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ довольно пространные покои, и просилъ насъ, чтобъ мы за нимъ слѣдовали. Чегожъ было больше мнѣ желать? я взявши Марію подъ руки пошелъ за Аметомъ въ его домъ, куда прибывъ поздравя другъ друга съ вольностію желали окончанія всѣхъ нашихъ бѣдствій.

На другой день лишъ только мы успѣли встать, какъ увидѣли женщину вошедшую къ намъ, которая посмотря на меня подала мнѣ письмо, я принявши оное читалъ въ немъ слѣдующее.

Г: М:

Крайне сожалѣю о вашемъ нещастіи, что я не могла изпросить у государя того для васъ щастія, какимъ вы прежде наслаждались: однако я и то себѣ за великое щастіе почитаю, что любезнаго для меня человѣка могла избавить отъ неминуемой смерти. Въ прочемъ требуйте отъ меня всего того, что по-

требно къ вашему пути. Требованіе ваше исполнено можетъ быть чрезъ Марію, которую прошу ко мнѣ отпустить съ сею женщиною. она ее проводитъ ко мнѣ чрезъ потаенные двери.

ваша доброжелательница

РУГДА.

Я съ охотою на то согласился, ибо отъ того зависѣло щастіе Нестора и Елизаветы. И такъ отпустилъ я Марію давши ей наставленіе, какимъ образомъ надлежало ей старатся уговорить Ругду, дабы она постаралась дать свободу Нестору и Елизаветѣ. Начали мы съ Аметомъ помышлять объ отъѣздѣ въ свое отечество, и такъ я просилъ Амета, чтобъ съѣздилъ напристань не найдется ли какого корабля отправляющагося въ Христіанскія земли. Лишъ только онъ успѣлъ сойти со двора то и увидѣлъ я идущую Марію въ провожаніи той же женщины, которая проводя ее до дверей возвратилась обратно во дворецъ. Я выскоча навстрѣчу Маріи спрашивалъ о успѣхѣ нашихъ общихъ желаній въ разсужденіи Нестора, она мнѣ сказала, что чрезвычайно была хорошо принята Ругдою, и которая подарила ей нѣсколько драгоцѣнныхъ каменьевъ, и пять тысячь ефимковъ на дорогу, чтожъ касается, до Нестора,

говорила Марїя, то Ругда совсемЪ отозвалась, ибо говорила, что никакЪ не смѣетЪ, просить Государя, вЪ такомЪ скоромЪ времени; а обѣщалась нашу прозьбу удовольствовать, спустя нѣсколько времени, когда государь будетЪ имѣть веселой духЪ; и притомЪ совѣтовала мнѣ, чтобЪ какЪ можно скорѣе отправились, и вотЪ прислала письмо дабы оное вручить Гавани камендаенту. Оно было запечатано, и для того мы не знали, что вЪ немЪ написано было. Спустя нѣсколько часвЪ вошелЪ кЪ намЪ и АметЪ, онЪ сказалЪ, что теперь ни какихЪ кораблей вЪ Гавани нѣтЪ, которые бы готовы были плыть вЪ море. Сїе меня крайне опечалило, что я промедлю данной мнѣ срокЪ, быть вЪ такомЪ мѣстѣ, гдѣ долженЪ опасаться смерти. Но надѣясь на Ругдино письмо кЪ камендату посланное, не сумнѣвался, чтобЪ она не приказала насЪ отвести, по тому что всѣ начальники весьма боялись и почитали Ругду по той причинѣ, что ею рожденЪ былЪ наслѣдникЪ. И такЪ оставя я Марїю пошелЪ сЪ АметомЪ кЪ Гавани, гдѣ нашедши Коменданта, вручилЪ ему письмо Ругдино, онЪ принявши оное, и когда прочиталЪ; то поцѣловалЪ оное, вЪ знакЪ почтенїя кЪ той особѣ, отЪ кого оно прислано. По томЪ спросилЪ меня: я ли называюсь МонесЪ? а какЪ узналЪ что это точно я былЪ; то и приказалЪ, дабы я готовЪ былЪ чрезЪ пять часовЪ кЪ отъѣзду. Я учтиво его по-

нобдагодаря поспѣшалъ увѣдомить о томъ Марїю; пришедши же домой, увѣдомилъ ее обстоятельно о всемъ, что со мною говорилъ камендантъ. Приказалъ я Марїѣ и Амету збираться въ путь; а самъ пошелъ навѣстить Нестора, заключеннаго въ темницѣ, и ежечастно проливающаго слезы. Лишъ только я приближился къ дверямъ темничнымъ, и подаря стража, дабы далъ мнѣ свободной входъ, видѣть Нестора. Въ отвѣтъ получилъ отъ него, чтоуже Несторъ, часа тому съ два, какъ выведенъ изъ темницы Капитаномъ Гвардїи, и гдѣ теперь находится, того не знаетъ. Я не зналъ, чемубъ приписать, такъ скорое превращенїе. Пошелъ обратно домой, куда пришедши нашелъ все готово къ отъѣзду. Я разсказалъ Амету и Марїи Несторово превращенїе, и такъ мы всѣ трое крайне тому дивились. Аметъ напомнилъ мнѣ, что уже время настало, ѣхать къ гаванѣ, и такъ сѣвши въ коляску отправились къ камендапту, оставя Нестора и Елизавету на произволъ ихъ рока. Сколько ни скучно было мнѣ оставить ихъ въ такомъ плачевномъ состоянїи, но и то мнѣ на мысль приходило, что я своимъ медленїемъ ни какъ имъ помочь не могу; а только причиню чрезъ то себѣ новое нещастїе. Въ таковыхъ находясь мысляхъ прїѣхали мы къ камендапту, которой тотъ же часъ проводилъ насъ самъ на корабль, со всемъ уже готовыхъ пуститься въ море. И такъ взойдя на

на оной приказалъ я поднять всѣ парусы, принося усердныя молитвы къ небесамъ, дабы путь нашъ устроили благополучнымъ. И такъ когда уже не видно стало Марокскихъ башенъ, то я нечаянно вошедъ въ одну каюту, которую хотѣлъ занять для себя, увидѣлъ въ оной Нестора въ объятїяхъ Елизаветы: отъ сего нечаяннаго зрѣлища закричалъ я столь громко, что Марїя и Аметъ прибѣжали ко мнѣ въ великомъ страхѣ, думая, не причинилось ли мнѣ какого нещастїя: но увидя Нестора и Елизавету, узнали причину моего страха. Однако скоро всѣ пришли въ себя, и благодарили судьбу, что избавились отъ неволи. Несторъ же и Елизавета были такъ же освобождены Ругдою, которая чрезвычайно любила Елизавету: а какъ еще и я ее просилъ о томъ; то она приказала Капитану, проводить ихъ на тотъ же корабль, на которомъ мы должны были находиться. И такъ мы больше ни очемъ не говорили, какъ другъ друга обнадеживали, что скоро увидимъ Христїанскїя земли, и въ первомъ селенїи хотѣлъ я съ Марїею связать наши сердца не разрывною цѣпью супружества. Но небу не такъ было угодно нашимъ жребїемъ располагать, и мы принуждены были сносить еще новыя нещастїя.

Въ то время Алжирцы съ Французами имѣли войну, и повсюду разъѣзжали для сысканїя непрїятелей. Бригантинъ Алжирской встрѣтился съ нашимъ слу-

судномъ, на которомъ мы отправились изъ Марокка. Оное было Французское и почти не вооруженное. Неприятели наши начали уже по насъ стрѣлять изъ пушекъ, и мы принуждены были доброволько сдаться. И такъ Алжирцы нашимъ судномъ легко овладѣли.

Я въ то время изрядно говорилъ по Арабски, и назвалъ себя мусульманомъ, и сказалъ имъ, что ѣду во Францїю для выкупу одного моего сродственника, которой съ Алжирскимъ бригантиномъ въ неволю попался. Платье на мнѣ въ то время было мусульманское, и самое то въ которомъ при Государѣ служилъ: будучи первымъ его еще любимцемъ. И такъ удалось мнѣ обмануть сихъ зверскаго обычая людей. Но какъ Марїя находилась въ европейской одеждѣ, то я сказалъ Капитану Бригинтина, что я купилъ ее въ Мароккѣ, и что хочу, давши ей вольность, на ней жениться; но Капитанъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что права Морскїя все въ добычу брать повелѣваютъ, ежели что либо на непрїятельскомъ сыскаю будетъораблѣ. И такъ я ни какимъ образомъ не могъ спасти дражайшей моей Марїи. Елизавета была хотя одѣта и въ мусульманское платье, однако и ее Несторъ принужденъ былъ лишиться; одинъ только Аметъ надѣялся увидѣть скоро свою супругу. Вотъ въ какое мы вновь попались нещастїе! кажется, что уже и такъ довольно судьба нашимъ щастїемъ поиграла, и время бы наградить ей

ей насъ! но нѣтъ! она гнать насъ еще непреставала.

И такъ когда насъ привезли въ Алжиръ, то и представлены мы были всѣ предъ Дея. Тогда находился приономъ Маркизъ Р: о которомъ я и забылъ вамъ упомянуть въ началѣ моей исторіи, что онъ смертельно былъ влюбленъ въ Марію, и попричинѣ своей бѣдности не надѣялся получить ее себѣ въ супруги, а притомъ узнавши, что я ей соперникъ; то и совсемъ отчаялся въ своемъ намѣреніи: узнавши же, что я бѣжалъ съ Маріею; то пришедъ къ моему родителю, сказалъ, что онъ обѣщается меня ему доставить, только бы онъ за все его стараніе наградя, постарался совокупить ихъ съ Маріею. Родитель мой весьма обрадовавшиесь такому случаю, и давши ему довольное количество денегъ, опустилъ его для сысканія меня. И такъ онъ ѣздя не малое время и не нашедши меня, опредѣлился къ Дею и былъ первымъ его любимцемъ. Лишъ только онъ увидѣлъ Марію, то отъ внутренняго ужаса весь затрепепталъ, и смотрѣлъ сожалительнымъ окомъ и на меня возлѣ ее стоящаго, и жестокія испускалъ воздыханія. Онъ видя, что Марія находится въ крайнемъ нещастіи, и что надлежитъ ей быть послѣднею невольницею у Государя: ибо въ то время Дей былъ весьма старъ и дѣтей у него не было. Толь ужасное воображеніе потревожило его

его сердце. Онъ хотѣлъ было за нее предъ Деемъ вступиться, и назвать своею женою; но опасался, что она отъ него отречется, (такъ какъ онъ самъ послѣ намъ въ томъ признавался) и что чрезъ то лишится милостей Дея. Наконецъ не зная, что съ собою дѣлать, палъ при насъ къ Деевымъ ногамъ и со слезами слѣдующія произносилъ слова: ,,Всемилостивѣйшій Государь! это предъ ,,высочайшимъ вашимъ престоломъ се- ,,стра моя предстоитъ, ей осуждено ,,было попасться въ неволю и быть под- ,,властною тому государю, которому я ,,служу. Всепокорнѣйше прошу Ваше Ве- ,,личество! не отдавать ее въ дележъ, я ,,все мое имѣніе отдать занее готовъ ,,ибо все мое благополучіе отъ того за- ,,виситъ, что въ такомъ государствѣ, ,,гдѣ не имѣю ни сродственниковъ ни ,,друзей, буду имѣть одну сестру, ко- ,,торую люблю болѣе всего на свѣтѣ.

Сіи имъ выговоренныя слова привели меня въ великой страхъ. Ибо ни я ни Марія со всемъ до того Маркиза не узнали. Я воспламѣнившись внутренно жаромъ, и бросясь предъ Деемъ на колѣни, такъ говорилъ: Милостивѣйшій Государь! я по милости Святяго нашего Магомета истинный Мусульманъ, и я достался въ то государство, гдѣ православный нашъ Алкоранъ въ сердцахъ набожныхъ процвѣтаетъ Я Марію выкупилъ изъ неволи Марокской: съ тѣмъ только, дабы наней жениться, за что же меня лишать той, которая небомъ

небомъ въ вечнаго товарища мнѣ назначена? тогда такъ мнѣ отвечалъ Дей: ты долженъ было быть осторожнымъ и не отправляться съ кораблемъ непрїятельскимъ, и хотя тебя невольникомъ сдѣлать запрещаютъ законы; однако морскїя права отнимаютъ вольностъ у Марїи. Братъ больше всѣхъ надъ нею имѣетъ право и я оному уступаю. Тогда опасаясь Маркизъ, чтобъ Марїя и отъ братства предъ Деемъ не отказалась, вскричалъ съ торопливостїю: Всемилостивѣйшїй Государь! я давно имѣю честь знать Монеса, и желаю отъ всего моего сердца, чтобъ сестра моя была его женою, только съ тѣмъ договоромъ, чтобъ они въ моемъ домѣ жили. Тогда Дей сказалъ Маркизу: естьли ты хочешъ за него выдать свою сестру, это отъ тебя зависитъ; возми ихъ къ себѣ въ домъ я оное тебѣ позволяю.

Тогда приказалъ Маркизъ всѣхъ насъ отвести служителямъ своимъ въ его домъ, которой подаренъ былъ ему Деемъ. И такъ когда отвели насъ въ домъ Маркиза, то мы оставшись на единѣ съ нашими друзьями, разсуждали о сказанныхъ словахъ маркизовыхъ предъ Деемъ. И я крайне дивился его великодушїю, что онъ имѣя власть у меня отнять Марїю, назвалъ ее своею сестрою. Но я послѣ отъ него узналъ, что онъ не съ тѣмъ отцу моему обѣщался представить меня, чтобъ отнять у меня Марїю; но съ тѣмъ только, чтобъ сдѣлаться мнѣ другомъ сообща родитель-

родительскія о мнѣ мнѣнія. И такъ когда Маркизъ пріѣхалъ, то засталъ насъ въ своемъ кабинетѣ другъ друга цѣлующихъ руки. И хотя такое зрѣлище ревниваго любителя сердце тронуть могло; однако маркизово ни радости ни болѣзни изъ того зрѣнія чувствовать не могло.

Мы увидя Маркиза вскочили съ софы, и стояли предъ нимъ, какъ предъ господиномъ. Тогда Маркизъ просилъ насъ учтиво, чтобъ мы сѣли и говорилъ такъ: о! счастливые души въ свѣтѣ, которыхъ ни неволя, ниже какое нещастіе разлучить не можетъ. Радуюсь, что вамъ нѣсколько помочь могу, хотя вы любезный Монесъ и думаете, что я вашъ соперникъ! но не думайте того, чтобъ я силою могъ получить сердце Маріино, которое давно уже отдано вамъ. Не успѣлъ онъ выговорить еще сихъ словъ, какъ пришелъ къ нему отъ Дея ординарецъ, сказывая, что его Свѣтлость, приказалъ позвать къ себѣ Монеса. Я оставя мою Марію съ Маркизомъ и моими друзьями принужденъ былъ итти къ Дею. Лишъ только я явился предъ него, то приказано было меня сковать, а послѣ такъ же послано было и за моими друзьями, которыхъ такъ же сковали. Не зная за собою ни какой причины плакали не утѣшно о нашемъ нещастіи. Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ во дворецъ и Маркизъ, и какъ ско-

скоро насъ увидѣлъ скованныхъ; то спросилъ карауальнаго офицера о причинѣ нашего нещастія. Ему отвѣтствовано такъ: что король мароккскій отпустилъ Монеса съ Маріею въ Христіанскія земли. Но они не довольны еще симъ будучи, разбили тюрьму и вывѣли изъ оной одного молодаго человѣка, которой называется Несторъ. А Марія зная потаенные двери въ Сераль, сманила изъ онаго одну молодую дѣвицу, которую Король Мароккскій весьма любилъ, то послалъ вовсѣ окрестныя земли, чтобъ ихъ задержать. Но какъ посланникъ его въ Алжирѣ находящійся, получа отъ своего государя письмо, узналъ о томъ, что съ полоненымъ кораблемъ привезенъ былъ въ Мароккское платье одѣтый мусульманъ, то и пришелъ предъ Дея у коего спрашивалъ, куда дѣвался изъ Марокка пріѣхавшій магометанецъ? Дей зная, что онъ въ вашемъ домѣ послалъ по него, и когда онъ предсталъ предъ Дея въ присудствіи посланника, которой зная его совершенно, сказалъ Дею, что онъ тотъ самой, которой увезъ изъ Марокка двухъ особъ. Выслушавъ его Дей, приказалъ сковать Монеса въ желѣзы такъ же и сихъ, коихъ вы видите.

Тогда Маркизъ не говоря съ нами ни слова, пошелъ къ Дею, которой находился, въ другомъ покоѣ; и мы разговоры ихъ могли слышать.

Маркизъ войдя къ Дею бросился къ его ногамъ, слѣдующія произнося про;

прошенія.,, Всемилостивѣйшій государь! ,,естьли я чѣмъ заслужилъ милость ,,вашей свѣтлости, то просить дерзаю, ,,о сихъ нещастныхъ, коихъ вы приказали сковать, соблаговолили ихъ принять подъ высочайшее ваше покровительство. Сестра моя чрезвычайно влюблена въ Маркиза, и конечно жизни лишенною останется, такъ же и другіе просятъ вашей помощи. Они такъ же другъ друга любятъ и претерпѣвали нѣсколько лѣтъ разлученіе.

Алжирской сей весьма любилъ маркиза, и онъ не хотѣлъ его оскорбить не удовольствованіемъ его желанія. Велѣлъ насъ всѣхъ освободить отъ оковъ, и представить предъ себя. И такъ когда мы предъ него приведены были, то павши на колѣни съ трепетомъ стояли въ его присудствіи. Дей видя насъ отъ страха дрожащихъ, такъ намъ говорилъ: вы всѣ вѣчно должны молить Бога за Маркиза, которой вамъ милость мою исходатайствовалъ, теперь ни чего не опасайтесь и будьте благодарны Маркизу, которому вы своимъ счастіемъ долженствуете. Послѣ сего мы вставши и поклонясь вышли вонъ, и пошли въ домъ Маркиза, котораго осыпали со всѣхъ сторонъ благодареніями. Тогда Маркизъ обѣщался насъ отправить, во Францію; а самъ хотѣлъ послѣ бѣжать; а иначе говорилъ онъ, ежели мнѣ самому съ вами ѣхать; и ежели узнаетъ о семъ Дей, то вы будете отосланы въ Мароккъ, а я лишусь всѣхъ его милостей

И такъ тотъ же день Маркизъ упросилъ Тунискаго Капитана корабля, которой ему былъ другъ, чтобъ насъ доставилъ въ Тулонъ, которой по сродной своей смѣлости согласился на Маркизовы представленія. И когда корабль его былъ награжденъ, то онъ далъ Маркизу знать о своемъ изъ Алжира отваленіи, въ слѣдующій день.

Тогда маркизъ призвавъ меня такъ мнѣ говорилъ: послушай любезный Монесъ! не думай, чтобъ я былъ щастію твоему препинателемъ. Корабль для васъ готовъ. Сей ночи вы должны отправиться, и такъ будьте готовы; а я васъ буду дожидаться на кораблѣ, гдѣ съ вами распрощаюсь; а самъ буду послѣ изыскивать случая за вами слѣдовать, и потщусь на всегда быть вашимъ другомъ. И такъ когда солнце потеряло свой блескъ, и ясная луна заступила его мѣсто; я, распрощавшись съ Маркизомъ, пошелъ въ его домъ, и положа наши чемоданы въ колясаи; а сами пошли пѣшіе до самаго берега, гдѣ сѣвши въ подвезенную шлюбку, прибыли на корабль, гдѣ уже маркизъ насъ дожидался.

Вѣтръ тогда былъ попутной, и уже Капитанъ приказалъ поднять всѣ парусы. Тогда мы обнявши Маркиза, благодарили его, что онъ насъ избавилъ отъ смерти, иначебы не минуемо мы были жертвою меча. И такъ простившись съ нашимъ избавителемъ, пустились въ море. На сей случай небо съ нами по-

поступило милосердо, и мы прибыли чрезъ восемь дней благополучно въ Тулонъ, гдѣ вознаградя довольно капитана, ибо я въ то время не имѣлъ не достатка въ деньгахъ, меня оными наградила Ругда; потомъ вошли мы въ городъ, гдѣ нанявши домъ хотѣли нѣсколько времени пробыть въ томъ городѣ.

Въ одно время, оставшись я одинъ съ Марїею и поздравя другъ друга съ окончанїемъ нашихъ бѣдствї[illegible], Марїя мнѣ говорила: не сказывала ли я тебѣ любезный Монесъ! во время твоего сѣтованїя въ темницѣ, что и въ наинесноснѣйшемъ несчастїи не надобно отчаяватся; вотъ какъ небо намъ возблагопрїятствовало, когда мы того и не надѣялись. Тогда я цѣловалъ ея руки, и такъ ей отвѣтствовалъ: дражайшая Марїя! конечно я теперь долженъ благодарить судьбу, что избавила насъ отъ неволи; но сего еще не довольно, ежели смѣю тебя просить, чтобъ ты окончила мои страданїя совокупясь со мною законными узами супружества

Тогда Марїя говорила мнѣ: Ахъ Монесъ! неужели ты сумнѣваешся о томъ; я и сама хотѣла было упредить тебя сею прозьбою; но какъ вы о семъ прежде мнѣ предложили, то и старайтесь окончить оное поскорѣе, дабы намъ не было какихъ новыхъ препятствїй, къ совершенїю брака.

По окончанїи ея рѣчи, вошелъ къ намъ Аметъ съ Емилїею, которую онъ оставилъ въ Тулонѣ, когда отправился въ

Марокк для освобожденія нас из темницы.

Марія и Емилія обнявши друг друга и проливая радостныя слёзы, клялись всегда вести между собою не разрывное дружество. Я оставя их пошел к пастору, и упрося его, дабы он нас сочетал браком, пастор на мое предложеніе охотно согласился, и обещался, в скором времени за мною быть. И так я пришедши обратно домой, уведомил о сем Марію, которая пошла к брачной церемоніи пріуготовляться, и одевшись великолепно вышла в ту комнату, где я с Аметом находился; она показалась мне столько прелестною что я неспускал с нее глаз до тех пор, пока не пріехал пастор. Я принял его весьма учтиво, и просил его чтоб он вышел в другую комнату, где я пред Богом в присудствіи его принес истинное покаяніе в разсужденіи моего беззаконія, что будучи в Марокке принял магометанской закон, дабы сыскать чрез то лучшую дорогу, к полученію Маріи. Хотя то происходило и не от чистаго моего сердца; но я то почитал для себя тяжким преступленіем противу Бога. И так когда я в содеянном мною грехе, принес чистосердечное признаніе, то пастор поучивши меня довольно, каким образом я должен получить от Бога прощеніе, вышел со мною в залу. Где в присудствіи моих друзей, сочетал нас с Маріею законным бра-

бракомъ. и такъ поздравя насъ хотѣлъ было обратно ѣхать; но я просилъ его остаться для такой же причины; потомъ заступили наше мѣсто Несторъ съ Елизаветою; были такъ же соединены свищенными узами.

Послѣ сего обряда былъ приготовленъ великолѣпный столъ, за которымъ находились мои друзья, такъ же и пасторъ съ хозяиномъ того дома. По окончанiи стола, мы наслаждались покойнымъ сномъ, каждой находясь въ обьятiяхъ дражайшей своей супруги.

На другой день начали мы помышлять объ отъѣздѣ въ Парижъ, но къ сему прiуготовленiю немного потребно было времени. Я послалъ слугу, коего нанялъ въ Тулонѣ, чтобъ онъ сыскалъ три дорожныхъ коляски, а сами пошли въ городъ, гдѣ закупя все нужное къ нашему пути, ожидали моего слуги, которой приведя извощиковъ, съ коими я договорившись, приказалъ на другой день быть рано ко мнѣ. И такъ мы проводили и другую ночь весьма весело. И лишъ только проснулись, то и доложили намъ, что все къ отъѣзду готово. Мы вставши и одѣвшись въ дорожное платье, расплатясь съ хозяиномъ, сѣли въ подвезенныя коляски попарно, и отправились въ путь. Дорога была для насъ не скучна, имѣя каждой предъ глазами свой предметъ. И такъ чрезъ четыре дни прибыли благополучно въ Парижъ.

Я не разъ удилъ явиться вдругъ на глаза моихъ родителей, и остановился

остановился въ трактирѣ. Отпустя извощиковъ вошли въ особливой покой, и поздравя другъ друга съ пріѣздомъ, приказалъ я изготовить столъ: и когда оной былъ накрытъ; то я приказалъ позвать къ себѣ хозяина, котораго спросилъ, знаетъ ли онъ Марокскаго М: и живъ ли онъ? въ отвѣтъ получилъ отъ него; какъ, государь мой, не знать сего славнаго мужа въ Парижѣ! только онъ нынѣ находится въ крайнемъ огорченіи о потерѣ своего сына, которой, уже тому шесть лѣтъ, какъ скрылся съ одною благородною дѣвицею, въ которую онъ до чрезвычайности былъ влюбленъ. И сказываютъ, для того оставилъ свое отечество, что родитель его не позволялъ на ней жениться. А нынѣ онъ крайнѣ раскаивается, что чрезъ упрямство потерялъ своего сына, которой долженъ быть его великаго имѣнія одинъ наслѣдникъ.

По окончаніи трактирщиковыхъ словъ навернулись у меня на глазахъ слѣзы; однако я старался, какъ можно, оныя унять, дабы ему не дать о себѣ знать; а какъ онъ вышелъ, то я далъ вольное теченіе своимъ слезамъ. Но Марія вздохнувши говорила мнѣ: Ахъ любезный супругъ! я примѣчаю, что ты меня не любишъ, когда раскаиваешся въ своемъ невинномъ преступленіи. И ежелибъ ты меня любилъ, такъ какъ я тебя; что бы не сталъ проливать ручьи слезъ. что жъ до того, что ты столько времени былъ въ отдаленіи отъ своихъ родителей? ты

ты долженъ теперь радоваться, что засталъ ихъ еще живыхъ. Нѣтъ, нѣтъ Марія, прервавъ я рѣчь, ты меня крайне обижаешъ, будто бы я тебя не любилъ: только можетъ ли мнѣ быть что либо милѣе на свѣтѣ, кромѣ тебя? а у меня отъ того текутъ слезы, что у вижу родителей не менѣе меня слезы проливающихъ.

Однако не долго наша ссора продолжалась; и мы той же минуты стали другъ друга цѣловать. Въ то самое время принесъ трактирщикъ счетъ, коему я заплатившы за кушанье, отпустилъ. А по томъ просилъ свою любезную супругу, чтобъ она поѣхала со мною къ моему родителю. Они на сіе съ охотою согласились. И такъ мы сѣвши въ нанятую карету, поѣхали въ домъ моего родителя, оставя моихъ друзей, за которыми хотѣлъ послѣ прислать. И такъ когда мы прибыли на дворъ и взошли въ переднюю; спрашивалъ я у служителей: у себя Маркизъ М: но ни одинъ изъ нихъ немогли меня узнать, можетъ быть отъ того, что отъ многихъ мною претерпѣнныхъ несчастій лице мое со всемъ перемѣнилось. А какъ узналъ, что онъ былъ дома; то и приказалъ изъ учтивости о себѣ доложить, сказавшись другимъ именемъ: а когда получилъ позволеніе войти: то я взявши Марію за руку и взошедши въ кабинетъ, въ которомъ родители мои находились, бросились мы предъ ними на колѣни, и началъ я говорить такъ:

Дражайшіе родители! ежели смѣю назвать васъ симъ именемъ, вы видите предъ собою вашего сына съ его фамиліею. Мы не стараемся оправдать себя предъ вами, мы виновны. Любовь причиною нашего преступленія. Она одна можетъ у васъ исходатайствовать намъ прощеніе, вы можете насъ простить и можете погубить. Чѣмъ меньше мы заслуживаемъ вашего прощенія; тѣмъ достохвальнѣе вамъ будетъ, намъ даровать оное: небо уже насъ соединило, совершите вы нашъ бракъ, своимъ прощеніемъ. Родители мои наблюдая долгое время молчаніе, смотрѣли безъ всякаго движеніяналіющіяся нами слезы. Потомъ родитель мой первой прервавъ молчаніе вскричалъ: Любезный сынъ! тебя ли я вижу у ногъ моихъ! ахъ Боже мой! это онъ; встань любезный сынъ! обойми меня: я тебя прощаю, встань и ты любезная Марія; встань, и считай съ сего времени меня вторымъ отцомъ своимъ.

И такъ мы долгое время находились въ объятіяхъ другъ друга. Потомъ я бросился къ моей родительницѣ, и цѣловалъ ея руки: такимъ же образомъ и Ма-

рія обнимая ее называла своею матерью. Тогда родитель мой опять прижавъ меня къ своей груди, говорилъ: Ахъ любезный сынъ! прости мнѣ, что ты чрезъ мою суровость претерпѣлъ, можетъ быть, великія нещастія. Обладай съ сего самаго часа моимъ имѣніемъ. Я благодарю небеса, что спасли твою жизнь, и возвратили тебя въ мои объятія, утѣшить меня приспарости; и я умру спокоенъ, что насладился твоимъ взоромъ.

Находясь такимъ образомъ въ восхищеніяхъ, послалъ я карету за моими друзьями, которые раздѣлили нашу радость; послѣ сего прибылъ мой тесть. Онъ увидя свою дочь, пришелъ отъ радости внѣ себя, и немогъ промолвить долгое время ни единаго слова, а послѣ, прижавъ насъ къ своимъ грудямъ проливая источники слезъ называя насъ своими дѣтьми Однако, послѣ всѣ успокоились, и мы всѣ стали жить въ одномъ домѣ.

Несторъ и Елизавета получили такъже чрезъ моего родителя себѣ прощеніе и переѣхали жить въ домъ Елизаветина родителя. А Аметъ послалъ просительное письмо о прощеніи къ своему тестю, и чрезъ нѣсколько времени получилъ отъ него письмо, чтобъ ѣхалъ къ нему неопасаясь ничего.

И такъ сколько мнѣ ни жалко было разставаться съ Аметомъ и Емиліею; однако по пролитіи многихъ слезъ мы разстались

давши клятву, чтобъ ежегодно увѣдомлять другъ друга о здоровьѣ.

Къ великому моему нещастію получилъ я немалой ударъ по пріѣздѣ въ Парижъ. Родитель мой чрезъ два мѣсяца моего къ нему пріѣзда скончался; а за нимъ, чрезъ три недѣли послѣдовала во гробъ и мать моя. Сія потеря какъ меня, такъ и Марію крайне опечалила, и долгое время мы мало помалу начали позабывать. И я просилъ моего тестя, дабы онъ, оставя свой замокъ, переѣхалъ въ мой домъ; на что онъ охотно и согласился.

И такъ любезный другъ, не подумайте чтобъ я хотя единое слово прилагалъ въ моей исторіи; а развѣ только чего либо не могъ изъяснить порядочно, тому причиною короткія мои мысли и ваше скорое требованіе отъ меня моей исторіи. Впрочемъ я теперь живу весьма спокойно, и поблагости Божіей имѣю уже сына, которой представляетъ совершенной образъ своей матери.

Я и позабылъ васъ увѣдомить, что Маркизъ, которой насъ избавилъ отъ смерти и отправилъ изъ Алжира въ свое отечество, къ намъ пріѣхалъ, и женился на одной изъ лучшихъ красавицъ, и мы съ нимъ живемъ весьма дружелюбно, и получаемъ ежегодно отъ Амета письма, въ которыхъ онъ пишетъ что имѣетъ у себя уже дочь. итакъ любезный другъ! вотъ вся моя плачевная исторія: концемъ же я весьма доволенъ, и желаю всѣмъ добрымъ людямъ, чтобъ жену всякъ столько любилъ, сколько я, и она меня.

КОНЕЦЪ.

давши [illegible] бдом-
лять [illegible]
Къ ве [illegible] училъ
я нем [illegible] рижъ.
Родин [illegible] егокъ
нему [illegible] чрезъ
при н [illegible] мать
моя. С [illegible] Марїю
крайн [illegible] и ма-
ло пон [illegible] про-
силъ [illegible] свой
замокъ [illegible] онъ
охотн [illegible]
И та [illegible] айте
чтобъ [illegible] ъ въ
моей [illegible] бо не
могъи [illegible] иною
корот [illegible] ребо-
ванїе о [illegible] емъя
теперь [illegible] ости
Божїей [illegible] спа-
вляет [illegible] ери.
Я и п [illegible] Мар-
кизъ, к [illegible] ьны
и отр [illegible] ест-
во, кън [illegible] дной
изълуч [illegible] жи-
вемъ ве [illegible] еже-
годно о [illegible] онъ
пишет [illegible] такъ
любезн [illegible] зная
исторї [illegible] ъ, и
желаю [illegible] же-
ну всяк [illegible] и
она мен [illegible]

